

ISSN 2073-6118

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ
им. М.В. ЛОМОНОСОВА

ФИЛОСОФИЯ
ХОЗЯЙСТВА
АЛЬМАНАХ
ЦЕНТРА ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК И
ЭКОНОМИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

МАРТ
АПРЕЛЬ **N2(134)**

МОСКВА 2021

Философия хозяйства. Альманах Центра общественных наук и экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.
2021. № 2. — 304 с.

Главный редактор Ю.М. Осипов

Научно-редакционный совет:

д.э.н., проф. А.И. Агеев; д.э.н., проф. У.Ж. Алиев (Казахстан); д.ф.н., проф. А.Л. Андреев;
д.х.н., проф. Л.А. Асланов; д.э.н., проф. А.П. Бабаев (Азербайджан);
д.э.н., проф. И.Р. Бугаян (Ростов-на-Дону); д.ф.н., проф. Ф.И. Гиренок;
академик РАН С.Ю. Глазьев; член-корр. РАН Р.С. Гринберг;
член-корр. НАУ А.А. Гриценко (Украина); д.э.н., проф. М.М. Гузев (Волжский);
д-р, проф. В. Драшкович (Черногория); д.э.н., проф. Л.Н. Дробышевская (Краснодар);
к.э.н., в.н.с. Е.С. Зотова, первый зам. гл. редактора; д.ф.н., проф. В.В. Ильин (Украина);
д.э.н., проф. В.Я. Иохин; д.х.н., проф. С.Г. Кара-Мурза;
к.э.н., проф. В.В. Кашицын (Новороссийск); д.ф.н., проф. Д.С. Клементьев; к.э.н. А.Н. Клепач;
д.э.н., проф. С.Г. Ковалев (Санкт-Петербург); д.э.н., проф. В.П. Колесов;
д.э.н., проф. М.В. Кулаков; д.э.н., проф. В.М. Кульков, зам. гл. редактора;
д.ф.н., проф. В.А. Кутырёв (Нижний Новгород); д.э.н., проф. П.С. Лемешенко (Белоруссия);
академик РАН В.Л. Макаров; д.и.н., проф. Г.Р. Наумова; д-р, проф. А.З. Новак (Польша);
д.э.н., проф. Ю.М. Осипов, председатель совета;
д.э.н., д.ю.н., проф. П.В. Павлов (Ростов-на-Дону); д.э.н., проф. А.А. Пороховский;
д.э.н., проф. В.Т. Пуляев (Санкт-Петербург); д.соц.н., проф. Л.И. Ростовцева (Тула);
д.э.н., проф. В.В. Смагина (Тамбов); д.э.н., проф. В.С. Сизов (Киров);
к.ю.н. В.Ю. Стромов (Тамбов); к.т.н., проф. Е.А. Субботин (Екатеринбург);
д.э.н., проф. А.И. Субетто (Санкт-Петербург); д.ф.н., проф. Л.А. Тутов;
д.э.н., проф. А.С. Филипенко (Украина); д.э.н., проф. К.А. Хубиев;
д.э.н., проф. В.В. Чекмарёв (Кострома); д-р богосл., проф. Н. Чернокрак (Франция);
д.ф.н., проф. Н.Б. Шулевский, зам. гл. редактора;
д.э.н., проф. Ю.В. Яковец; д.э.н., проф. Ю.В. Якутин

Редакция:

Ю.М. Осипов, Е.С. Зотова, С.С. Мерзляков, К.В. Молчанов,
Н.П. Недзвецкая, И.П. Смирнов, Т.С. Сухина, Т.Г. Трубицына,
О.Б. Лемешенок, И.А. Ольховая, А.В. Осипова

Научный редактор — Е.С. Зотова

Художник — Е.Ю. Осипова

Включен в Перечень ВАК российских рецензируемых научных журналов и изданий. Индексируется в РИНЦ

Выходит 6 раз в год

Адрес редакции: 119991, Москва, Ленинские горы, МГУ, 3-й новый учебный корпус,
экономический факультет, к. 331, тел. (495)939-4183, факс (495)939-3496,
e-mail: <lab.phil.ec@mail.ru>

skype: <philosophy_of_economy>, сайт: <http://www.philh.ru>

<http://www.econ.msu.ru/departments/lfh/fhjournal/>, <http://www.css.msu.ru>

Отпечатано в ФГУП Издательство Наука (Типография «Наука»).

121099, Москва, Шубинский пер., 6.

Тираж 1000 экз. Заказ №

Учредитель ООО «Инвестиционная компания “БАРРЕЛЬ”»

тел. (495)710-2939

ISSN 2073-6118

© «Философия хозяйства», 2021

Содержание

Ученый-гуманитарий сегодня и завтра (*Главный редактор*)7

Раздел I. Философия хозяйства

Ю.М. Осипов

Гуманитарная наука как сама себе наука 11

В.К. Королев, О.В. Евграфова

Философия цифровой экономики как диалектика
формы и содержания 19

Г.С. Смирнов, А.А. Артемьева

«(Не)замыкающийся круг» космопланетарного хозяйства:
к постановке проблемы 32

А.В. Марков

Философия нефтяного производства: Д.И. Менделеев
и Г.П. Федотов..... 49

И.В. Анохов

«Значимый Другой» как причина, цель и средство
в хозяйственной деятельности (на примере
кооперативного движения) 58

В.В. Чекмарев, Вл.В. Чекмарев

Священный эгоизм (о социально-экономической
безопасности человека и социума)..... 79

Раздел II. Экономическая теория

И.А. Дубровин

Социально-экономическое влияние эпидемии чумы XIV в.
на формирование капиталистической системы в Европе:
историческая аналогия с пандемией COVID-19 в 2020 г. 99

В.П. Кожевников

Антикапиталистическая ментальность российской
цивилизации 114

Т.И. Коптелова

Ультраэкономика в условиях пандемии:
от трансмеханицизма к органической парадигме хозяйства..... 124

Раздел III. Актуальная философия

Н.Б. Шулевский

Мир Иной — альтернатива «мирам умным»
и «мирам безумным» 137

Ф.И. Гиренок

Россия в разъединительном синтезе постпандемии 151

<i>А.Б. Шульдинина</i>	
Феномен религиозного сознания и его философское обоснование в русской мысли XIX — первой половины XX в.	156
<i>Н.Н. Ростова</i>	
О воле к безмолвию в современной культуре	166
<i>К.В. Молчанов</i>	
Критический анализ научного определения данных, информации и знаний, и обозначение основ их диалектического переосмысления и качественного развития информационных технологий.....	171
<i>А.И. Разумовский</i>	
Дистанционное образование как трагедия личности.....	194
Раздел IV. Актуальный менеджмент	
<i>Д.М. Камари</i>	
Эффективная модель развития науки в России сквозь паутину глобальных интересов	215
<i>В.В. Великороссов, С.А. Филин, Д.Ф. Никулин</i>	
Формирование парадигмы менеджмента для условий деятельности комплексов роботов и суперкомпьютеров, оснащенных искусственным интеллектом	227
<i>С.П. Юхачев</i>	
Социально-экономическая политика развития региона в посткоронавирусной экономике	244
Раздел V. Актуальная демография	
<i>Т.В. Лебедева, А.П. Сабинов, А.В. Шаталова</i>	
Развитие сельских территорий: демографический аспект	253
Раздел VI. Рецензии и отклики	
<i>Ю.М. Осипов</i>	
Памяти В.Я. Курбатова	273
<i>И.П. Смирнов</i>	
«Люди Московского университета»	275
Научная жизнь	
<i>Е.С. Зотова</i>	
Человек и социум сегодня — время «SOS».....	282
Анонсы	294
Наши авторы	296

Contents

Humanities Scientist Today and Tomorrow (<i>Chief Editor</i>)	7
Part I. Philosophy of Economy	
<i>Yu.M. Osipov</i>	
Humanities as a Science in Itself	11
<i>V.K. Korolev, O.V. Evgrafova</i>	
The Philosophy of the «Digital Economy» as Dialectics of the Form and Content	19
<i>G.S. Smirnov, A.A. Artemyeva</i>	
«(Non)closing Circle» of Cosmoplanetary Economy: to the Statement of the Problem	32
<i>A.V. Markov</i>	
Philosophy of Oil Production: Dmitry Mendeleev and George Fedotov	49
<i>I.V. Anokhov</i>	
Significant Other as Cause, Goal, and Means in Economic Activity (on the Cooperative Movement's Example).....	58
<i>V.V. Chekmarev, Vl.V. Chekmarev</i>	
Sacred Selfishness (on the Socio-Economic Security of Man and Society).....	79
Part II. Economic Theory	
<i>I.A. Dubrovin</i>	
Socio-Economic Impact of the 14th-Century Plague Epidemic on the Formation of the Capitalist System in Europe: a Historical Analogy with the COVID-19 Pandemic in 2020.....	99
<i>V.P. Kozhevnikov</i>	
Anti-Capitalist Mentality of Russian Civilization.....	114
<i>T.I. Koptelova</i>	
The Ultra-Economy in Pandemic Conditions: From Transmechanicism to the Organic Paradigm of Economics.....	124
Part III. Actual Philosophy	
<i>N.B. Shulevsky</i>	
Another World is an Alternative to «Smart» and «Insane» Worlds.....	137
<i>F.I. Girenok</i>	
Russia in Disconnect the Synthesis of Postpandemic	151

<i>A.B. Shulindina</i>	
The Phenomenon of Religious Consciousness and its Philosophical Justification in Russian Thought of the XIX — First Half of the XX Century.....	156
<i>N.N. Rostova</i>	
On the Will to Silence in Modern Culture	166
<i>K.V. Molchanov</i>	
The Critical Analysis of the Scientific Definition of Data, Information, and Knowledge, Plus the Designation of the Foundations of Their Dialectical Rethinking and Qualitative Development of Information Technologies	171
<i>A.I. Razumowsky</i>	
Distance Education as a Tragedy of Personality	194
Part IV. Actual Management	
<i>D.M. Kamari</i>	
On the Effectiveness of Russian Science Model in the Web of Global Interests	215
<i>V.V. Velikorossov, S.A. Filin, L.F. Nikulin</i>	
Formation of Management Paradigm for Operating Conditions of Robot Complexes and Supercomputers Equipped with Artificial Intelligence	227
<i>S.P. Yukhachev</i>	
Socio-Economic Policy for the Development of the Region in Postcoronavirus Economy	244
Part V. Actual Demography	
<i>T.V. Lebedeva, A.P. Savinov, A.V. Shatalova</i>	
Rural Development: Demographic Aspect	253
Part VI. Reviews and Responses	
<i>Yu.M. Osipov</i>	
In Memory of V. Ya. Kurbatov.....	273
<i>IU.P. Smirnov</i>	
«People of Moscow University».....	275
Scientific Life	
<i>E.S. Zotova</i>	
A Man and the Society Today, in SOS Times	275
Anounce	294
Our Authors	299

Ученый-гуманитарий сегодня и завтра

Уж ежели гуманитарий, то, конечно, — философ, как любой естественник — физик. Он трудится, к примеру, в лучшем в стране и в одном из лучших в мире университете как научный сотрудник и также как преподаватель. На 0,25 ставки научного сотрудника и на почасовой оплате — как преподаватель, он — кандидат философских наук, молодой, знающий, перспективный. Он немало печатается как раз там, где надо — в списочных журналах. Зато монографий не пишет, ибо они нынче в науке не котируются. Держит грант, что-то выдает и грантовское.

Он, повторяем, — гуманитарий, а это означает, что он должен много думать и что-то серьезное писать о человеке, сознании, психике, когнитиве, языке, поведении, безумии, бессознании, цивилизации, государстве, политике, реформах, смутах, санкциях, революциях, провалах, протестах, войнах (как раз ныне более всего гуманитарных) и т. д. и т. п., включая историю и футурологию, оценки текущей реальности и возможные прогнозы, он обязан даже говорить и кое-какую *правду сказать*, разумеется, не очень-то, как водится, желательную, да ладно бы для властей предрежащих, а то ведь, бывает, что и для коллег-гуманитариев тоже.

Однако, будучи гражданином своей страны и даже, как, возможно, ему кажется, гражданином мира, он должен... э-э... *соответствовать*, однако чему?.. нет, вовсе не экзистенциальным реалиям отечества или даже всего мира... а-а... *науковедению, наукоуправлению и наукометрии*, в общем — по-научному-де разработанной и обоснованной... э-э... *научной инспекции*, если не *инквизиции*, а то и, что самое интересное, самой обыкновенной, что уже совсем поразительно, вполне уже узаконенной... *лженауке!*

Факты нужны, вроде бы и только факты, данные там разные, причем о чем угодно, только не о *сущей реальности*, и никаких, знаете ли, «судей», смыслов и уж, пронеси Господи, метафизики, в общем, никакой *философической зауми*. Вот математическая обработка массы данных — это да, это-де наука, а вот словеса, понятия, рассуждения, да еще и концептуальные — это уже перебор, даже не ересь, а так — никому не нужная *чепуха!*

Однако сам предмет у гуманитария как раз более всего *метафизический*, то бишь вовсе не *такой уж научный*, или *почти не научный*,

он ведь не физический, уж тем более не математический, ибо он не строгий, не упорядоченный, не очень закономерный, даже не слишком и системный, а более всего, хаосный, хаосмосный, рассредоточенный, пластичный, текучий, даже летучий, чуть ли не порхающий — сам над собой, да и это не все, частенько он попросту... *никакой!* — то бишь скрытый, скрытный, тайный, загадочный, вполне себе мифоподобный, мифотворный и мифотворческий!

Но это не все: мало того, что гуманитарий должен быть строго де научным, т. е. быть *гуманитарным физиком*, он еще должен, если хочет оставаться гуманитарием, быть *эффективным манипулятором* сознания, разума, психики, поведения, в общем — *гуманитарным менеджером*, а вот в каких целях, это уж решается не гуманитарием, а... *системой*, если не *антисистемой*.

Дилемма: либо не будь вовсе, либо будь, но... каким надо «будь», господин гуманитарий, то бишь и... не гуманитарием вовсе!

Выходит, что воцарившейся в мире наукогенной цивилизации гуманитарий как ученый-объективист не очень-то нужен, а ежели он — гуманитарий-объективист — все-таки существует, то либо же как *невозможная возможность*, либо как *возможная невозможность*, это уж кому как больше нравится, то бишь как *нелегал-подпольщик*, однако и как уже вполне легальный... *симулякр*, лишь по прозванию гуманитарий, что не так уж на деле и плохо, а то ведь недалеко время, когда *искусственный разум*, поднатужившись с помощью цифрового допинга, нашего остаточного гуманитария-симулякра попросту и сожрет вкупе с самим гуманитарным предметом — люди как люди со всеми своими гуманитарными быльями, страдой и болью как-то незаметно и исчезнут!

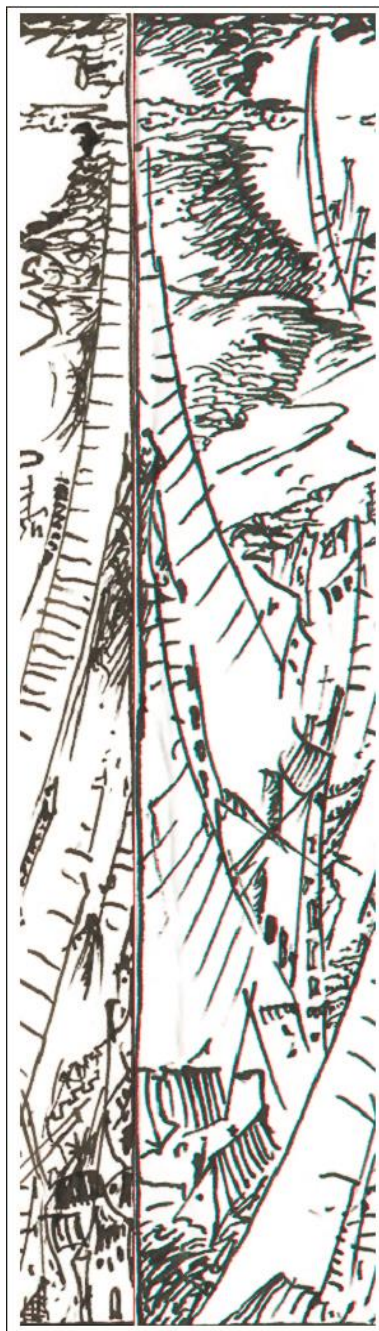
«Не бывать сему!» — хочется праведно воскликнуть объективистски настроенному ученому-гуманитарию, да что он может поделать с набравшим мощь и скорость разгуманитариванием бытия, жизни, человека, их тотальной техно-нето-кибернизацией, разве лишь самому взять, да и повеситься в знак протеста, написав записочку: «Устал быть гуманитарием!».

А что, тоже ведь выход, — однако не дождетесь, господа хорошие, не дождетесь, а ежели припрет, то уж все вместе — как раз туда — в искусственный расчеловеченный рай!

Главный редактор

**ФИЛОСОФИЯ
ХОЗЯЙСТВА**

Ю.М. ОСИПОВ

Гуманитарная наука как сама себе наука*

Аннотация. Гуманитарная наука, она же гуманитарная физика, подошла к своему Рубикону, за которым либо она не проглядывается, либо проглядывается иное гуманитарное знание, пронизанное новой метафизикой, восходящей к Софии Премудрости Божией, во всяком случае, к не-пред-над-за человеческой мудрости.

Ключевые слова: гуманитарная наука, гуманитарная физика, гуманитарное знание, гуманитарная метафизика, София Премудрость Божия, софиология, софиасофия, наука, философия, человек, человечество, техногез.

Abstract. Humanitarian science, humanitarian physics, approached her Rubicon whom it either does not looked at or it looks like other humanitarian knowledge riddled with new metaphysics ascending to Sophia the Wisdom of God, in any case, not human's wisdom.

Keywords: humanitarian science, humanitarian physics, humanitarian knowledge, humanitarian metaphysics, Sophia the Wisdom of God, sophiology, sophiasophy, science, philosophy, human, humanity, technogenesis.

УДК 001, 3
ББК 6/8

Итак, с одной стороны, гуманитарная наука (ГН), а с другой — ее гуманитарный предмет (ГП), причем любая из отраслевых гуманитарных наук, вплоть до филологии, как и любой, вроде бы соответствующий той или иной отраслевой науке, предмет, вплоть до языка.

И все было бы ничего, если бы предмет любой из гуманитарных наук, будучи предметом, был бы в полном и точном значении слова «наука» собственно научным, то бишь, коли научным, то, без-

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Осипов Ю.М. Гуманитарная наука как сама себе наука // Философия хозяйства. 2021. № 2. С. 11—19.

условно, «физическим», то бишь, во-первых, достаточно материальным, вещественным, упорядоченным, системным, закономерностным, повторяющимся, постоянным, опытно проверяемым, надежно доказуемым, наконец, попросту общепонимаемым, а во-вторых, не только и не столько констатируемым в ходе его познания, как это прежде всего принято в физической науке, сколько объясняемым, да еще и не только и не столько в аспекте непосредственных причин и следствий непосредственно фиксируемых фактов, явлений, событий, деяний, поступков, сколько в аспекте их смысловой подоплеки, да еще не непосредственной, а весьма выходящей за пределы всего этого старательно объясняемого.

И поскольку предмет ГН в целом не научен (не физичен), то и сама ГН в целом... э-э... не наука как таковая, а некое играющее под науку знание о ГП, причем знание более всего идеотропное, идеологическое, мифотворное, то бишь никак не точное, не бесспорное, не раз и навсегда данное, не веками суммируемое в единое знание, не общепризнаваемое, что означает, что это знание за небольшим фиксационно-фактологическим исключением есть знание не научное, не физическое, а вненаучное, а точнее сказать — исходно, фундаментально и итогово *метафизическое*, причем вовсе не так от головного метафизиса (ума, когнитива, разума, сознания, психики, бессознания, безумия), как от метафизиса самой гуманитарной (людосоциальной) реальности.

Да, физика, как и любая естественная наука, когда переходит к объяснениям чего-либо из фактического, тоже немедленно впадает в метафизику, разумеется, непризнаваемую метафизику, а потому и, уж извините, кривую, отрицательную, иной раз и вполне пошлую, если не попросту лживую.

А что говорить о ГН и гуманитарной (неестественной, можно сказать, что и искусственной) метафизике: у физиков хоть есть какие-то постоянные величины и бесспорные вещи (вести), а у гуманитариев, увы, в приоритете лишь хаос, текучесть, пустота и бескрайность — и никаких тебе опорных величин и бесспорных истин.

Нам сразу возразят: «Ну как же, в гуманитарной сфере есть и порядок, и системность, и матричность, и постоянство (воспроизводимость), и чуть ли не законы бытия и истории, в общем все необходимое для реализации научного подхода!». Да, что-то такое есть, но

либо насильственно утвержденное, либо какое-то время самовоспроизводимое, но, во-первых, не имеющее, как правило, однозначного объяснения, во-вторых, как вдруг возникшее, так и вдруг исчезнувшее. Хаос — хаосмос — хаос, но никогда не хаос — порядок и только порядок, ну пусть иной раз и что-то более или менее устойчивое вроде тех же архетипов, но, согласимся, незнамо как и воспроизводящихся.

Вообще в гуманитарном знании много места занимает *незнание*, причем настолько много, что попробуй что-либо раз и навсегда удовлетворительно для всех объяснить: везде ведь *субстанциональная тайна*, причем не где-нибудь, а в каждом человеке, сообществе, социуме, народе, событии, действии, процессе, да уж — в каждом, знаете ли, вроде бы кажущемся бесспорным, факте!

Нет, мы не отрицаем насовсем ГН, мы лишь говорим, во-первых, о ее принципиальной ограниченности, во-вторых, ее стихийной в основном метафизичности, в-третьих, о невеликом соответствии ГН гуманитарной реальности, которая, увы, другая, то бишь не научная, ну и, в-четвертых, что совсем уж недопустимо в университетских кругах, об органичной ГН отрицательной мифотворности, если, конечно, не о то ли вольной, то ли вынужденной... э-э... ложности.

Если уж искать лженауку, как это пытается делать инквизиторского кроя комиссия из РАН — комиссия по лженауке, то не так за пределами того, что сия комиссия почитает за науку, а как раз в самой этой науке, где лженауки очень даже хватает, хотя, надо полагать, по большей части не по злему умыслу, а из того высокого заблуждения, что физикой можно овладеть нефизическим предметом.

Итак, гнозис в гуманитарной сфере лишь частично (поверхностно) совпадает с онтосом, а попытки дать научное объяснение онтосу приводят лишь к появлению отрицательной — надуманной — метафизики, как раз кривой.

Да, в гуманитарном онтосе полно фактов, явлений, событий, деяний, и все они как будто бы имеют свою суть и причины быть, однако гуманитарный онтос хорош тем, что суть из всего, почти всего или уж, на худой конец, многого оказывается совсем другой, вовсе и не выпяченной, причины тоже оказываются другими, а поначалу и в итоге все, почти все или уж многое свершающееся... sic!.. не имеет ни явной сути, ни явной причины, мало того — без сути оно и без причины, — каково, а-а?

Гуманитарное знание во многом, причем в фундаментальном многом... sic!.. вообще ничего не знает: ни что такое человек, ни что такое сознание, ни что такое слово, ни что такое смысл, а признаваться в своем незнании не хочет, заменяя свое незнание условным, вполне и мифотворным, знанием, немало и... пардон!.. лжезнанием.

Спрашивается, нужна ли ГН? Нужна! Но с непредвзятым осознанием ее сути, настоящих ее границ, возможностей, роли, а еще и, о чем очень не любят гуманитарии говорить, *исторической ответственности перед человечеством*, что, скажем откровенно, не такая уж, знаете ли, простенькая загогулинка!

Насколько ГН раскрывает и понимает свой предмет — человека и человечество, как и, разумеется, все к ним непосредственно относящееся, с ними связанное, их определяющее — большой вопрос, сам требующий раскрытия, но то, что ГН весьма увела человека и человечество от самих себя реальных, сложных, тонких, идеальных, трансцендентных, то это явный факт, взамен чему еще и создав весьма эффективную возможность кругового мифотворного оболванивания человека и человечества, их зомбирования, ими манипулирования, их обманывания, закрытия от них реальности, искажения онтоса, промывки мозгов — от природы и каждодневных обихода вполне себе здоровых мозгов, их замусоривания черт не знает чем, что тоже, увы, непреложный факт.

Чему тут удивляться, ежели ГН — изобретение определенно-неопределенных европоцентристских кругов, гордящихся своей таинственностью, неуязвимостью и высокой конспиративной влиятельностью, устроивших сначала антихристовский Ренессанс, а фактически Нессанс «Нового мира», затем Просвещение с его презрением ко всему идеальному, трансцендентному, метафизическому, и любовью к имманентному, научному, механическому, системному, матричному, закономерностному, физическому, математическому, а главное — с их неприязнью к природно-сакрализованному человеку и человечеству под прикрытием сначала гуманизма, либерализма, того же экономизма, а потом и социализма, фашизма, глобализма, как и с последующей приязнью к мозговедению, геной инженерии, неуловимой человеком бытующим кибернетике, психологии с психоанализом и психотропией, гипнозу, массоведению, социологии,

политологии, этологии, а теперь вот с маниакальной любовью к цифровизации и вообще любой гуманитарной технотронике, к тому же искусственному разуму, к чипотронике.

Заменяя собою духовно-идеально-метафизическое начало, ГН обеспечила новое человековедение (антропологию) и мироведение (научное мировоззрение), сыграв огромную роль в секулярном, десакрализованном и денатурализованном окультуривании человека и в создании нового (нового типа) человека — человека как раз нового времени, исключив из человека, его сознания и разума главную гуманитарную составляющую — *собственно человеческую*, подготовив человека к восприятию техноэволюции, к бытию в искусственном мире, к масштабным мировым межчеловеческим боям, к выходу в космос, даже и к тому же антиискусству.

ГН обеспечила *прогресс*, и против этого не попрешь, ежели прогресс, судя по устранению Авеля Каином, входил и входит в Великий Проект, называемый человеческим (а что тут, в каком виде и на каком этапе прогресса есть собственно человек — вопрос, весьма и коварный вопрос, не то чтобы неразрешимый, что понятно, а воистину колкий — как раз для гуманитариев, готовящихся зараз перепрыгнуть из кроманьонцев в... неотехно-неандертальцев, ежели не прямо в киберобезьян!).

Да-а, польза великая от ГН, пусть и довольно сомнительная, но при этом и великий вред, причем явно несомненный, — ах, эти бытийно-исторические парадоксы!

Много чего наговорила ГН, она же и по преимуществу *научно-гуманитарная идеология*, и наговорила не ради скрупулезного познания ГП, а ради совсем другого — внедрения в сознание и в разум человека нового о себе и о его мире представления, делающего самого человека другим по качеству его сознания и разума человеком, что ГН и весьма удалось, даже более чем удалось!

Однако пришло время осознания мыслящими индивидами (особями) истинной сути ГН, как и сути предложенного ею гнозиса, а вслед за этим и нарисованной ею картины человека и человечества, а главное — пути движения вперед и кое-каких поджидающих человека и человечество итогов.

ГН — подслеповатый поводыр ослепленного ею же человека и человечества, однако поводыр эффективный, как и современные,

как раз ею — ГН — и подготовленные, так называемые «эффективные менеджеры» — эти безжалостные убийцы всего человеческого, еще бытующего на грешной Земле.

Где-то на рубеже XIX—XX вв. в Европе и в России зазвучали голоса, критиковавшие просвещенческую ГН за ее поругание и забвение идеально-метафизико-трансцендентного духовно-размыслительно-экзистенциального начала, как раз того самого начала, которое только и делает человека человеком (мозги есть и у животных, да вот сознания с его образами, словом, речью, смыслами, мыслью, текстами, ну и с его мифами, религиями, философемами, теми же научными выкладками, как и литературными эскападами, у животных мозгообладателей почему-то нет, а это все, что как раз восходит к сознанию и прячется в сознании, пусть и не без вспомогательного участия мозгов, есть не что иное, как идеальное, духовное, метафизическое, ну и трансцендентное тоже). Простая, заметим, истина, а сколько ради ее опровержения борьбы — вполне и идеальной, метафизической, гуманитарной!

Победители-научники все, что можно и не можно, обратили в материю либо, на крайний случай, в функцию от материального, как ту же мысль, идею, мораль, совесть, всю культуру, — и что особенно интересно — ничтоже сумняшеся! Как, как это могло произойти, как могла случиться эта откровенная несуразица? Станет яснее, ежели зададимся вопросом: зачем? Ради созидания человеком *своего*, уже *искусственного*, мира, ради *демиургирования*, ради запуска *технического прогресса*, ради вырыва человека из тенет природы и из-под опеки сакрала, в общем — ради деяний, которые можно было совершить на путях науки и с наукообразным по своему сознанию человеком.

А все духовное, идеальное, метафизическое загнали в служение материальному, физическому, вещественному, а ежели нельзя было без всего этого гонимого обойтись, то либо объявляли его функцией от признанного, либо соответственно этому признанному все подряд и толковали (простейшие примеры: 1) мысль — функция высокоорганизованной материи, то бишь мозга; 2) отношения между людьми — либо сами материальны, либо порождены материальными причинами; 3) знаменитый Марксов абстрактный труд — нечто материальное, хотя ни пощупать его, ни пнуть ногой).

Кое-какие мыслящие люди рубежа XIX—XX вв. стали возвращаться либо к метафизической (идеалистической) философии, то бишь к собственно философии, либо к религиям, но не столько в них погружению, сколько к религиозному мыслизъявлению, что практически то же самое, что к религиозной философии.

В России стала развиваться новая метафизика в том и другом проявлениях, призванная преодолеть уже всю бытовавшую монополию ГН на трактование всего вокруг гуманитарного, выйти за пределы ГН, создать новый гуманитарный гнозис и выдать позволение на существование иного гуманитарного онтоса.

Самое интересное тут оказалось даже не в новом обращении к метафизике и даже не в обращении к религиозным источникам, как и не в оживлении внимания к той же эзотерике, а в прямом обращении части русских мыслителей к... *Софии Премудрости Божией* — как к ориентиру, источнику, руководству, в обращении, породившему не просто какую-то новую метафизическую мысль, а целое течение мысли, названное тогда *софиологией*.

И вот самое главное: обращение сие было не так к уже имевшимся трактовкам (пониманиям) Софии Премудрости Божией, в частности, в рамках христианского богословия, а... sic!.. напрямую к Софии, хотя и, так уж получилось, в сопряжении с христианской идеологией.

Возникла и пошла в расцвет *русская софийная философия*, включавшая в себя софиологический аспект, но, естественно, к софиологии никак не сводившаяся.

Воистину новое движение гуманитарной мысли, хотя и русское по происхождению и духу, но при этом и мировое!

На ее родине, где произошла как бы марксистская по идеологии революция, сия русская софийная философия была не только не востребована, но, и наоборот, опорочена, изгнана, запечатана, спрятана, гонима, в чем приняла участие и марксистская-де ГН во главе с научной-де философией.

Сие было нехорошо, но во всяком случае понятно: революция, революционная власть, революционная идеология (как раз научно-гуманитарная, марксистская), революционны бестактность и беспощадность, в конце концов и революционное безумство. Но самое поразительное в другом: русская софийная философия, труды адептов

которой сейчас изданы и общедоступны, не пользуется не то что любовью со стороны нынешней гуманитарщины, но даже и необходимым профессиональным вниманием, — как все-таки сильна инерция ГН, вполне себе европейской по сути и европейской же по методам внедрения в человеческое сознание!

Нет никакой русской софийной философии, нет и все!

Как нет и не может быть в высококультурном (и еврокультовом) университете никакой метафизики!

Как нет и не может быть вокруг никакой трансцендентности, никакого Иного, никакой Великой Неизвестности, ну и, само собой, никакой Софии Премудрости Божией!

Однако все это *есть*, — пусть и отраженное в немногих пока головах, да во многих-то, честно говоря, и не надо, — *есть!* мало того, все это очень даже неплохо практически работает, реализуя в сих редких головах *свой*, вполне себе и практический, *концептуализм* (мониторинговый, прогностический, деятельский), а самое главное — оформившись в открытое, интегральное, всеобъемлющее течение вполне себе реалистичной человеческой мысли — в *софиасофию* (не в софиологию как учение о Софии, а именно в софиасофию — как *мудрость мудрости*, когда София в начале и впереди, а софия, уже человеческая мудрость, следом за Софией — *Предмудростью* Божией).

Зачем нам София? А что, разве человек создал сей мир, себя самого, и разве материя, самоорганизуясь-де, породила слово, мысль, смысл? И разве не надо всего этого учитывать в ходе демиургической схватки, которую ведет ренессансно-просвещенческий европеоид с тварным миром, с его Творцом, и с самим же собою, тоже ведь тварным, особливо когда демиургирующий человек-творец оказался в пылу сей сакральной схватки на краю бездны, из которой вышли мир и он сам и в которую он уже готов угодить по своей собственной, при этом вполне себе научно обоснованной, воле?!

Есть, над чем подумать все-еще-гуманитарно, разумеется, не тому уже безвозвратному научнику, а тому, который еще способен на отрыв от научной догматики и на выход на просторы хотя бы *софиасофской метафизики*, которая есть не потому, что этого хочет какой-то там таинственный субъект, а потому, что этого хочет сама гуманитарная реальность, полная *метафизиса* и даже собственной *метафизики*, и что поразительно — как раз *софийных!*

ГН, которую мы насовсем не отрицаем, служит более всего самой себе — это всего более *сама себе наука*, что не то чтобы нехорошо, а что для человека и человечества вовсе не безвредно, еще и опасно, ибо ГН готова оправдать со своим физическим подходом к ГП новую технореволюцию, мало что могильщика самой ГН, а то ведь и могильщика пока еще гуманитарных человека и человечества!

Да, человек с человечеством еще побудет некоторое время на Земле и в космосе, но вот *каким* и в *каком числе* — уж не совсем ли *другими* — не гуманитарными?!

В.К. КОРОЛЕВ, О.В. ЕВГРАФОВА

Философия цифровой экономики как диалектика формы и содержания*

Аннотация. Философское рассмотрение цифровизации экономики предполагает категориальный анализ этого процесса. На основе идей Аристотеля, Гегеля, Маркса дается обоснование приоритетной адекватности такого анализа диалектике категорий «форма» и «содержание». Обоснован вывод о доминировании (цифровой) формы как внешней (превращенной) над внутренней (структурной) формой и, тем самым, над содержанием экономики, что консервирует ее единство — наличное качество. Данный философско-категориальный анализ подсказывает «рецепт лечения» формализма цифровизации — своей модернизацией она должна освоить и форму внутреннюю — структуру экономики. Только адекватность обеих форм может обеспечить развитие ее содержания, экономики в целом. Поскольку формализм цифры своей внешней превращенностью характеризует ее вне связи с человеческой деятельностью, то требуется введение в проблематику модернизации человеческого фактора, представленного ментальностью его экономической культуры.

Ключевые слова: экономика, цифровизация, компьютеризация, форма, содержание, единство, модернизация.

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Королев В.К., Евграфова О.В. Философия цифровой экономики как диалектика формы и содержания // Философия хозяйства. 2021. № 2. С. 19—31.

Abstract. The philosophical consideration of the economy digitalization involves a categorical analysis of this process. Based on the ideas of Aristotle, Hegel, Marx is given the justification for the priority adequacy of such analysis of the dialectics of the categories «form» and «content». The conclusion about the dominance of the (digital) form as an external («transformed») over the form of internal (structural) and, thus, over the content of the economy, which preserves its «unity» — cash quality is justified. This philosophical and categorical analysis gives a «recipe» for overcoming the formalism of Digitalization — its modernization it should «learn» and form the internal — structure of the economy. Only the adequacy of both forms can ensure the development of its content, the economy as a whole. Since the formalism of the «Figure» characterizes it as an external transformation outside of its connection with human activity, it is necessary to introduce in the problem of modernization of the human factor represented by the mentality of its economic culture.

Keywords: economy, digitalization, computerization, form, content, unity, modernization.

УДК 330
ББК 65 и

После утверждения Правительством России программы «Цифровая экономика Российской Федерации» (2017) в научной литературе было много публикаций о цифровизации экономики, много обсуждений. В частности, в нашем журнале ее фундаментальный проблемный анализ дал в своих статьях Ю.М. Осипов (см., напр.: [9]); различные аспекты этого феномена рассматривали Н.Д. Асташова, А.В. Андреева, Т.В. Бобкова, В.Я. Иохин, Г.Б. Клейнер, А.В. Кузнецов, В.М. Кульков, А.М. Ласько, П.В. Пивень, А.В. Пиковер, Г.А. Родина, Д.К. Стожко, Т.С. Сухина, И.М. Тушканов, В.А. Ушанков и др., проблемы цифровизации активно обсуждались на Ломоносовских чтениях МГУ, различных конференциях. Тем не менее концепт «цифровая экономика», полагаем, пока остается недостаточно определенным.

В его осмыслении есть аспект, еще не получивший, на наш взгляд, должного рассмотрения, но представляющийся весьма важным для философии хозяйства — *философский*. В предыдущей

нашей работе о цифровизации мы показали актуальность для ее современного понимания философской (пифагорейской) трактовки *цифры как числа*, соответствующих представлений Аристотеля и Гегеля [4]. Исходя из классической сути философии, цифровизацию следует рассматривать через призму ее *философских категорий*.

Начнем с, так сказать, *общего*. Какие из них наиболее адекватны наличному состоянию рассматриваемой цифровизации? Здесь мы исходим из фундаментальной мысли Аристотеля, что, поскольку цифра есть ипостась числа, а оно сущностно безразлично противостоит материи как «...образ, или форма, каждой вещи» [1, 157], то цифра может своим числом *формально* выражать *любую* материальность *любого* качества (в том числе и экономического). Поэтому цифра, формирующая число, по своей сути является непосредственной презентацией *формы*.

Эта мысль Аристотеля резонирует с идеями Гегеля. В частности, он полагал, что после безразличности важнейшей характеристикой числа является его формальность, ибо «...форме принадлежит вообще все *определенное*» [2, т. 2, 75]. Поэтому и, по Гегелю, число (выраженное цифрой) представляется непосредственностью формы.

В свете этого, полагаем, очевидна необходимость в философской проработке проблематики цифровизации через категории «*содержание*» и «*форма*». (В статье мы опираемся на их классическую диалектическую трактовку через взаимопределение: содержание есть то, что организовано формой, выражается, проявляется в ней; форма есть содержание в его (внешнем) существовании.)

Прежде всего, выделим базисные философские суждения по интересующей нас тематике (с проекцией на экономику). Во-первых, надо отметить проблему соотношения числа (как математического предмета) и его чувственно воспринимаемого материального аналога (в нашем случае — экономики). Аристотель дает критику учений о самостоятельном бытии чисел [1, 542—543], подчеркивает, что «...числу нельзя... предписывать [обособленное] существование» [1, 357], полагает, что «числовые же отношения не осуществляются в действительности...» [1, 167]. Из этого следует необходимость видеть связь чисел со своей «материей», которую они «исчисляют» (в частности — с экономикой), к которой числа *сами по себе* в силу своей абстрактности не имеют никакого отношения. (Эта мысль от-

крывает понимание того, что цифровизация не может рассматриваться как самодостаточная задача, она требует конкретной связи с реальными экономическими процессами, погружения в их содержание.)

Во-вторых, в развитие этого Аристотель делает важный вывод — числа не могут ни составлять пределы других вещей, ни образовывать их сущность, ни вообще быть какой-либо из их причин [1, 544]. Очевидно, это обусловлено «бес-качественной» формальностью чисел: «...одно — материя, другое — форма» [1, 201]. Кроме того, он полагает, что «... [форма] означает “такое-то”, а не определенное “вот это”»; делают же и производят из “вот этого” “такое-то”» [1, 201]. (Это акцентирует наше внимание на «формальную», внешнюю связь цифры и содержания реальных экономических процессов.)

В-третьих, важна мысль Аристотеля, что предмет математических наук устанавливается постольку, «...поскольку у чувственно воспринимаемых вещей выделяется *одна* (курсив наш. — *В.К., О.Е.*) какая-нибудь сторона» [1, 542]. (В свете этого можно полагать, что сама по себе цифровизация не обеспечивает всесторонность осмысления экономических процессов, не может представлять их содержательное многообразие).

С учетом аристотелевской критики «цифери» как схоластической отдельности, абстрактности, абсолютности «чистой» числовой формы Гегель обосновал диалектическую взаимообусловленность формы и содержания в их органическом единстве, в котором судьба формы — быть «снятой» *иным*, найти сущностное содержание, к которому она относится, хотя, в принципе, «...форма и материя суть как бы лишь безразличные внешние определения» [2, т. 2, 83]. В свете этого любое явление — это противоречивое единство содержания и формы по отношению к *иному*, как к внешнему — к другим вещам, отношениям. (В нашем случае — к «ино-новому» качеству экономики; цифровизация должна работать на его становление.)

Гегель подчеркивает недостаточность численно-формального осмысления мира, необходимость его мысленно-конкретной, содержательной трактовки, иначе форма может быть лишенной и определений, и сущности [4]. В этом представляется особенно важным разделение формы на *внутреннюю* (организация содержания, его структура) и *внешнюю* (видимость предмета, но как некое продолжение

формы внутренней). Гегель пишет: «Мы здесь имеем удвоение формы: во-первых, она, как рефлексированная внутрь себя, есть содержание; во-вторых, она, как нерефлексированная внутрь себя, есть внешнее, безразличное для содержания существование» [3, 299]. При этом форма внутренняя направлена в глубь объекта, связана с его сущностью; внешность явления есть продолжение его содержания и внутренней формы. (Эти соображения проясняют недостаточность нашей цифровизации, которая фактически выступает как форма внешняя для экономических процессов.)

Выделим еще один важный и перспективный аспект этой проблематики — (Марксову) идею о так называемой *форме превращенной* («Form sich Entwickelt»), призванной (временно) замещать системную неразвитость внутренних отношений экономики (капитализма) их косвенными выражениями, «...формой его действительности, или, точнее, формой... действительного существования» [7, 460]. (В частности, Маркс отмечает, что деньги могут замещать любой товар в отношениях денежного и действительного капиталов.) Этот концепт позволяет исследовать видимые черты экономики в качестве форм ее фактической реальности, когда названные (цифровые) выражения самостоятельно живут в экономике в виде отдельного (про)явления. При этом особенно важно подчеркнуть, что форма превращенная «видимым» образом представляется конечной точкой отсчета при анализе свойств функционирования системы в целом, когда она наделяется свойствами общественных отношений вне связи с *человеческой деятельностью* [6, 386]. (Полагаем — цифра выступает такой превращенной формой, замещающей содержательное понимание реальности экономических процессов, за ней может скрываться любое их содержание, качество; в свете этого важно не ограничиваться цифровой презентацией экономики, конкретизировать эту форму для проявления, во-первых, ее сущности, во-вторых — социально-гуманитарного характера.)

Теперь перейдем к *особенному* — пропедевтически конкретизируем положения, вытекающие из представленной диалектики формы и содержания, методологически важные для философского анализа нашей цифровизации экономики.

Первое. Если содержание есть все то, что организовано формой, а форма (внутренняя) есть содержание в его существовании,

проявлении, и формой внешней является («иное» для других) качество объекта — экономики — как единства содержания и его форм, то цифровизацию нельзя рассматривать как некий самостоятельный процесс — он должен быть органически связан со всеми гранями экономики как качественного единства.

Второе. В нем внутренняя форма есть активное начало в отношении с относительно пассивным («материя») содержанием экономических процессов, разумеется, с соответствующим влиянием формы внешней [8, 250]. Вместе с этим эта форма должна и воплощать содержание, и противостоять его изменениям. (Наша цифровизация сама по себе, в силу своей внешней формальности, не может быть драйвером развития экономики, нужно идти глубже — к форме внутренней — структуре экономики, а через них — к ее содержанию — продуцированию стоимости.)

Третье. Важно выделить различие внутренней «формы-организации» содержания, и «формы-внешности»: первая выражает его сущностно, непосредственно влияя на содержание. Форма внешняя выражает содержание «явленчески», менее активно, она более подвержена влиянию *посторонних* для единства факторов [8, 251]. (Цифровизация как внешняя, чуткая к (внеэкономическому) постороннему форма, может быть компонентом развития экономики лишь в единстве с внутренней формой и собственно содержанием экономики во всем богатстве ее граней; при этом важно понимание природы «постороннего» для экономики.)

Четвертое. Устойчивость формы не означает отсутствия ее изменений, как и всего единства, но форма удерживает его в некой качественной определенности; содержание и формы изменяются неравномерно, причем внешняя имеет относительную самостоятельность для своего содержания, тогда как форма внутренняя более устойчива, больше связана с содержанием. (Важно не отпускать цифровизацию как внешнюю форму в «свободное плавание», она не должна отрываться от экономики как внутри-формально-содержательного единства.)

Пятое. Поскольку все объекты находятся в развитии, полной адекватности форм и содержания не бывает; в их единстве «движком» развития является содержание; оно всегда как бы объективно опережает форму, прежде всего — внешнюю. А та должна консерва-

тивно держать «беспокойное» содержание в некоем качестве, отличном от «иноного», но делать это так, чтобы не препятствовать его развитию, делать это развитие наиболее удобным для содержания, для их единства. (Внешняя — цифровая — форма, фиксирующая наличное качество (экономики), должна не диктовать содержанию, каким ему быть в этом единстве, а «советоваться» с ним; цифра должна «знать свое место» в функционировании экономики.)

Шестое. Противоречие между содержанием и формой (как внутренней, так и внешней) проходит различные этапы и разрешается по-разному. Классически это выглядит так. На первом этапе формы (относительно) соответствуют содержанию, способствуют его развитию; в результате содержание постепенно «убегает» от них, прежде всего — от формы внешней. По мере развития наступает этап несоответствия форм меняющемуся содержанию, которое имеющиеся формы начинают «тормозить». По мере роста дискомфорта этого процесса для единства наступает третий этап — содержание сбрасывает наличность устаревших форм, находит новые, обеспечивающие развитие их единства, его качества [8, 253]. (Полагаем — в нашей экономике сложилась ситуация, не предусмотренная этой диалектикой: стареющее, сырьевое содержание объективно вроде бы «просит» новую — структурно-внутреннюю — форму, но получает (внешне) цифровую, которая сама по себе не может обеспечить его развитие. Но это, полагаем, фактически устраивает и содержание, и все единство, которые такой цифровизацией имитируют потребность в новых формах.)

Седьмое. В классической диалектике возможны следующие основные варианты взаимодействия форм и содержания: а) старые формы могут «поднапрячься» и подстроиться под обновляющееся содержание, сохраниться тем самым в их единстве (это весьма вероятно, если новые формы еще не найдены); б) старые формы революционно отвергаются и берутся новые в надежде на перспективность их взаимодействия с содержанием; в) новые формы могут использоваться для маскировки сохранения старого содержания, если оно не может (или не хочет по каким-то причинам) меняться, но желает сохраниться в некоем новом качестве. Достаточно очевидно, что: а) пока в нашей экономике доминирует последний вариант при отсутствии определенности в отношении других; тем самым мы имеем использование цифровизации как (внешней) формы для сохранения старого

содержания, которое старается сохраниться; б) полагаем — эта ситуация, обусловлена влиянием внешних (*неэкономических*) факторов, которые не предполагают для старого содержания адекватной внутренней формы, тем самым подменяют цифровизацией качественную модернизацию экономики. (Что это за факторы? — отдельный вопрос.)

Наконец, цифра, очевидно выражающая денежно-стоимостные отношения содержания экономики, внешне, как форма универсально-превращенная, замещает в ней еще не раскрытое богатство иных отношений, блокирует актуализацию потенциала экономики как социогуманитарной деятельности. (Полагаем, форма превращенная выводит, как уже отмечалось, на гуманитарный аспект цифровизации, на человека, преодолевающего качество своей индустриальной формы превращенной современной — содержательной — формой, представленной *экономической культурой* [5].)

Рассмотренное общее и особенное позволяют перейти к *отдельно единичному* — как в свете вышесказанного можно более конкретно характеризовать наше «цифрование» экономики?

Во-первых, повторимся, представляется адекватным ее современным реалиям названный выше вариант использования новой (цифровой) формы старым содержанием. Эта форма скорее имитирует его обновление, тем самым, оно содержательно консервируется, получает возможность отсрочить свое отмирание. (Поэтому главный вопрос — способна ли цифровизация продвинуть нашу экономику, если содержательно та не «желает» (ей не дают?) меняться, прячется в цифровую «квазиновизну» — является, как говорится, «риторическим».)

Во-вторых, такая цифра не просто упаковывает, оформляет содержание (экономических процессов), но отбирает в него то, что ей, как (внешней) форме, нужно, выгодно; например, формы отчетов о развитии экономики содержат те показатели ее содержания, которые нужны данной форме; не попавшее в нее «иное» содержание тем самым фактически лишается права на существование. В цифровой культуре не существует «неоформленного»: чтобы обрести онтологический статус, содержание должно «вписаться» в какую-то форму. (Это хорошо видно при правительственном анализе состояния экономики, публично презентующем лишь ее определенные показатели, прежде всего инфляцию.)

В-третьих, цифровая форма осуществляет и *оценку* взятого в себя содержания, давая, в частности, количественную характеристику его составляющих. Понятно, что авторы различных «цифровых платформ», завышено оценивают нужные им показатели, а невыгодные, если все же нельзя полностью их игнорировать, девальвируют. Это, в частности, видно в различных рейтингах, когда разные показатели имеют разную, выражаемую количественно (условно говоря — в баллах) ценность. Тем самым, внешняя цифровая форма стимулирует активизацию работы над теми аспектами формы внутренней и содержания, которые имеют большую цифровую представленность, весомость, оценочную значимость для нее.

В-четвертых, такая форма осуществляет контроль над содержанием: оно, как отмечалось в п. 2., вынуждено работать на форму, если хочет достойно, значимо существовать. Вместе с этим внешняя форма принципиально слепа и глуха к своему содержанию как таковому, для нее главное — быть заполненной таким содержанием, которое ею формируется и, тем самым, ей подчиняется. Вместе с тем внешняя форма влияет на содержание не непосредственно, а через форму внутреннюю. (Сейчас все маскируется формой внешней — цифровизацией, что ослабляет внимание к форме внутренней: о структурных изменениях экономики ничего не говорится.)

В-пятых, «мертвый» формализм цифры дискриминирует, затушевывает, девальвирует активную, «живую» роль человека, консервирует его «формальную превращенность» в ущерб содержательности своего «метафизического» участия в экономике (разве что не превращает субъект экономической деятельности в пресловутый замятинский «Нумер»).

Наконец, как говорится, «Last, but not least». В философском осмыслении цифровизации очень важен еще один аспект: для понимания сложности рассматриваемой проблематики нужно иметь адекватную гносеологическую ментальность человека (как грань его экономической культуры). В этом мы опираемся на еще одну глубокую (и, к сожалению, весьма актуальную) мысль Гегеля: уже «...древние... очень ясно видели неудовлетворенность числовой формы для выражения определений мысли» [2, т. 1, 289]; тем самым, «насколько они опередили... тех, кто в наше время снова считает чем-то похвальным... замену определений мысли самими числами и числовыми

определениями...» [2, т. 1, 290]. Немецкий философ далее пишет, что, поскольку «число — нечувствительный предмет, и занятие им и его сочетаниями — нечувствительное занятие; дух, следовательно, этим приучается к... внутренней абстрактной работе, что имеет большое, но все же одностороннее значение... так как в основе числа лежит лишь внешнее, чуждое мысли различие, то указанная работа становится *безмысленной, механической*» (курсив наш. — В.К., О.Е.) [2, т. 1, 292]. Более того, «требуемое ею напряжение состоит главным образом в том, чтобы удерживать то, что чуждо понятию, и комбинировать его, не прибегая к понятию... Результатом этих упражнений, когда их делают главным делом... может быть только то, что дух по форме и содержанию *опустошается и притупляется*» (курсив наш. — В.К., О.Е.) [2, т. 1, 292]. Эта глубокая мысль показывает ментальные опасности цифровизации в условиях, когда вся экономика все более «сидит в сознании» (Ю.М. Осипов).

Такое влияние цифровизации на экономистов конкретизируется, по крайней мере, тремя обстоятельствами. Во-первых, у людей, для которых мир цифры выступает виртуальной «презентацией» реальной экономики, ее содержание может подменяться своей имитацией (сконструировать в цифре можно то, чего на самом деле может и не быть); это затрудняет содержательное восприятие реальности. Во-вторых, цифровизация задает свой формат экономического познания, стимулирует «алгоритмический» стиль мышления, который своей формальной упрощенностью деформирует понимание экономических реалий. В-третьих, сейчас восприятие экономики все более сваливается в технологические (*как?*) аспекты ее цифровой презентации, тогда как «метафизическим» вопросам (*почему, зачем* происходят те или иные экономические явления, *какова их социально-гуманитарная субъектность?*) не уделяется должного внимания [4].

Обобщим, с некоторыми неизбежными повторами, основные положения вышесказанного в следующих кратких выводах.

1. Цифровизация, при всей своей внешней формальности необходимая для обработки растущего объема Big Data, не может рассматриваться как некий самостоятельный процесс. Будучи по своей числовой природе «равнодушной» к экономике как конкретно-содержательной деятельности, она не должна (за)(под)менять ее качество, знаменовать его развитие. В свете этого сомнительны представления

о цифровой экономике как особом типе экономической жизни; полагаем, речь должна идти о ее цифровом оформлении, обеспечении, обслуживании — никакие «цифровые платформы», при всей их важности, сами по себе не способны обеспечить пропагандируемую «цифровую перезагрузку как рывок в новую реальность» (Цифровой форум, Алма-Ата, февраль 2021 г.). Цифровизация, вполне уживающаяся со старым содержанием экономики, фактически имитирует ее обновление, выступает косметическим ремонтом, консервирующим наличное, раскритикованное (сырьевое) качество экономики.

2. Полагаем, что в нашей цифровизации из упомянутых вариантов взаимодействия формы и содержания реализуется стратегически бесперспективный для их единства вариант внешней формальности. Цифровизация своим формализмом, когда цифра работает как форма превращенная, не озабоченная своей компьютерно-информационной презентацией обеспечения потребностей развития структуры, содержания экономики, навязывает ей требования, удобные этой форме (показатели, формы отчетности, задания и т. п.). Наличная цифровизация сама по себе формирует не новую экономическую реальность, а некое цифровое наваждение, мираж нового качества экономики.

3. Философская диалектика содержания и формы подсказывает рецепт деформализации цифровизации — необходимость ее модернизации: важно отказаться от достаточности ее внешней отдельности, абстрактности, чистоты презентации экономики. Необходимо с помощью цифры переходить к обновлению формы внутренней — структуры экономики как ключевого звена, соединяющего цифровую форму и ее содержание. Модернизация цифровизации нужна как переход от наличной «внешне-формальной», консервативно-репродуктивной цифровизации обслуживания экономики — к цифровизации *математического моделирования* ее развития «внутри-формальной», продуктивно-структурной (цифровые бизнес-модели, проекты, акторы и т. п.); тогда обе формы могут согласованно работать на модернизацию содержания экономики.

4. Условием этого является избавление в реализации классической диалектики формы и содержания цифровизации экономики от «внешнего», *неэкономического* влияния. Полагаем, что властные

опасения по поводу последствий структурных реформ питают иллюзии развития экономики на возможностях наличной, внешне-цифровой формы при сохранении формы внутренней, структурной. Но тем самым сохраняется и содержание экономики, ее наличное качество! Внешний фактор должен быть не консервативным, а инновационно-стимулирующим. (Опять возникает «стольпинский» вопрос: возможна ли системная, структурная реформа при консервативной политической надстройке?)

5. Цифровизация не может и не должна (за)(под)менять модернизацию экономики; в лучшем случае Big Date своим формально-точным «освоением» ее наличного состояния может работать на эту задачу (несмотря на фактическое властное снятие ее актуальности, а также на затухание разговоров и о цифровизации как таковой). Полагаем, рассмотренная диалектика формы и содержания может дать импульс (пере)осмыслению этой проблемы в свете «метафизического» понимания экономики, в котором ее цифровизация не будет девальвировать, делать «внешней» роль человека.

6. Для этого нужно минимизировать ментальные потери от наличной цифровизации, чтобы она не подавляла своим формализмом содержательный стиль экономического мышления не только специалистов, но и капитанов экономики. В этом важность *философии хозяйства* как социогуманитарного знания, метафизически способствующего обоснованию и решению задачи технотронной модернизации нашей экономики.

Литература

1. *Аристотель*. Метафизика. Соч.: В 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 1975. С. 65—369.
2. *Гегель Г.В.Ф.* Наука логики: В 3 т. М.: Мысль, 1970—1971.
3. *Гегель Г.В.Ф.* Энциклопедия философских наук. Т. 1. Наука логики. М.: Мысль, 1974. 452 с.
4. *Королев В.К., Евграфова О.В.* Цифровая экономика и «численный» мир (пифагорейцев): актуализация философии хозяйства // *Философия хозяйства*. 2019. № 5. С. 20—36.

5. *Королев В.К., Евграфова О.В.* Экономическая культура как «форма содержательная» трансформации понятия «человеческий капитал» // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2015. № 1. С. 12—17.

6. *Мамардашвили М.К.* Форма превращенная // Философская энциклопедия, Т. 5. М.: Советская энциклопедия, 1970. 740 с.

7. *Маркс К.* Теории прибавочной стоимости // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2. Т. 26. Ч. 3. М.: Государственное издательство политической литературы, 1964. 674 с.

8. *Минасян А.М.* Категории содержания и формы. Ростов н/Д: РГУ, 1962. 312 с.

9. *Осипов Ю.М.* Сама себе цифра // Философия хозяйства. 2019. № 2. С.11—16.

References

1. *Aristotel'.* Metafizika. Soch.: V 4 t. T. 1. M.: Mysl', 1975. S. 65—369.

2. *Gegel' G.V.F.* Nauka logiki: V 3 t. M.: Mysl', 1970—1971.

3. *Gegel' G.V.F.* Enciklopediya filosofskih nauk. T. 1. Nauka logiki. M.: Mysl', 1974. 452 s.

4. *Korolev V.K., Evgrafova O.V.* Cifrovaya ekonomika i «chislennyj» mir (pifagorejcev): aktualizaciya filosofii hozyajstva // Filosofiya hozyajstva. 2019. № 5. S. 20—36.

5. *Korolev V.K., Evgrafova O.V.* Ekonomicheskaya kul'tura kak «forma sodержatel'naya» transformacii ponyatiya «chelovecheskij kapital» // Izvestiya vuzov. Severo-Kavkazskij region. Obshchestvennye nauki. 2015. № 1. S. 12—17.

6. *Mamardashvili M.K.* Forma prevrashchennaya // Filosofskaya enciklopediya, T. 5. M.: Sovetskaya enciklopediya, 1970. 740 s.

7. *Marks K.* Teorii pribavochnoj stoimosti // Marks K., Engel's F. Soch. Izd. 2. T. 26. CH. 3. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1964. 674 s.

8. *Minasyan A.M.* Kategorii sodержaniya i formy. Rostov n/D: RGU, 1962. 312 s.

9. *Osipov YU.M.* Sama sebe cifra // Filosofiya hozyajstva. 2019. № 2. S.11—16.

Г.С. СМЕРНОВ, А.А. АРТЕМЬЕВА

**«(Не)замыкающийся круг» космопланетарного хозяйства:
к постановке проблемы***

Аннотация. Статья посвящена осмыслению путей развития и реализации человеческого качества в современном мирохозяйственном универсуме с позиции законов экологии, сформулированных Б. Коммонером. Показано, что в настоящее время космопланетарная экономика испытывает предельные нагрузки в условиях демографического роста. Представлена интерпретация четырех законов экологии («Все связано со всем», «Природа знает лучше», «Все должно куда-то деваться», «За все надо платить») применительно к философии космопланетарного хозяйства. Сделан вывод о том, что решение проблем космопланетарной экономики возможно в результате человеческой революции посредством трансформации эгоистического бытия человеческой цивилизации в направлении должных экономических, экологических, антропологических, бисферно-ноосферных координат.

Ключевые слова: космопланетарная экономика, космопланетарное хозяйство, законы экологии Б. Коммонера, философия космопланетарного хозяйства, экономика.

Abstract. The article is devoted to the understanding of the ways of human quality development and realization in the modern economic universe from the perspective of the laws of ecology, formulated by Barry Commoner. It is shown that nowadays cosmoplanetary economy is experiencing extreme stress because of the demographic growth. The interpretation of the four laws of ecology («Everything is connected with everything», «Nature knows better», «Everything must go somewhere», «Everything has to be paid for») is presented in relation to the philosophy of cosmoplanetary economy. It is concluded that the solution of the problems of cosmoplanetary economy is possible as a result of human revolution

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Смирнов Г.С., Артемьева А.А. «(Не)замыкающийся круг» космопланетарного хозяйства: к постановке проблемы // Философия хозяйства. 2021. № 2. С. 32—49.

through the transformation of current egoistic existence of human civilization in the direction of proper economic, ecological, anthropological, bispheric-noospheric coordinates.

Keywords: cosmoplanetary economics, cosmoplanetary economy, laws of ecology of Barry Commoner, philosophy of cosmoplanetary economy, econoomics.

УДК 330
ББК 87.6

В третьем тысячелетии отчетливо обозначил себя парадокс расхождения политической экономии (как науки и сознания) и реальной экономической жизни как реализации человеческого качества в условиях демографического роста. Современная космопланетарная экономика испытывает предельные нагрузки в условиях перехода к новым концептам: кардинально под влиянием «пан-пандемии» [15, 7] меняется вектор ее развития и при этом настолько существенно, что «речь идет даже не о мутации мира в новый мир, а о трансгрессии мира человеческого в совершенно иной — уже и постчеловеческий — мир» [17, 11]. Человек XIX в., который жил в локальном, региональном и национальном экономическом дискурсе, не мог предвидеть, насколько быстро «философия хозяйства» превратится в «философию глобального хозяйства», в рамках которого человечество примет на себя роль ключевого актора «универсальной истории» [14], ответственного за сохранение жизни на планете Земля.

Настоящее исследование представляет собой попытку осмысления мировоззренческих оснований и современного состояния космопланетарной экономики, а также уточнения должных координат ее развития с позиции глобальной экологии, экологии человека, экологии культуры, философской антропологии, экологии сознания, экологии духа и ноосферологии.

Мировоззренческие основания космопланетарной экономики

Представления об онтологии космопланетарной экономики берут свое начало из философии русского космизма, идеи которого в значительной степени были ориентированы не только на космические, но и на земные дела.

Особое значение для осмысления мировоззренческих оснований космопланетарной экономики имеют размышления В.В. Докучаева о русском черноземе (основе мировоззрения космопланетарной экономики) [8], идеи С.А. Подолинского о труде человека как энергетическом процессе [20], откровение В.И. Вернадского об автотрофности человечества [4], глубинная интуиция А.Л. Чижевского о солнечной и космической энергии как основе всех эволюционно-исторических процессов на Земле (от планетарно-биосферно-геологических до всемирно-глобально-экономических и ноосферно-духовно-психологических) [27]. Праксеологический дискурс поистине космопланетарной экономики нашел развернутое описание в книге К.Э. Циолковского «Цели звездоплавания» [26], где ученый предложил практическую систему циклического хозяйственного жизнеобеспечения в космосе на основе принципов организации биосферы планеты Земля и современных на тот момент научных разработок человечества. В указанном сочинении К.Э. Циолковский описал устройство космического хозяйства, в котором «не надо ни постоянного притока воды, ни притока пищи для растений и животных. Определенный запас газов, воды, почвы и удобрений служит без истощения» [26, 23], а механическое регулирование силы тяжести и температуры воздуха, выращивание растительности в объеме, позволяющем обеспечить необходимое количество кислорода человеку и необходимое количество выдыхаемого им углекислого газа растениям, будет способствовать получению «чудесных урожаев и прекрасных плодов! И это — без малейших забот: ведь полоть, уничтожать насекомых, бороться с засухами и ливнями нет никакой необходимости...» [26, 25]. Первое время, по мнению Циолковского, человек в космосе будет пользоваться для целей производства материалами с Земли, но гораздо легче организовать их доставку с Луны или астероидов, где есть вода, газы и металлы всех сортов, для обработки которых возможно использовать энергию солнца [26, 26]. В целом, выгоды переселения в космос, согласно ученому, «ни переговорить, ни представить себе невозможно» [26, 39].

К сожалению, попытка построения такой космопланетарной экономики на основаниях русского космизма не смогла осуществиться в полной мере в потрясенном мировыми войнами XX в. Вместе с тем неизбежное ощущение глобальности всего происходя-

щего постепенно закладывало основы иной — социально-экологической, биосферно-цивилизационной — модели глобальной и космопланетарной экономики в противовес «потребительским» и «перепотребительским» антагонизмам формационного неравенства.

Одним из первых, кто создал целостные философские образы ценностной природо-ориентированной космопланетарной экономики, был, очевидно, Антуан де Сент-Экзюпери [21]. Его маленький принц, своего рода «инопланетянин», показал типы разных планетных экономик: «экономику счетовода-математика» (образ капиталистической бухгалтерской глобальной экономики), «экономику лентяя» (праздного человека), «экономику фонарщика» (бюрократическую экономику, в которой «уговор» более значим, чем результат), «экономику географа» («виртуальную» экономику, полностью абстрагированную от реальности). В противовес всем этим заблудившимся акторам космопланетарного хозяйства Маленький принц предложил образ философского и этико-эстетического планетного поведения в широком смысле слова: «вставать поутру и сразу приводить в порядок свою планету» — значит, сохранять биосферу, образ которой и прячется в умеющей каждое утро распускать свой бутон розе и каждый вечер сворачивать свои бесконечно живые лепестки.

Размышление Маленького принца о Розе вряд ли было известно Д.Л. Андрееву, когда он писал свою космическую «Розу Мира», но все сюжеты широко понимаемой космопланетарной политэкономии и антропоэкономии в этом предсказании будущего, связанные с двумя основными опасностями (физическим уничтожением человечества вследствие войны и его духовной гибелью вследствие абсолютной всемирной тирании), в ней прозвучали [1].

Вторая половина XX в. стала временем не только формирования широкого экологического сознания, но и экологизации практически всех сфер жизни общества. По словам В. И. Вернадского, «человек впервые реально понял, что он житель планеты и должен мыслить и действовать в новом аспекте. Не только в аспекте отдельной личности, семьи или рода, государств или их союзов, но и в планетном аспекте» [5, 28]. «Зеленая революция» охватила развитые страны мира, оказавшиеся под воздействием мировоззрения Римского клуба и стратегии устойчивого развития. Экологические шаги мировых Саммитов Земли 1972, 1992, 2002 гг. показали, с одной стороны, что

за тридцать лет можно осуществить временный уход от катастрофических сценариев рубежа тысячелетий, но, с другой стороны, Саммиты по устойчивому развитию 2012 и 2015 гг. обнаружили, что локальные улучшения состояния среды не устраняют тенденции к глобальному ухудшению климатической планетарной динамики. «Экономический авангард» капиталистической экономики человечества следует в лучшем случае в русле «медальной стратегии», осуществляя эксплуатацию и переэксплуатацию природных и человеческих ресурсов развивающихся или «попавших в развивающиеся» стран. Как показали исследования Т. Пикетти [19], «капитал XXI века» вышел на траекторию закона, по которому «богатые богатеют, а бедные беднеют». Фактически, мировая капиталистическая элита не признает, что мир подходит к точке глобальной бифуркации [29], или надеется на решение вопросов средствами новой мировой «гибридной» войны.

Вместе с тем необходимость коренного изменения планетарной экономической парадигмы все отчетливее и тревожнее звучит в литературе. Так, в докладе Римскому клубу 2017 г. «Come on! Капитализм, близорукость, население и разрушение планеты» [29] Эрнст Вайцеккер и Андерс Вийкман акцентировали внимание на том, что «мир оказался в критической ситуации», в связи с чем на этот раз они усматривают серьезную необходимость «подвергнуть сомнению законность этоса материалистического эгоизма, который в настоящее время является самой сильной движущей силой в мире» [29]. Авторы убеждены, что «пришло время нового Просвещения или иного изменения существующих привычек мышления и действий, которые учитывают только краткосрочную перспективу. <...> Если разрушительное воздействие сил исключительно материалистического экономического роста не будет укрощено, мы не можем избежать страха, что через 15 лет мир окажется в еще более суровой экологической ситуации, чем на сегодня» [29]). Изменение «существующих привычек», по мнению ученых, предполагает становление новой экономической парадигмы будущего (создание «экополисов» (регенеративных городов), строительство энергоэффективных зданий, ориентацию общественных институтов на восстановление человеческого и природного капитала, переход к принципам «голубой экономики», в рамках которой «производственная деятельность и потребление задаются при-

родой» [29]). Авторы доклада признают, что необходимая современному миру «циклическая экономика нуждается в новой экономической логике», противостоящей традиционному «принципу “быстрого оборота” — брать, производить и утилизировать»: человечеству предстоит найти пути «создания экологичных, продуктивных отношений городов с природной средой, от которой они зависят, способы внедрения эффективных систем возобновляемой энергии для населенных пунктов по всему миру, источники формирования нового образа жизни человечества и новых экономических возможностей, которые будут стимулировать людей к участию в этом процессе трансформации» [29]. Представляется, что большинство обозначенных авторами координат должного развития человечества (новые источники энергии, новые экономические возможности) в будущем тесно связаны с космосом, а значит, и с космопланетарной экономикой.

Размышляя над проблемой ценностных координат «новой экономической логики», о которой пишут в докладе Вайцеккер и Вийкман, на наш взгляд, справедливо обратиться к представлениям академика В.П. Казначеева об «истинном движении» человечества, под которым выдающийся ученый понимал «духовно-интеллектуальное объединение планетарно-космического подъема нации, освоение своих резервов, космоса, сближение ее с космическим интеллектом» [9, 9]. Такое сближение, на наш взгляд, невозможно в отсутствие экологичного, наукоемкого, творческого, духовного взаимодействия человечества с природной средой. В этом смысле призыв «Come on!», прозвучавший в названии упомянутого доклада Римскому клубу, может рассматриваться как призыв к «истинному движению» в том смысле, который вложил в него В.П. Казначеев, а новая экономическая парадигма, предложенная Вайцеккером и Вийкманом, может стать реальным шагом на пути к духовно-интеллектуальному объединению не только нации, но и человечества в целом в интересах организации и самоорганизации космопланетарной целостности.

От философии глобального хозяйства к философии космопланетарного хозяйства

Осмысление ценностных оснований космопланетарной экономики невозможно вне рамок философии хозяйства С.Н. Булгакова, определяющей смысл и назначение хозяйства с позиций христианского (и, в первую очередь, православного) мировоззрения. Именно

«окончательная цель хозяйства», которая состоит в православно-аксезном «трудовом восстановлении мира» [3, 193], уравнивает, по мнению философа, внешне антагонистичный характер человеческой хозяйственной деятельности по отношению к природе: «человек не может хозяйственным путем, т. е. трудовым усилием, творить новую жизнь» [3, 181], в связи с чем «содержанием хозяйственной деятельности человека является не творчество жизни, но ее защита, воссоздание живого и натиск на омертвелое» [3, 183].

Философия хозяйства С.Н. Булгакова — это, несомненно, философия «вселенского хозяйства», где человек и человечество испытывают свои все более возрастающие силы в строительстве и созидании хозяйства «с большой буквы», пытаясь подражать развитым формам христианского мышления, по определению выходящим далеко за пределы «колыбели», которую, по мысли К.Э. Циолковского, представляет собой планета Земля. В этом смысле философия хозяйства, по определению, включает в себя космопланетарный контекст, а экспликация понятия «космопланетарное хозяйство» столь же естественна, как и превращение маленького ребенка-потребителя во взрослого творческого человека-производителя (использование принципа подобия в данном случае представляется вполне закономерным, поскольку человечество — единый субъект, созидающий космопланетарную экономику, — эволюционирует в филогенетических и онтогенетических формах, и хозяйство неизбежно развивается вместе с ним).

Современные философия и наука исследуют феномен космопланетарной экономики в различных аспектах. Наиболее распространен научно-практический подход к осмыслению космической экономики как значимой отрасли национального развития [7] в контексте всей системы отношений, которые касаются экономики космических полетов, космического туризма, спутников, обеспечивающих интернет-коммуникации и т. д. Несомненно, земная и космическая экономика не могут существовать по отдельности, в связи с чем постепенно формируется их взаимосвязь в рамках космопланетарной экономики.

Вместе с тем для целей настоящего исследования наиболее значимыми представляются философские рассуждения о космическом хозяйстве, основанные на понимании космоса как единой си-

стемы на микро-, макро-, мегауровнях, любое воздействие на которую влечет флуктуации в космопланетарных хозяйственных отношениях.

Такого подхода к осмыслению космопланетарной экономики придерживаются, в частности, С.М. Сухорукова, А.М. Погорелый и А.В. Самороков, задаваясь вопросом о том, «не следует ли экономистам учитывать, что условия для жизни на Земле складывались благодаря совокупности ее связей в космосе как единой системе и, нарушая эту систему, мы разрушаем условия, обеспечивающие на нашей планете саму возможность хозяйственной деятельности?». По мнению ученых, такая постановка проблемы помогла бы «разработать экономические институты, которые способствовали бы сохранению Земли в мегасистеме космоса, обеспечивая тем самым устойчивость ее биосферы в состоянии, отвечающем экологическим потребностям человека» [24; 25, 60].

Приведенный подход к осмыслению космопланетарной экономики расширяет содержание исследуемого феномена до понятия «космопланетарное хозяйство», рассматриваемого в контексте «целостного и непрерывного жизнеотправления» [16, 26], не ограниченного авторитарным господством стоимостной экономической субстанции, практико-эгоистическими стремлениями, а наполненного и ведомого истинными ценностными смыслами.

Законы Барри Коммонера и современная космопланетарная экономика

Аксиологические основания космопланетарного хозяйства приобретают особое значение в условиях обострения антагонизмов мировых хозяйственных отношений. Представляется, что необходимый методологический ресурс для осмысления ценностных координат, которые определяют деятельность человечества в космопланетарном масштабе, может быть обнаружен в творчестве Барри Коммонера, в частности, в сформулированных им в работе «Замыкающийся круг» законах экологии: «Все связано со всем», «Все должно куда-то деваться», «Природа знает лучше» и «Ничто не дается даром» («За все надо платить») [10].

В частности, *первый закон экологии* («Все связано со всем») не носит только онтологический характер (как может показаться на первый взгляд): в нем сосредоточена вся многообразная философская

палитра процесса миропостроения, включающая и процессы познания, и ценностные ориентации и деятельностные подходы. При этом рассмотрение детерминистских и транзитивных цепочек в этом контексте не должно сознательно или бессознательно ограничиваться теми или другими реализациями «центризмов» (социоцентризма, антропоцентризма, эконоцентризма).

Проблема современной космопланетарной экономики заключается в том, что вселенский характер коммонеровской мысли часто «усекается» формулировками «Все связаны со всеми», «Все связано со всем вещественно», «Все связано со всем энергетически». Трудности возникают и в связи с тем, что мало кто знает, каким именно образом «все связано со всем», т. е. какие причинно-следственные цепочки истинны, а какие не соответствуют действительности (например, одни ученые считают, что потепление вызвано углеродными выбросами человечества, а другие уверены в том, что космические факторы потепления приводят к выбросу CO₂ из мирового океана). Тем не менее действие указанного закона в условиях современной техногенной цивилизации бесспорно проявляет, в частности, необходимость преодоления ее гетеротрофности и супергетеротрофности (Э.В. Гирусов) [6] в пользу многоликих моделей экономической и социальной миксотрофности [22], а также утверждения различных аскезных форм хозяйственного бытия [2] на пути к становлению автотрофного человечества [4].

Второй закон экологии Б. Коммонера «Все должно куда-то деваться» в третьем тысячелетии обретает экзистенциальный характер для человечества, ибо оно уже «не знает, куда деваться от того, что должно куда-то деваться», т. е. от «глобального мусора». Отходы производства и потребления безжалостно засоряют сушу и Мировой океан, а микропластик, по мнению ученых, становится угрозой для всего живого на планете.

В последние годы Россия отчетливо осознала (о чем свидетельствует так называемая «мусорная реформа»), что неконтролируемое сверхпотребление вне должного экономического и экологического управления подвело страну к «мусорной катастрофе». Стало очевидно, что экстремальная «упаковочная политика» всегда должна дополняться развитием соответствующей экономики сортировки и захоронения отходов. Вместе с тем до настоящего времени доля соци-

ально-полезной переработки мусора в отечественной экономике минимальна как по инфраструктурным причинам, так и ввиду неразвитости экологического сознания значительной части населения. Таким образом, должная реализация второго закона экологии остается одной из ключевых проблем современности.

Третий закон экологии «Природа знает лучше» может рассматриваться для современной космопланетарной экономики в качестве альтернативной эпистемологической парадигмы. За последние пятьдесят лет (с того времени, когда человечество отчетливо услышало суровые предупреждения о будущей глобальной катастрофе) сделано достаточно много для ухода от крайностей техно-антропологического прессинга на природу, процессы экологизации цивилизации стали главным аттрактором устойчивого развития, однако техно-торможение оказалось не столь эффективным, как того требовали глобальные климатические обстоятельства. Биосфера — организм, в рамках которого существует сознание человеческой цивилизации — оказалась в положении «человека на грани негативных трендов»: переедания, диабета, онкологических заболеваний, нарушения обмена веществ, психических расстройств, когнитивных деформаций и т. д. Не вызывает сомнений, что такое состояние биосферного организма неизбежно оказывает отрицательное воздействие на динамику человеческого сознания: за стрессовым состоянием биосферы стоит стрессовое состояние духовности современного человечества.

Трансформация сознания человеческой цивилизации неизбежна по той причине, по которой биосфера не может больше терпеть состояния экстремальной транзитивности. Проблема состоит в том, чтобы осознать (оценить, просчитать, экстраполировать) с помощью современных средств биосферно-ноосферного мониторинга параметры «природы природы» (вопрос, который Э. Морен поставил в плоскость не только методологического, но и образовательного решения) [13]. Представляется, что именно интеллектуально-информационные воздействия на отдельных людей в образовательно-просветительском формате должны стать приоритетным направлением в решении проблемы спасения биосферы. Такого рода «человеческая революция» становится в порядок дня в той же неизбежности, в какой в мировой истории случались политические и социально-эконо-

мические революции, и с точки зрения рассматриваемого закона экологии современная человеческая революция концептуально не может быть иной, нежели биосферно-ноосферной революцией.

Четвертый закон экологии «За все надо платить» («Ничто не дается даром») можно рассматривать в качестве интегративного правила, вбирающего в себя все предыдущие законы. В условиях космопланетарной экономики, подразумевающей сложнейшие договоренности между локальными, региональными, трансрегиональными и глобальными акторами хозяйственной деятельности, одной из ключевых экологических задач становится определение субъекта ответственности за ущерб, причиненный биосфере и человечеству безответственным хозяйствованием, при том, что экономически развитые страны, пользуясь своей «исключительностью», стараются переложить экологические расходы на другие страны (в частности США не ратифицировали Киотский протокол, направленный на сокращение выбросов парниковых газов в атмосферу, и в 2017 г. вышли из Парижского соглашения по климату).

Не менее сложным вопросом космопланетарной экономики является установление конкретного «размера платежа» в интересах гармонизации биосферно-хозяйственного развития. Условия предоставления возмещения природе за взятое из ее кладовых, очевидно, должны выстраиваться, исходя из стратегии опережающего возмещения. При этом человечество третьего тысячелетия должно в короткие сроки попытаться вернуть природе то, что оно израсходовало за последние три экстремально разрушительных столетия.

Вместе с тем «размер платежа» за все хозяйственные просчеты человечества следует рассматривать не только с точки зрения масштабов природовосстановительной деятельности. Производственный процесс неизбежно включает в себя факторы природы и среды, ибо превращение естественной природы во «вторую очеловеченную природу» (в смысле, который использовал К. Маркс) всегда предполагает, что человек что-то берет для себя из природы, делая природу «не-природой». Так постепенно экономика превращается в эконологию, и соответственно «экономическое сознание» превращается в «сознание эконологическое». В силу этого экологическое производство предполагает не только «инвайронментальный контекст» (охрану природы или восстановление жизнеспособности природных объектов), но также оптимизацию и гармонизацию всей системы

«Человек — Общество — Природа». Разрушение «природы природы» [13] практически всегда дополняется увечьями для «природы человека», поэтому закон «За все надо платить» предполагает не только экологическое, но и антропологическое возмещение «природе человека», которое обозначается не только в денежном эквиваленте.

Имплементация вышеприведенных законов экологии Б. Коммонера в космопланетарную экономику — достаточно непростая задача по той причине, что институциональные возможности человеческой транзитивности ограничены, но то, что человечество входит в глобальную точку бифуркации в условиях информационной революции дает шансы на решение поставленных теоретически и практически сложных задач.

Космопланетарное хозяйство через призму экономики

Осмысление проблематики космопланетарного хозяйства, его онтологических, аксиологических и праксеологических координат невозможно вне рамок представлений о гносеологическом поле экономики — философии ноосферного хозяйства [23].

Сущностной характерной чертой экономики является размерность ее универсального подхода к объекту исследования, в котором ни материальное, ни духовное измерение не доминируют друг над другом, но дополняют друг друга. Экономика базируется не только на экологических [28] основах: ее теоретические истоки значительно более пространны и предполагают использование всей системы экологического знания (глобальной экологии, социальной экологии, промышленной экологии, агроэкологии, инженерной экологии, экологии человека, экологии культуры, экологии сознания, экологии духа); именно цикл экологических наук осуществляет сильный синтез естественных и социально-гуманитарных наук.

Экономика — интегративное знание о принципах устройства ноосферного хозяйства — неизбежно включает в себя представления о космопланетарной экономике, реализованной усилиями различных познавательно-деятельностных субъектов, пока не мыслимой как неразрывное единое целое, но в силу революционных процессов цифровизации возможной для подобного рода мега-репрезентации. Смена предметной области при переходе от экономики к экономике в рамках новой парадигмальности, прежде всего, предполагает тео-

ретическое осмысление сверх-системности космопланетарной экономики, представляющей собой пока лишь хаосомность, но в процессе осмысления и деятельности трансформирующейся в синергичное пространство *рынка* (в тройном понимании, которое имеет место в творчестве академика Н.Н. Моисеева) [11; 12] и *плана* (который также может быть представлен в рамках тернарного описания: «план», «План» и «ПЛАН»).

Здесь следует отметить, что «план», о котором привыкли размышлять экономисты в рамках социалистической картины мира, предполагает навязывание некоторых идеологических ориентиров (ценностей), преследующее цели решения видимых в обозримом будущем задач. Такая механическая экономическая экстраполяция способна решать самые простые задачи выживания на пределе возможностей с постоянными срывами в многообразные формы социально-экономического дефицита.

На смену представленной парадигме неизбежно приходит неклассическая репрезентация Плана («с большой буквы»), предполагающая, что рынок и план должны рассматриваться в контексте принципа дополнительности — как модели описания феномена экономической реальности на «одинаково ценных» языках. Таким образом, экономика-план обеспечивает обязательное выполнение программ-минимум, а экономика-рынок (как более сложная система) предназначена для решения программ-максимум. В соревновании друг с другом они определяют способы адекватного выживания или оптимального развития.

«Постнеклассический ПЛАН» по существу планом уже не является, поскольку представляет собой почти естественный закон, обеспечивающий выполнение биосферных (природных) закономерностей синергетического развития. Думается, что взаимодействие такого ПЛАНА с РЫНКОМ Н.Н. Моисеева (универсального, вселенского принципа борьбы за выживание и отбора [11, 147]) являет собой процесс экономической «самоорганизующейся организации самоорганизации — многоуровневой, разнонаправленной, многоцентровой, иерархической, сетевой, как и стихийной, вольной, турбулентной» [18, 68]. Именно такой — «многоуровневый», «многоцентровой», «вольный» — методологический аппарат, на наш взгляд, в наибольшей степени подходит для описания и осмысления космопланетарных хозяйственных процессов в рамках экономики.

Заключение

Философия космопланетарной экономики (как часть философии экономики) и философия космопланетарного хозяйства (как раздел большой философии хозяйства) дополняют друг друга в рамках современного знания, что свидетельствует о том, что философский поиск предполагает постоянный выход за существующие парадигмы осмысления вселенского человеческого бытия. Не вызывает сомнения, что современные процессы глобализации, космизации, информатизации и цифровизации способствуют становлению космопланетарной экономики в ее онтолого-праксеологическом значении (как нового измерения хозяйственной телесности глобальной человеческой цивилизации). Вместе с тем представленные проблемы космопланетарной экономики требуют от человечества приобщения к ценностям космопланетарного хозяйства и свидетельствуют об острой необходимости трансформации человеческого бытия в направлении должных экологических, антропологических и биосферно-ноосферных координат.

Литература

1. *Андреев Д.Л.* Роза Мира. М.: Издательство АСТ, 2018. 672 с.
2. *Артемьева А.А.* Аскеза как антропологическая парадигма глобального экономического сознания // Вестник Ивановского государственного университета. Сер. Гуманитарные науки. 2020. № 2. С. 89—97.
3. *Булгаков С.Н.* Философия хозяйства / Отв. ред. О. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2009. — 464 с.
4. *Вернадский В.И.* Автотрофность человечества // Вернадский В.И. Биогеохимические очерки. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940. С. 47—58.
5. *Вернадский В.И.* Научная мысль, как планетное явление. М.: Наука, 1994. 271 с.
6. *Гирусов Э.В.* «Автотрофность» как новая парадигма социального развития // Реалии ноосферного развития. М.: Ноосфера, 2003. С. 46—51.
7. *Горбунов А.А., Крупеня А.П., Крымский В.В., Субетто А.И.* Особенности экономического развития России: космопланетарный аспект // Ноосферное образование в евразийском пространстве / Под

ред. А.И. Субетто. СПб.: Центр научно-информационных технологий «Астерион», 2018. С. 65—88.

8. *Докучаев В.В.* Русский чернозем. М.: Книга по Требованию, 2012. 559 с.

9. *Казначеев В.П.* О будущем // Физика сознания и жизни, космология и астрофизика. 2015. Т. 15. № 1 (57). С. 7—15.

10. *Коммонер Б.* Замыкающийся круг. Л.: Гидрометеиздат, 1974. 280 с.

11. *Моисеев Н.Н.* Быть или не быть человечеству? М.: Ульяновский Дом печати, 1999. 288 с.

12. *Моисеев Н.Н.* Современный рационализм. М.: МГВП КОКС, 1995. 376 с.

13. *Морен Э.* Метод. Природа Природы. М.: Прогресс-Традиция, 2005. 464 с.

14. *Назаретян А.П.* Цивилизационные кризисы в контексте универсальной истории. М.: Мир, 2004. 368 с.

15. *Осипов Ю.М.* Времечко // Философия хозяйства. 2020. № 6. С. 7—8.

16. *Осипов Ю.М.* Научно-образовательная школа философии хозяйства: уникальная, свободная, признанная // Научные исследования экономического факультета. Электронный журнал. 2016. Т. 8. Вып. 1. С. 24—35.

17. *Осипов Ю.М.* Россия и переделъ // Философия хозяйства. 2020. № 6. С. 11—16.

18. *Осипов Ю.М.* Экономика как есть (откровения Зоила, или Судный день экономизма). М.: ТЕИС, 2017. 318 с.

19. *Пикетти Т.* Капитал в XXI веке. М.: Ад Маргинем Пресс, 2015. 592 с.

20. *Подолинский С.А.* Труд человека и его отношение к распределению энергии. М.: Белые Альвы, 2005. 160 с.

21. *Сент-Экзюпери А.* Маленький принц. М.: Эксмо, 2010. 96 с.

22. *Смирнов Г.С.* Миксотрофность современного человечества: реалии ноосферного перехода // Вестник Ивановского государственного университета. Сер. Гуманитарные науки. 2013. № 2. С. 8—11.

23. *Смирнов Г.С., Одинцова А.А.* Экономика как философия ноосферного хозяйства // Философия хозяйства. 2019. № 2. С. 16—37.

24. Сухорукова С.М., Погорельый А.М. Как обеспечить экологическую и промышленную безопасность при освоении космоса // Российский технологический журнал. 2017. № 1 (15). С. 57—63.

25. Сухорукова С.М., Погорельый А.М., Самороков А.В. К вопросу об эколого-экономической безопасности информационных технологий // Экономика и управление инновациями. 2020. № 2 (13). С. 45—53.

26. Циолковский К.Э. Цели звездоплавания. Калуга: издание автора, 1929. 40 с.

27. Чижевский А.Л. Физические факторы исторического процесса. Калуга: Ассоц. «Калуга — Марс»: Гос. музей истории космонавтики, 1992. 72 с.

28. Эконэкол // Реймерс Н.Ф. Природопользование. Словарь-справочник. М.: Мысль, 1990. 637 с.

29. Come On! Capitalism, Short-termism, Population and the Destruction of the Planet (A Report to the Club of Rome by Ernst von Weizsäcker and Anders Wijkman, co-authors in cooperation with 34 more Members of the Club of Rome prepared for the Club of Rome's 50th Anniversary in 2018): [Электронный ресурс]. URL: http://filipmalinowski.net/Club_Of_Rome-report-2018_ComeOn.pdf (дата обращения: 20.09.2020).

References

1. Andreev D.L. Roza Mira. М.: Izdatel'stvo AST, 2018. 672 s.
2. Artem'eva A.A. Askeza kak antropologicheskaya paradigma global'nogo ekonomicheskogo soznaniya // Vestnik Ivanovskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Gumanitarnye nauki. 2020. № 2. S. 89—97.
3. Bulgakov S.N. Filosofiya hozyajstva / Otv. red. O. Platonov. М.: Institut russkoj civilizacii, 2009. — 464 s.
4. Vernadskij V.I. Avtotrofnost' chelovechestva // Vernadskij V.I. Biogehimicheskie ocherki. М.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1940. S. 47—58.
5. Vernadskij V.I. Nauchnaya mysl', kak planetnoe yavlenie. М.: Nauka, 1994. 271 s.
6. Girusov E.V. «Avtotrofnost'» kak novaya paradigma social'nogo razvitiya // Realii noosfernogo razvitiya. М.: Noosfera, 2003. S. 46—51.
7. Gorbunov A.A., Krupenya A.P., Krymskij V.V., Subetto A.I. Osobennosti ekonomicheskogo razvitiya Rossii: kosmoplanetarnyj aspekt // Noosfernoe obrazovanie v evrazijskom prostranstve / Pod red.

A.I. Subetto. SPb.: Centr nauchno-informacionnyh tekhnologij «Asterion», 2018. S. 65—88.

8. *Dokuchaev V.V.* Russkij chernozem. M.: Kniga po Trebovaniyu, 2012. 559 s.

9. *Kaznacheev V.P.* O budushchem // Fizika soznaniya i zhizni, kosmologiya i astrofizika. 2015. T. 15. № 1 (57). S. 7—15.

10. *Kommoner B.* Zamykayushchijsya krug. L.: Gidrometeoizdat, 1974. 280 s.

11. *Moiseev N.N.* Byt' ili ne byt' chelovechestvu? M.: Ul'yanovskij Dom pečati, 1999. 288 s.

12. *Moiseev N.N.* Sovremennyy racionalizm. M.: MGVP KOKS, 1995. 376 s.

13. *Moren E.* Metod. Priroda Prirody. M.: Progress-Tradiciya, 2005. 464 s.

14. *Nazaretyan A.P.* Civilizacionnye krizisy v kontekste universal'noj istorii. M.: Mir, 2004. 368 s.

15. *Osipov YU.M.* Vremechko // Filosofiya hozyajstva. 2020. № 6. S. 7—8.

16. *Osipov YU.M.* Nauchno-obrazovatel'naya shkola filosofii hozyajstva: unikal'naya, svobodnaya, priznannaya // Nauchnye issledovaniya ekonomicheskogo fakul'teta. Elektronnyj zhurnal. 2016. T. 8. Vyp. 1. S. 24—35.

17. *Osipov YU.M.* Rossiya i peredel'e // Filosofiya hozyajstva. 2020. № 6. S. 11—16.

18. *Osipov YU.M.* Ekonomika kak est' (otkroveniye Zoila, ili Sudnyj den' ekonomizma). M.: TEIS, 2017. 318 s.

19. *Piketti T.* Kapital v XXI veke. M.: Ad Marginem Press, 2015. 592 s.

20. *Podolinskij S.A.* Trud cheloveka i ego otnoshenie k raspredeleniyu energii. M.: Belye Al'vy, 2005. 160 s.

21. *Sent-Ekzyuperi A.* Malen'kij princ. M.: Eksmo, 2010. 96 s.

22. *Smirnov G.S.* Miksotrofnost' sovremennogo chelovechestva: realii noosfernogo perekhoda // Vestnik Ivanovskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Gumanitarnye nauki. 2013. № 2. S. 8—11.

23. *Smirnov G.S., Odincova A.A.* Ekonomika kak filosofiya noosfernogo hozyajstva // Filosofiya hozyajstva. 2019. № 2. S. 16—37.

24. *Suhorukova S.M., Pogorelyj A.M.* Kak obespechit' ekologicheskuyu i promyshlennuyu bezopasnost' pri osvoenii kosmosa // Rossijskij tekhnologicheskij zhurnal. 2017. № 1 (15). S. 57—63.

25. *Suhorukova S.M., Pogorelyj A.M., Samorokov A.V.* K voprosu ob ekologo-ekonomicheskoj bezopasnosti informacionnyh tekhnologij // *Ekonomika i upravlenie innovacijami*. 2020. № 2 (13). S. 45—53.

26. *Ciolkovskij K.E.* Celi zvezdoplavaniya. Kaluga: izdanie avtora, 1929. 40 s.

27. *CHizhevskij A.L.* Fizicheskie faktory istoricheskogo processa. Kaluga: Assoc. «Kaluga — Mars»: Gos. muzej istorii kosmonavtiki, 1992. 72 s.

28. *Ekonekol // Rejmers N.F.* Prirodopol'zovanie. Slovar'-spravochnik. M.: Mysl', 1990. 637 s.

А.В. МАРКОВ

**Философия нефтяного производства:
Д.И. Менделеев и Г.П. Федотов***

Аннотация. Русские ученые-философы обосновывали идеи дифференциации нефтяного производства — с целью раскрытия творческого потенциала страны и достижения нового этапа ее развития. Д.И. Менделеев противопоставил нетворческую сборку изделий творческой разработке месторождений и развитию транспортировки и упаковки. Г.П. Федотов обосновал программу христианского социализма как программу, в которой раскрываются творческие потенциалы производств, в том числе нефтяного производства. Обе программы соединяют аристократизм как школу творческого напряжения и демократизм как принцип стимулирования производства, и обе они исходят из того, что без телеологического принципа хозяйство оказывается областью частных и частичных решений, приводящих к кризису. Телеологический принцип у этих мыслителей получает духовное обоснование, актуальное и в наши дни.

Ключевые слова: нефть, культурная история, социализм, экономическая теория, русская экономическая мысль, Менделеев, Федотов.

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Марков А.В. Философия нефтяного производства: Д.И. Менделеев и Г.П. Федотов // Философия хозяйства. 2021. № 2. С. 49—58.

Abstract. Russian thought was thinking about the differentiation of oil production in order to reveal the country's creative potential and reach a new stage in its development. Dmitry Mendeleev contrasted the non-creative assembly of products with the creative development of deposits and the development of transportation and packaging. Georgy Fedotov substantiated the program of Christian socialism as a program in which the creative potentials of industries are revealed, and oil production is also creatively transformed. Both programs combine aristocracy as a school of creative tension and democratism as a principle of stimulating production, and both programs proceed from the fact that without a teleological principle, the economy turns out to be an area of private and partial solutions that lead to a crisis. The teleological principle from these thinkers receives a spiritual justification, which is relevant today.

Keywords: oil, cultural history, socialism, economic theory, Russian economic thought, Mendeleev, Fedotov.

УДК 130.2+13
ББК 71.0

Культурная история нефти для эпохи русского модерна еще не написана: она поздно стала предметом общей чувственности, в отличие от бензина, керосина или мазута, имевших свои литературные ассоциации как узнаваемые материалы, которые можно встретить в повседневной жизни. Вместе с тем экономический смысл нефти был очевиден еще в последней четверти XIX в., когда вопрос о добыче нефти образовал логистическую задачу — существеннее было не то, как разрабатывать бакинские месторождения, а то, как обеспечить доставку нефти, не увеличивая накладные расходы. Русская мысль встретила вызов творчески, указав, что, хотя нефтяное производство представляет собой специальную отрасль, в свете закономерностей этой отрасли иначе выглядят творческие задачи других отраслей. Вводится различие творчества как изготовления изделий и творчества как создания нового образа жизни — здесь размышления о нефти оказались частью общих размышлений русской мысли о природе творчества. При этом решить вопрос о нефти и значило решить вопрос о том, как сделать население страны участвующим не только в творчестве в виде сборки изделий или воспроизведения шаблонов,

но и в творчестве во втором смысле — как напряженного труда, имеющего духовную и вселенскую цель.

Д.И. Менделеев, в связи с реформой таможенного тарифа 1891 г., выпустил труд «Толковый тариф» [1], цель которого была проста — обсудить, как протекционистская система пошлин и сборов может стимулировать развитие и дифференциацию местной промышленности. Как экономист, он считал недостаточным только поощрение развития отдельных отраслей, но требовал выяснить, каковы стартовые условия появления новых предприятий и новых более изощренных отраслей. Менделеев привел пример: обложение высокой пошлиной импортных предметов роскоши, таких как большие зеркала, вовсе не приводит к появлению местной зеркальной промышленности [1, 16—20]. Только ли в том дело, что богатые домовладельцы по привычке предпочитают привозные зеркала? Нет, скорее в том, утверждал Менделеев, что создание больших зеркал требует значительных предварительных инвестиций, кроме того, и продать их удастся не сразу, тогда как штамповка зеркал для массового потребителя не требует существенных вложений и быстро окупается.

Но также, заметил Менделеев, у западных производителей зеркал есть два преимущества. Во-первых, они дают скидку на оптовую партию, чего пока не могут позволить себе местные производители. Во-вторых, они поставляют отдельные детали для зеркал, не облагаемые большой пошлиной — делать зеркала из импортных деталей опять же дешевле: невозможно каждую деталь обложить высокой пошлиной. Таким образом, единственный способ наладить производство больших зеркал в России — еще больше поднять пошлины на ввоз всего, связанного с зеркалами, но одновременно диверсифицировать местное производство, добившись быстрого производства деталей, быстрой их закупки производителями зеркал, а значит, необходимого торгового оборота.

Рассчитать диверсификацию во всех отраслях промышленности невозможно, но есть одна отрасль, где она рассчитывается просто в силу природы основного продукта — нефти, которая при равномерном подогреве позволяет получить большой спектр нефтепродуктов, из которых можно сделать еще больше оригинальных изделий, равно как использовать как топливо, причем все это делается быстро и обеспечивает быстрый торговый оборот. Менделеев говорит, что для того, чтобы не образовывалось монополии на производство какого-

то из нефтепродуктов или изделий из нефти, что может заблокировать быстрый оборот транспорта и финансов, нефтяное производство надо диверсифицировать, отдав различные его узлы в частные руки, одновременно повысив пошлину на ввоз нефтепродуктов. Эффект тогда не заставит себя ждать: цена на керосин сначала взлетит, потому что не будет конкурировать дешевый импортный керосин, но потом начнет резко падать из-за конкуренции производителей.

Необходимость покрыть накладные расходы, налаживая регулярные поставки и регулярное получение прибыли, потребует от производителей объединяться в группы, получая скидки уже от операторов логистики [1, 38—39]. Так частные контракты с розничными ценами и высокими накладными расходами будут заменены оптовым производством с экономией и скидками. Эти группы, заметим, оказываются похожи на ячейки социализма, раз группа пользуется скидками и привилегиями, и хотя члены группы могут преуспевать в разной степени, но справедливость по отношению ко всем осуществляется самой логикой работы этих групп.

Другое предложение Менделеева — отказаться облагать пошлинами вывоз нефтепродуктов [1, 523—524] — тогда появится развитый рынок нефтепродуктов от конкурирующих производителей, вместе с сопутствующим производством, включая производство тары, — и Менделеев, чтобы в области тары были творческие решения, предлагает пока не облагать налогом нефтепродукты в таре. По сути, здесь и появляется творчество во втором смысле, как создание не просто нового продукта, а нового образа жизни, связанного с использованием изделиями и соответствующей организацией быта, изобретательной, напряженной и прогрессивной. Производство зеркал же представляло собой творчество просто как создание оригинальных изделий, где нет остаточного продукта, который можно коммерциализировать, а значит, нет и творческого жизненного напряжения, направленного на эту коммерциализацию.

И действительно, мысль о социализме как о творчестве, отличающемся от капиталистического шаблона, далее развивалась в русской религиозной мысли. Федотов опубликовал в журнале «Новый град» статью «Что такое социализм» [4]. В этой статье он поставил целью обосновать, как возможен социализм, который не повторяет ошибок советской власти, таких как чрезмерная бюрократизация, мо-

биллизация, привилегии, насилие, но действительно является тем социальным государством, которое может появиться как выход из кризиса существующих систем. Как и Менделеев, он считает, что на смену частных предприятий должны прийти коллективы, но понимает эти коллективы как благородные, заменяющие погоню за прибылью через продажу частных трудовых сил и ресурсов — вознаграждением и честью для всех членов коллектива.

Удивительным образом этот новый социализм должен поддерживать различные ценности, начиная с ценности человеческой жизни, сделать жизнь и труд человека по-настоящему благородным: но в смысле не громких лозунгов, а внутреннего согласия с тем, что начатый тобой труд уже становится благородным. Как Менделеев повышением пошлин стремился диверсифицировать производство нефтепродуктов и сделать их выгодными, так и Федотов стремился сделать труд менее доходным, и тем самым внушить людям интерес к искусству и саморазвитию: «Понижение корыстных мотивов к труду не угрожает техническому строю, страдающему от избытка человеческого труда. Опасности социального обеспечения должны парироваться социальным воспитанием» [4, 28].

Такой подход, связывающий личные права, справедливость и выстраивание порядков ценностей, которые становятся все более лично переживаемыми и все более драгоценными, Федотов наметил еще в раннем докладе «Об утопии Данте» [2]. В этой работе он настаивал, что монархический проект Данте — не некоторый отвлеченный итог размышлений или политическая идеология, но необходимый момент политизации самого того поля, в котором мысль Данте только и может далее существовать. Изгнав Данте, Флоренция не просто нанесла себе ущерб, лишившись гениального человека, но превратила человека, который имел «только политическую биографию», в деятеля, острая проблематизация которым содержания политики стала значима для всего мира.

Для любого читателя Данте может показаться удивительным, что он рассматривается как политик, а не как поэт любви и богословского созерцания. Но для Федотова и любовная история, и откровение трех потусторонних миров — только эпизоды из политической биографии Данте. Чтобы реализовалась и поэтическая биография Данте, необходимо создать настоящий социализм, где труд будет пониматься не как продолжение лозунгов, но как индивидуальная тяга

каждого, узнавание труда как своего. «Мы не можем простить Флорентийской трудовой республике, что Данте принужден был вступить в цех аптекарей, чтобы получить политические права: в республике не было цеха поэтов» [2, 308]. Тогда Данте станет и нашим современником как поэт, а пока он является нашим современником только как политик.

Федотов утверждает, что эпоха Данте была эпохой органической, в отличие от большинства эпох, неорганических, когда налицо «атония политической воли». Неорганические эпохи обеспечивают инертное функционирование социальных и политических механизмов, не пробуждая в них настоящий смысл, или, как мы бы сказали вслед за Менделеевым, обеспечивают сборку зеркал. Тогда как органические эпохи «одной горячей кровью животворят все, даже самые периферические клетки общественного тела» [2, 304]. Вдруг все институты, причем не только обеспечивающие функциональную логику, но и демонстрирующие ценность происходящего, начинают действовать активно и убедительно для современников, хотя при этом сами современники могут допускать ошибки, например, изгнать Данте.

В органическую эпоху, согласно Федотову, аристократ «узнается по кончику ногтей», произведения декоративно-прикладного искусства восходят на уровень высочайшего искусства, а философы или пророки становятся не просто законодателями, но создателями политики — они пишут так, что само их письмо порождает политическое участие. Это как раз та дифференциация, о которой говорил Менделеев, что благодаря справедливому развитию нефтяной промышленности, не как ресурса прибыли при получении готовых изделий, но как ресурса социальной кооперации, и появится творческое участие любого россиянина в развитии страны — как участвующего либо в производстве, либо в логистике, либо в потреблении. Федотов пишет, не ссылаясь на Менделеева, о том же самом — как в эпоху отсутствия шаблонов каждый проявляет свои способности по облагораживанию способов употребления продуктов и идей.

Противопоставление неорганического шаблонного творчества и органического творчества как участия в напряженном переживании всех возможностей, открываемых общим хозяйством страны, Федотов продел в своей поздней статье «Перевод как искусство», где противопоставил неорганический (тиранический) и органический

(демократический) подход к переводу. В этой статье Федотов прямо сказал, что перевод тоже является предметом политического напряжения еще прежде, чем стал литературным фактом: «Точный перевод невозможен, как невозможно идеальное государство» [5, 351]. Тирании подобен перевод, акцентирующий форму или содержание в ущерб смыслу, сохраняющий ритм или образность, с жесткостью исключительно доведения этого зеркала до совершенства, без того, чтобы дать смыслу дорасти до благородства. Тогда как демократический перевод учитывает, как «распределены избытки и недостатки между разными языками» [5, 350], другими словами, совсем по Менделееву, устанавливает те режимы экспорта и импорта, которые и приводят к появлению новых видов продукта и новых отраслей производства языкового опыта.

Соответствием такого демократического перевода становится, по Федотову, сохранение при новом социализме элементов частной собственности, благодаря которым становится видно, где и когда у человека проявляется интерес к творческому, хозяйственному труду. При этом допустить слишком сильные элементы — это погубить социализм, сделать тираническим обращение с собственностью и с окружающим миром, а допустить слишком мало элементов частной собственности — тоже поставить человека в зависимость от случайных обстоятельств. Совершенно так же Менделеев писал о вреде и низких пошлин, делающих российские товары неконкурентоспособными, и высоких пошлин, отлучающих человека от высшей цели труда, и тоже требовал той телеологии, благодаря которой и станет понятно, как благодаря правильной логистике извлечь прибыль там, где прежде прибыль извлекали только отдельные игроки.

Но даже самого демократического перевода недостаточно, чтобы соединить народы, нужна переводческая деятельность, которая движет мир от бедствий человеческих разделений к счастью «всечеловеческого единства» [5, 351]. Здесь Федотов вполне следует известному письму Кан Гранде, приписываемому Данте, где цель «Комедии» определяется как практическая и относящаяся ко всему человечеству, которому требуется перейти от нынешнего состояния несчастья к состоянию счастья.

Согласно Федотову, Данте предпочитает демократию тирании, потому что тирания не позволяет правильно познавать вещи, она не

может сделать интеллект общим достоянием, но всякий раз, преследуя только капризные частные интересы, препятствует выполнению интеллект своих задач. Но демократия как достояние сравнительно малых сообществ, где только и могут приниматься согласованные решения ради общего блага, может быть поддержана только всемирной монархией, которая устремлена к недостижимому идеалу мира. Как говорил Федотов о Данте как авторе «Монархии»: «Единство для него не является рассудочно заданной целью, но целью данной и прирожденной человеческому роду, который в свою очередь мыслится не оторванным, но связанным с единством мира и единством Бога» [2, 304]. Именно потому, что единство изъято из порядка определения целей и последующего их осуществления, оно и избирает себе всемирную монархию как тот механизм, который только и может осуществить мир между различными сообществами и группами.

Новый социализм Федотов тоже понял как универсальный ответ на кризис перепроизводства, поощряющий как тиранию, так и лень. Федотов критикует социальные программы своего времени, считая, что они приводят к разврату «даровой жизни» и предпочитает контроль общества, понимаемого как нравственное сообщество, над любой социальной помощью: «Социальная помощь должна носить преимущественно трудовой характер и там, где общество встретится с порочной или злой волей, ограничиваться минимумом» [4, 27]. Практически это значило, что общество — как община — испытывает нравственное негодование при виде лентяя, но исходя из идеала мирного труда, который предшествует любому злоупотреблению его продуктами и может принудить своего участника к какой-то полезной и подходящей работе. Оно как бы руководствуется волей незримого монарха, который только и способен передать этот идеал.

В докладе о Данте Федотов понимал существование аристократии как что-то само собой разумеющееся, как то, без чего невозможна культура, причем аристократия может создаваться и особым дантовским напряжением в борьбе за доблесть. Эту мысль он воспроизвел в статье «Трагедия интеллигенции», где рассмотрел университеты, с их напряженной борьбой за истину и привлечением все новых адептов к производству знания, как подобие «Рая» Данте, где «все влекомы и все влекут» [3, 155]. «Идеал культуры должен быть высок, труден, чтобы разбудить и напрячь все духовные силы» [3, 155].

Но в статье о социализме он говорит, что аристократия несколько раз была пересобрана, и было три таких ее пересобирания в истории западной цивилизации: «Если в феодальном и патриархальном обществе аристократия основывала свое право на землевладении (и военной доблести), в капиталистическом — на денежной собственности (и таланте), то в рабочем создается аристократия, основанная на труде (и творчестве)» [4, 29]. Эта трехчастная схема напоминает мир «Комедии» Данте, где личные доблести и злоупотребления обитателей Ада сменяются талантливым искуплением своих преступлений в Чистилище, чтобы открыть оправданность чистого услия и чистого богоуподобления в Раю.

При этом райское отношение к творчеству оказывается возможно только при христианском социализме, где «художественное творчество» понимается как «творческая работа», неотчуждаемое свойство человеческой природы, которое ценится благодаря богоуподоблению. Тогда как капиталистическая эксплуатация творчества рассматривает его «как капитал, приносящий проценты (вроде нефтяных месторождений)» [4, 29]. Федотов сравнивает творчество не с нефтью, а с нефтяным месторождением, имея в виду, что любое, даже самое однообразное творчество, уже произвело диверсифицированные продукты.

Эксплуатация — это как раз то положение с шаблонной добычей нефти и стандартным использованием логистики, которое могут себе позволить только сильные игроки, — что и критиковал Менделеев, предлагая свою схему, в которой вдруг все творчески отнесутся, например, к упаковыванию нефти. Как бы Федотов ни пытался применить к экономике политическую схему всемирной монархии Данте, в экономике есть свои законы нормы прибыли и инвестиций, и следовать предложениям Менделеева, не ссылаясь на них, и даже их не помня — это оказался единственный способ применить Данте не только к современной политике, но и к современной экономике.

Литература

1. *Менделеев Д.И.* Толковый тариф, или Исследование о развитии промышленности России в связи с ее общим таможенным тарифом 1891 года. СПб.: Нип. В. Демакова, 1892. 730 с.

2. Федотов Г.П. Об утопии Данте [1921] // Федотов Г.П. Собр. соч.: В 12 т. Т. 1: «Абеляр» и статьи 1911— 1925 гг. М.: Мартис, 1996. С. 301— 311.

3. Федотов Г. Трагедия интеллигенции // Версты. Париж. 1927. № 2. С. 145— 184.

4. Федотов Г. Что такое социализм // Новый град. 1932. № 3. С. 21— 33.

5. Федотов Г.П. Перевод как искусство // Собр. соч.: В 12 т. Т. 9: Статьи американского периода. М.: Мартис, 2004. С. 349— 351.

References

1. *Mendeleev D.I.* Tolkovyy tarif, ili Issledovanie o razvitiі promyshlennosti Rossii v svyazi s ee obshchim tamozhennym tarifom 1891 goda. SPb.: Nip. V. Demakova, 1892. 730 s.

2. *Fedotov G.P.* Ob utopii Dante [1921] // Fedotov G.P. Sobr. soch.: V 12 t. T. 1: «Abelyar» i stat'i 1911— 1925 gg. M.: Martis, 1996. S. 301— 311.

3. *Fedotov G.* Tragediya intelligencii // Versty. Parizh. 1927. № 2. S. 145— 184.

4. *Fedotov G.* CHto takoe socializm // Novyj grad. 1932. № 3. S. 21— 33.

5. *Fedotov G.P.* Perevod kak iskusstvo // Sobr. soch.: V 12 t. T. 9: Stat'i amerikanskogo perioda. M.: Martis, 2004. S. 349— 351.

И.В. АНОХОВ

«Значимый Другой» как причина, цель и средство в хозяйственной деятельности (на примере кооперативного движения)*

Аннотация. Целью статьи является исследование влияния «значимого Другого» на хозяйственную деятельность отдельного индивида. Рассматривается история кооперативного движения XIX в.,

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Анохов И.В. «Значимый Другой» как причина, цель и средство в хозяйственной деятельности (на примере кооперативного движения) // Философия хозяйства. 2021. № 2. С. 58—79.

которая, с одной стороны, детально исследована специалистами, а с другой — наглядно демонстрирует изменение индивидуальной хозяйственной деятельности при появлении более организованного комплекса. Методологической основой исследования является концепция всеобщей организационной науки А.А. Богданова, с позиций которой рассматриваются отношения индивидов и предлагаются соответствующие модели. Утверждается, что по мере созревания человека увеличивается горизонт его планирования и чувствительность к проявлениям «значимого Другого». В ходе развития человек обнаруживает, что «значимый Другой» доступен на четырех уровнях восприятия: «Полезное», «Приятное», «Благородное» и «Святое». Воспринимая «значимого Другого» на уровне «Полезное», человек способен главным образом потреблять; на уровне «Приятное» — реализовывать воспроизводственный процесс; на уровне «Благородное» — коллективно максимизировать долгосрочную полезность; на уровне «Святое» — воспроизводить и совершенствовать блага, накопленные цивилизацией. Каждый из уровней имеет свою степень организованности, длительности и коллективности. Любое взаимодействие двух и более субъектов может складываться на одном из этих уровней. Становление кооперативов и их широкое развитие требуют участия «значимого Другого», который способен замкнуть полюса «Приятное» и «Святое», обеспечивая внедрение цивилизационных благ в индивидуальную производственную деятельность. Высокий уровень организованности кооператива позволяет применять неявное, косвенное принуждение по отношению к индивидуальным производителям путем регулирования доступа к благам «значимого Другого».

Ключевые слова: «значимый Другой», «обобщенный Другой», кооператив, приятное, полезное, благородное, святое.

Abstract. The article's goal is to investigate the Significant Other's influence on an individual's economic activity. The article analyses the cooperative movement's history in the 19th century, which, on the one hand, is thoroughly studied by specialists, and on the other hand, clearly demonstrates individual economic activity's changes after a more organized complex appeared. The study's methodological basis is A.A. Bogdanov's concept of universal organizational science, which considers individual relations and proposes relevant models. It is argued that as a person matures, his or her planning horizon and sensitivity to Significant Other's

manifestations increases. In the course of development, an individual discovers that the Significant Other has four levels of perception: «Useful,» «Pleasant,» «Noble,» and «Sacred.» Perceiving the Significant Other at the «Useful» level, one can only consume; at the «Pleasant» level, he or she can reproduce; at the «Noble» level, he or she can collectively maximize long-term utility; at the «Sacred» level, he or she can reproduce and improve the goods accumulated by civilization. Each level has its degree of organization, duration, and collectivity. Any interaction between two or more individuals can take occur at one of these levels. Cooperation and its overall development require the Significant Other's involvement at the «Pleasant» and «Sacred» levels, ensuring civilizational goods' induction into individual productive activity. A high level of cooperation implicitly coerces individuals by regulating access to the Significant Other's goods.

Keywords: Significant Other, Generalized Other, cooperative, pleasant, useful, noble, sacred.

УДК: 334.73

ББК: 65в6

Введение

Человек как социальное существо принципиально ориентирован на межличностное взаимодействие. Он не может длительное время находиться вне человеческого общения без последствий для собственной психики, так как теряет ориентиры для суждения о собственной значимости и в конечном счете утрачивает смысл как своей деятельности, так и самого себя. Глубинная значимость другого человека и социального общения в целом отмечалась многими исследователями. Так, социолог Ч.Х. Кули [7] ввел понятие «зеркальное Я», которое формируется у ребенка под влиянием родителей, помогающих ему усвоить мнение о самом себе, т. е. сформировать свой собственный образ.

Дж.Г. Мид [15] полагал, что человек воспринимает других людей в образе «обобщенного Другого» («generalized other»), атрибутами которого являются нормы и социальные ожидания. Формирование «обобщенного Другого» предполагает личную активность индивида во взаимодействии с другими людьми, что позволяет закрепить нормы поведения.

Термин «значимый Другой» («significant other») широко применяется сегодня в психолого-социологических исследованиях и

впервые был предложен в работах психиатра Г. Салливана [19]. По его мнению, «значимым Другим» является человек, мнение которого ценно для индивида с точки зрения влияния на его поведение и развитие личности.

В.А. Петровский, исследуя личность «значимого Другого», выделял три формы его метаиндивидуальной репрезентации:

1) «его авторитет, который обнаруживается в признании окружающими за “значимым Другим” права принимать ответственные решения в существенных для них обстоятельствах» [10, 7];

2) «эмоциональный статус “значимого Другого”, его способность привлекать или отталкивать окружающих, быть социометрически избираемым или отвергаемым, вызвать симпатию или антипатию — т. е. аттракция» [10, 7];

3) «институционализованная роль, в которой доминируют властные полномочия: статус власти. Роль в жизни, как и в театре, не существует вне круга зрителей» [10, 7].

Сегодня понятие «значимый Другой» широко применяется в исследованиях по менеджменту [20], социологии [21], политологии [22] и в других науках.

На наш взгляд, влияние «значимого Другого» велико и в экономической сфере, что проявляется:

в стремлении компенсировать недостаток информации и ограниченную рациональность мнением экспертов и прогнозами авторитетов;

- в иногда преувеличенном внимании к макроэкономическим сигналам: биржевым новостям, динамике валютных курсов, индексам предпринимательской уверенности, планам правительства и т. п.

- в обостренной реакции части субъектов экономики на действия крупных игроков рынка и на их высказывания в прессе;

- в чувствительности публики к разнообразным слухам и искусственным опасениям;

- в культе отца-основателя предприятия, отрасли, государства;

- в ощущении сакральности власти (будь то власть государства или внутрипроизводственная власть);

- в восприятии неотмирности крупномасштабных экономических процессов: гигантских строек, многолюдных проектов и преобразования хозяйственного ландшафта.

Такого рода процессы и события иногда складываются в сознании экономических субъектов в обобщенный, неперсонифицированный и антропоморфный образ «значимого Другого», воспринимаемого как единое целое.

В этой связи целью статьи является исследование влияния «значимого Другого» на поведение индивида в ходе хозяйственной деятельности. С точки зрения концепции всеобщей организационной науки А.А. Богданова в хозяйственной деятельности сталкиваются отдельные индивиды и сообщества индивидов, которые можно назвать организованными комплексами, определяемыми им как «целое, которое больше суммы своих частей» [3, 111].

Основную гипотезу статьи можно сформулировать следующим образом: присутствие «значимого Другого» способно повысить уровень сложности организованного комплекса, а также повлиять на его горизонт планирования и численность вовлеченных людей. Это может проявляться двояким образом.

Первый случай: «значимый Другой» обладает более высоким уровнем организованности (по А.А. Богданову) и благодаря этому ресурсу повышает уровень сложности данного организованного комплекса. Иллюстрацией здесь может являться появление экономических субъектов, впервые разработавших и применивших монетное обращение или систему разделения труда, что кардинально повысило уровень связанности и сложности всего общества того времени. В силу известного тезиса о том, что управляемая система не может быть более сложной, чем управляющий субъект, менее организованные социумы объективно попадали под управление более организованного субъекта (а не наоборот).

Второй случай: «значимый Другой» обладает меньшим уровнем организованности, но в силу своего количества увеличивает потоки информации, энергии или вещества в данном сообществе, способствуя ее усложнению. Примером может служить приток освобожденных крестьян в российские города XIX в., что вызвало стремительное увеличение численности его жителей и принципиальное усложнение системы городского управления. Однако возможен и обратный результат: деградация высокоорганизованного комплекса

(например, разрушение варварами высокоразвитой цивилизации) из-за падения его внутренней сложности, что подрывает его целостность и сокращает организационный разрыв с гораздо менее сложным окружением.

В рамках данной статьи под «значимым Другим» («значимым Иным») понимается организованный комплекс, который является причиной изменения сложности, горизонта планирования и состава другого организованного комплекса.

Взаимодействие со «значимым Иным»

По мнению К.Г. Юнга, у человека с момента рождения происходит «посвящение личности во внешнюю действительность» [14], в которой он учится различать сначала свою мать, затем других людей, а потом и все более частные субъекты и объекты.

Следуя этому тезису, можно сказать, что младенец воспринимает мир как единое целое, которое он может осязать и которое откликается в ответ на сигналы и одновременно само является источником сигналов. Такая индивидуально воспринимаемая внешняя действительность и предстает исходно «значимым Иным».

По мере развития человека число воспринимаемых источников сигналов и способность к их восприятию увеличиваются. В ходе этого «значимый Иной» обрывает подробностями и деталями, приобретая целый ряд новых качеств, которые можно сгруппировать по известным группам: «Приятное», «Полезное», «Благородное», «Святое». Каждый получаемый из внешней среды сигнал человек соотносит со своим «Я» и причисляет к одной из этих групп, присваивая соответствующую эмоциональную окраску и логический символ (рис. 1).

На рис. 1 представлены этапы различения человеком «значимого Иного» с течением времени, накоплением опыта и увеличением чувствительности: в младенчестве он способен воспринимать только «Приятное»; по мере взросления ему открывается ипостась практически «Полезного»; в зрелости он понимает значение «Благородного» и его отличие от «Святого». Другими словами, в каждый момент своей жизни одна из категорий является для него доминирующей — он ощущает и понимает мир с точки зрения этой ипостаси и,

опираясь на нее, принимает те или иные решения. Современный человек, как правило, сфокусирован на «Полезном», максимизации которого он и желает добиться прежде всего.

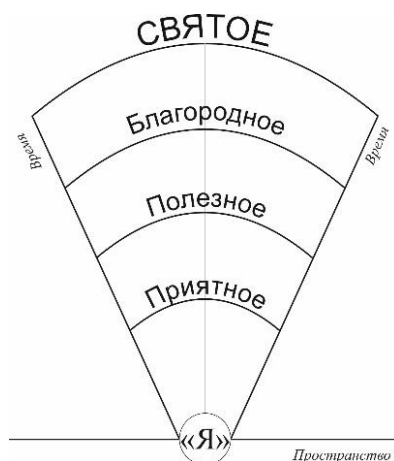

Рис. 1. Лики «значимого Иного» и расширение чувствительности человека с течением времени: данные автора

Каждое получаемое из внешней среды (т. е. от «значимого Иного») благо может быть отнесено к нескольким ипостасям или ко всем сразу (в зависимости от способности человека к различению). Так, для ребенка молоко и тепло матери являются одновременно и приятным, и полезным, и благородным, и святым.

Накапливающийся опыт соприкосновений со «значимым Иным» порождает у человека ожидания и стереотипы поведения, формализующиеся в виде ритуалов, а также онтологии. В известных ритуальных обращениях (относительно прямолинейных типа «я жертвую тебе — ты дай мне» или более сущностных: «я делаю правильное — и ты дай мне должное») «значимый Иной» оказывается проекцией внутреннего «Я» человека, накладываемой им на окружающий мир и поэтому воспринимаемой как тождественной этому «Я». Однако и сам этот внутренний «Я» является результатом длительного воздействия «значимого Иного». В силу этого образ «значимого

ного» меняется по мере зрелости человека и служит своего рода камертоном, регулирующим и гармонизирующим внутреннее «Я» с внешним миром¹.

По этой причине чувствительность человека к сигналам внешнего мира также меняется: он реагирует главным образом на те сигналы, которые резонируют с его сегодняшним «Я». Сообразно своей чувствительности каждый человек способен различать сигналы только определенного калибра, которому соответствует вполне определенный тип «значимого Иного».

Таким образом, человек онтологически дуален, неопределен, относителен, антропоцентричен и целостно ориентирован на «значимого Иного», с которым он ведет никогда не прекращающийся диалог и которого он воспринимает антропоморфно (в том числе наделяя даже природные объекты человекоподобными качествами²). Как следствие, человек ищет во внешней действительности сигналы «значимого Иного», делегатами или представителями которого выступают другие люди, а в случае их отсутствия — символические или материальные объекты, которые наделяются человеческими чертами и от которых ожидаются те или иные обратные связи: «И неодушевленные объекты не в меньшей степени, чем человеческие существа, обладают возможностью образовывать части обобщенного и организованного — полностью социализированного — другого» [1, 226]. По мнению Дж.Г. Мида, в результате этого процесса и возникает понятие «обобщенный другой».

Если человек не способен разглядеть и почувствовать «значимого Иного», то он ощущает себя в темноте и пустоте, теряя точку онтологической опоры: «Я — это интернализация, генерализация других» [15, 196]. Это и заставляет его домысливать или воображать «значимого Иного», максимально расширяя рамки восприятия.

¹ Об этом свидетельствует, например, врожденное человеческое чувство совести и стыда.

² Блестяще это выразил С. Есенин:

«Черемуха душистая
С весною расцвела
И ветки золотистые,
Что кудри, завила».

В силу этого свойства человек для человека является причиной, целью и средством всякой деятельности, так как все, что он делает, он делает для регуляции отношений со «значимым Иным», ищет смысл в этих отношениях и вне этих отношений никаких ценностей не видит.

Чувствительность, сигналы и информация

Любое взаимодействие человека с действительностью начинается с восприятия *сигналов*, поступающих из внешней среды и оповещающих его о присутствии «значимого Иного».

Чувствительность человека ограничена, и поэтому он способен выделить только часть сигналов из внешней среды, воспринимая остальные неразличимые сигналы как внешний шум. Различные среди сопутствующего шума отдельные сигналы могут быть *расшифрованы*, т. е. вписаны в известные индивиду причинно-следственные связи и использованы как основа для принятия решений. В результате расшифровки сигнал превращается в информацию. В этой связи здесь под *информацией* понимается распознанный во внешней действительности сигнал, уменьшающий для человека неопределенность, позволяющий установить причинно-следственные связи и способствующий его адаптации к внешней среде.

Рис. 2. Восприятие «значимого Иного» человеком, действующим на уровне «Полезное»: данные автора

Если сигналы «Иного» восприняты, расшифрованы и превращены в информацию, то возникает *возможность реагировать* на них. Эта возможность реагирования превращает человека из объекта в *субъекта*, что является важнейшим свидетельством онтологического

существования человека: *если я воздействую на других, значит я существую и живу.*

Реагирование может иметь информационный, энергетический или вещественный характер. Чем более развит человек, тем на более высоком уровне происходит этот обмен. Рассмотрим, как человек, осознающий мир на уровне «Полезное», реагирует на все ипостаси «Иного» (рис. 2).

1. «Приятное». Это самый ранний, младенческий способ восприятия «значимого Иного» человеком и происходит первоначально путем пассивного физиологического потребления. На более высокой стадии потребление становится все более символическим и при этом из пассивного превращается в активное, приобретая характер двустороннего диалога: человек теперь не только воспринимает сигналы, но и реагирует, согласно своему кредо, «я действую на других, значит я существую и живу». Поэтому на первом месте для него стоят те «значимые Другие», которые являются объектами его воздействия и одновременно источниками важных сигналов и ресурсов (подчиненные, зрители, поклонники, ученики, последователи и т. п.). Именно они образуют самый ближний информационный контур, поддерживающий внутреннее «Я» человека. Отношения выстраиваются по типу: «человек как система и “значимые Другие” как подсистема, обеспечивающая существование человека».

2. «Полезное». Этот уровень восприятия «значимого Иного» является для современного человека коренным: на этом уровне он действует и стремится выстраивать с другими лицами горизонтальные, взаимовыгодные отношения краткосрочного и среднесрочного характера. Отношения выстраиваются по типу: «система — система».

3. «Благородное». В отличие от предыдущих уровней взаимодействия, человек нацелен не на непосредственное потребление и использование, а на инвестирование в групповые отношения. Он понимает зависимость своего личного благополучия от взаимоотношений с членами своей малой группы («значимым Иным») и способен жертвовать сиюминутными выгодами ради максимизации долгосрочной полезности. Этот уровень образуют лица, которые функционально значимы, например, старшие члены семьи, клана, руководители, стратегические партнеры и т. п. Отношения выстраиваются по типу: «человек как система и “значимые Другие” как надсистема».

4. «Святое». Этот информационный контур образуют лица, с которыми у человека нет прямых воспроизводственных отношений, но созидательная деятельность которых сделала возможным какие бы то ни было социальные процессы в принципе: первооткрыватели, мыслители, философы, изобретатели, искатели и изыскатели. Отношения выстраиваются по типу: «человек как система и “значимые Другие” как сверхсистема».

Каждый из элементов на рис. 2 жизненно необходим человеку для существования в социуме и является источником соответствующих благ.

1. «Святое» — блага, созданные человеческой цивилизацией: язык, письменность, культура; семиотика, теология, онтология; способность к эмпатии и совместной деятельности; технологии, научные знания и др.

2. «Благородное» — блага, предоставляемые макроэкономикой: предметно-технологическое множество; ресурсы, предоставленные малой группой; глобальные транспортные, финансовые и коммуникационные средства; «окна» в глобальной и региональной системе разделения труда и др.

3. «Полезное» — блага, предоставляемые локальной системой разделения труда: локально-доступное предметно-технологическое множество; ресурсы, предоставленные в обмен на другие ресурсы; локально-доступные транспортные, финансовые и коммуникационные средства; «окна» в локальной системе разделения труда и др.

4. «Приятное» — блага, непосредственно потребляемые индивидом и получаемые от подсистем: материально-производственной, трудовой, энергетической и информационной.

С этой точки зрения взаимодействие со «значимым Иным» сопровождается получением перечисленных благ, что закрепляется у человека как положительная мотивация. Отрицательными же мотивациями оказываются уменьшение объема этих благ, ограничение доступа к ним. Какой из этих исходов будет иметь место — это зависит от характера обратных связей от человека к соответствующей категории благ:

- «Святое»: поддержание в актуальном состоянии благ цивилизации, их применение в повседневной практике и совершенствование в изменяющихся внешних условиях;

- «Благородное»: участие в системе глобального и регионального разделения труда; отказ от немедленной выгоды и оппортунистических отношений для максимизации будущей полезности; системная филантропия;

- «Полезное»: участие в системе локального разделения труда и обеспечение подсистем энергией, веществом и информацией для поддержания их жизнедеятельности; выстраивание долгосрочных взаимовыгодных отношений по принципу «выигрыш — выигрыш»;

- «Приятное»: усложнение подсистем, их специализация и развитие «решетки» горизонтальных связей.

Исходя из этого, по мере повышения осознанности человека и чувствительности к «значимому Иному» происходит переход от «Приятного» к «Святому», в ходе которого человек обнаруживает, что чем выше уровень восприятия «Иного»:

- тем выше уровень организованности и тем больше людей участвуют в совместной деятельности;

- тем выше эффект положительной обратной связи: альтруизм по отношению к «значимому Иному» умножает альтруизм «Иного» к человеку;

- тем длительнее проявляются выгоды от объединения труда;

- тем выше уровень риска и тем выше размер возможного выигрыша от совместной деятельности множества людей.

При этом каждый из уровней является в некоторой степени взаимоисключающим по отношению к другим. Так, например, предпочтение человеком благ из категории «Приятное» (т. е. максимизация немедленного потребления) ведет к аналогичной по объему минимизации объема благ, получаемых из категории «Полезное». В свою очередь предпочтение блага из категории «Полезное» уменьшает объем благ из категории «Благородное».

Рассмотрим данные тезисы на практическом примере — на истории развития кооперативного движения, которое интересно тем, что показывает способ сочетания интересов отдельных независимых производителей. Этот вопрос достаточно глубоко исследован специалистами и позволяет делать некоторые выводы.

«Значимый Иной» на примере кооперативного движения

Появление кооперативов в российской глубинке происходило главным образом под влиянием извне. Несмотря на длительный опыт

объединенного труда (совместные отхожие промыслы, разного рода артели и производственные товарищества), в дореволюционной крестьянской среде (как, впрочем, и в современном российском селе) уровень горизонтальной организованности оставался крайне низким. Инициативно-массового образования кооперативов не происходило. Типичным было нежелание крестьян брать на себя какую-либо ответственность за общее дело: «нелегко было убедить крестьян связать себя круговой порукою, без которой между тем невозможно было добыть необходимые для операции капиталы» [13, 184]. Даже начавшие деятельность кооперативы часто оказывались неустойчивыми: «Повсеместно наблюдались равнодушие членов к своему обществу, бесконтрольность в расходовании средств, неосторожность в расширении дел, плохая постановка бухгалтерского учета и т. д. ... В критические же минуты члены не только не поддерживали своих обществ, но, напротив, замечался массовый отлив паев» [2, 104].

По мнению А.А. Богданова, у совместно действующих людей (в том числе у членов будущего кооператива) должна быть общая цель, а не одна и та же цель: «два человека могут иметь вполне “одинаковые цели”, но именно потому находиться во взаимной борьбе» [3, 150] (как, например, два конкурента). Члены же крестьянской общины имели совершенно одинаковую хозяйственную цель и предпочитали ее достигать, рутинно выполняя одну и ту же деятельность одним и тем же способом, с помощью одного и того же ресурса, и поэтому объективно оставались в конкурентных отношениях, затруднявших переход от взаимоисключающих к взаимодополняющим отношениям.

Ситуация могла разительно поменяться только после появления «*значимого Иного*», в качестве которого выступали подвижники-одиночки, губернские собрания, земства и даже церковные власти: кооперативы «приурочивались к приходам или сельским общинам, где люди связаны были между собою общностью церковных или местных административных интересов» [13, 206]. Такие внешние силы представляли в виде «центра коллективной мысли, организующей в крестьянском хозяйстве средства его производства как путем организации совместной закупки, так и другими путями воздействия на крестьянское хозяйство» [12, 379].

Для крестьянина появление «значимого Другого» в лице кооператива в краткосрочном периоде означает, что он должен выстраивать с ним один из указанных выше видов отношений (рис. 2). Для выяснения вопроса о том, какой тип отношений будет выбран, необходимо сравнить уровень организованности отдельного крестьянина и кооператива.

Рутинная крестьянская деятельность сама по себе не требует выхода за пределы «Полезного», соответствующим образом ограничивая уровень организованности этого типа хозяйства. Кооператив же изначально предполагает крупное товарное хозяйство, действующее на региональном или даже глобальном рынке, и имеет кардинально более высокий уровень сложности. Следствием более высокой организованности является более высокий уровень доступных благ (рис. 3).

Рис. 3. Блага и уровни восприятия «значимого Иного»: данные автора

Единоличное хозяйство крестьянина и кооперативное хозяйство являются очевидными альтернативами: они выполняют одну и ту же хозяйственно-сбытовую деятельность и поэтому объективно находятся в конкурентных отношениях. Другими словами, отношения кооператива и крестьянина *в краткосрочном периоде* антагонистичны и взаимоисключающи. Естественным желанием крестьян является использование кооператива лишь как собственную сбытовую подсистему. Но одновременно само существование кооператива

(если иметь в виду кооператив по сбыту) ставит вопрос о выживании единоличного крестьянина как менее организованного комплекса.

В результате этого потоки благ от «значимого Иного» (рис. 3) (под которым можно понимать рынки сбыта, поставщиков сельхозтехники, квалифицированных подрядчиков, транспортные компании, банки и т. п.) переориентируются от разрозненной крестьянской среды к кооперативу, способному предъявить значимый и долгосрочный спрос на товары, работы и услуги. Тем самым проявляется *косвенное принуждение* «значимого Иного»: появление высокоорганизованного комплекса способно создавать для менее организованных комплексов отрицательные обратные связи со стороны внешней среды, принуждающие данного субъекта к определенному поведению — повышению уровня организованности хозяйства. Это облегчает и появление инструментов формального или неформального принуждения со стороны кооператива: дифференцированные ставки процента по кредиту, отличие в оценке качества принимаемых на реализацию продуктов, разная степень доступа к семенному фонду и орудиям труда и др.

Необходимыми условиями для повышения организованности крестьянской среды с помощью кооператива являлись:

1) организация кооператива при «обязательной предпосылке относительной слабости местного капитала» [12, 253];

2) наличие рядом емкого рынка сбыта, куда будет реализовываться многократно возросший готовый продукт: «кооперирование сбыта какого-либо продукта тем легче, чем более емким является его рынок» [12, 357];

3) содействие внешнего высокоорганизованного субъекта: кооперативное движение наиболее активно развивалось «путем ведения кооперативного сбыта не через специальные кооперативы, а через общую сельскохозяйственную кредитную кооперацию путем построения ее сверху, а не снизу» [12, 556];

4) отсутствие вмешательства политических сил в момент становления кооператива, который изначально заявлял о себе как об автономной экономической, а затем неизбежно и политической силе. Именно по этой причине «потенциальных возможностей развития кооперации при советской власти никогда не было. Власть изна-

чально выражала ей недоверие» [5, 143]. Этот тезис может относиться не только к советской, но и к любой другой власти в любой исторический период.

В результате этого процесса у менее организованного крестьянского комплекса ослабевали связи между «Благородным» и «Полезным» с соответствующим падением объема доступных благ, что заставляло искать новые пути их компенсации.

Исходя из этого, способность применять *потенциал принуждения* (например, лишать рынка сбыта готового продукта) является признаком более организованного комплекса. Потенциал организованности и принуждения в крестьянской общине также имелся, но он в целом являлся ограниченным и связанным с серьезными транзакционными издержками, так как необходима деятельная поддержка ее членов. Это, по-видимому, была одна из значимых причин, которая не позволяла сделать массовым объединение труда общины с помощью только ее внутренних сил.

Повышение организованности и выход на уровень «Благородное» требуют готовности действовать неоппортунистически, сокращая сегодняшнюю полезность ради роста будущей полезности и развивая способность к прогнозированию. Так, А.В. Чаянов приводит следующую последовательность действий, необходимых для успешной организации работы наиболее сложной, по его мнению, формы кооперации — кооперации по сбыту [12, 382—383]: 1) создание предприятия за счет крестьянского паевого капитала, достаточного для организации кооперативного аппарата по сбыту; 2) прием от крестьян на комиссионную продажу результатов их труда, формирование из них торговых партий; 3) кредитование крестьян под залог этих торговых партий; 4) погашение кредита после реализации товара на рынке и распределение чистой прибыли между крестьянами — членами кооператива.

Однако, на наш взгляд, данная схема способна эффективно функционировать только при том условии, что ее инициатор проявит *потенциал принуждения* и тем самым подтвердит статус иерархически наиболее «значимого Иного», с которым будут считаться индивидуальные производители. Это означает, что члены кооператива, проявившие оппортунизм, гарантированно столкнутся с отрицательными обратными связями, и, как следствие, уровень их организован-

ности (т. е. способность действовать и присваивать) будет понижаться. Без потенциала принуждения наблюдался, как показал опыт XIX в., «преимущественно благотворительный характер первых организаций, что не могло быть источником их устойчивости и жизнеспособности» [4, 32]. В этом случае, «получив средства и растратив их, крестьяне спешили выйти из общества. Им на смену приходили новые члены, и ситуация повторялась» [2].

На наш взгляд, важнейшим источником организованности кооперативного способа хозяйствования является способность заполнить *разность* между новейшими достижениями цивилизации (т. е. полюсом «Святое») и низкоорганизованным единоличным хозяйством (т. е. полюсом «Приятное»). Эта разность между «Я» и «Иным» и является причиной всякой деятельности человека: «наш мир есть вообще *мир разностей*; только разности напряжений энергии проявляются в действии, только эти разности имеют практическое значение» [3, 117].

Под влиянием этой разности организованность кооперативов растет (при правильной постановке дела), а сложность менее организованного комплекса (индивидуального крестьянского хозяйства) снижается и объективно попадает под управление более организованного кооперативного комплекса: «там, где сталкиваются активности и сопротивления, практическая сумма, воплощенная в реальных результатах, зависит от способа сочетания тех и других; и для целого эта сумма увеличивается на той стороне, на которой соединение более стройно или “гармонично”, включает меньше “противоречий”. Это и означает более высокую организованность» [3, 117].

В конечном счете менее организованный комплекс превращается в подсистему (в том числе формально независимую и внешнюю), встроенную в более организованный кооперативный комплекс. Кооператив за счет прямого выхода на рынки и выпуска продукции более высокого передела способен сглаживать сезонную сельскохозяйственную активность. Как следствие, к его активности будет приспосабливаться и активность индивидуальных хозяйств (рис. 4).

На рис. 3 видно, что в момент времени t_1 активности кооператива и крестьянских хозяйств не совпадают. Однако, чем длительнее взаимодействие, тем более синхронизированы фазы активности взаимодействующих комплексов, что является результатом углубления

разделения труда между ними и повышения уровня организованности их совокупной синхронизированной деятельности. Поэтому после момента времени t их активности синхронизированы. При благоприятных обстоятельствах следует ожидать дальнейшего усложнения и проникновения в надсистему: «прогрессивное движение кооперации... достигает своего апогея в устройстве соединений между отдельными ассоциациями, в создании... коопераций второго и третьего порядка» [13, 217—218].

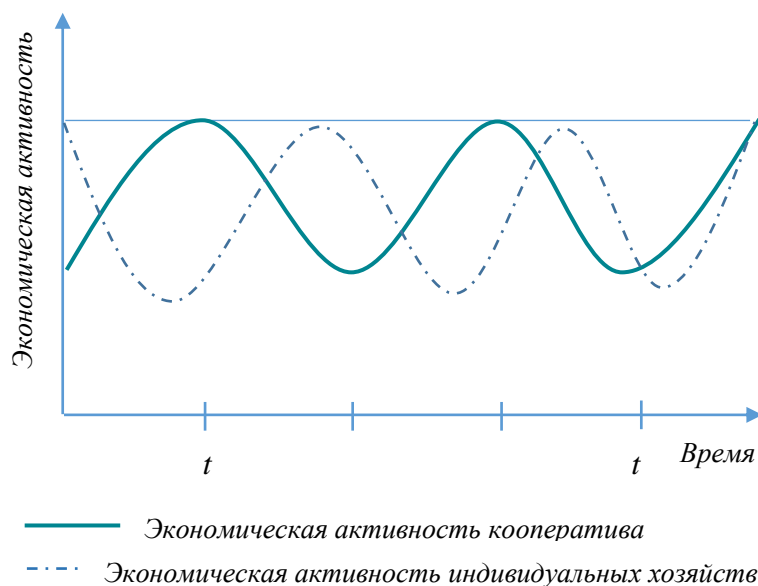

Рис. 4. Синхронизация фаз активностей двух взаимодействующих комплексов: данные автора

В конечном счете отношения кооператива и крестьянина начинают выстраиваться по принципу «система — подсистема». При этом кооператив берет на себя: обеспечение поставок орудий труда и сбыта готового продукта; поддержание работоспособности основных средств; взаимодействие с обществом, органами власти, конкурентами и другими экономическими агентами; прием товара; экспер-

тизу и оценку товара; залог товара и выдачу ссуд; сортировку; обработку и упаковку товара; формирование торговых партий; калькуляцию продажных цен; хранение товара; транспортировку, хранение и реализацию; расчет с крестьянами; ревизионную, инструкторскую и агрономическую работу.

Подводя итог, можно сказать, что крестьянин и кооператив представляют собой два способа выстраивания отношения со «значимым Иным», что и выразилось в разном уровне их организованности. С точки зрения тектологии их взаимоотношения строятся по принципу «активность — сопротивление», т. е. активность одного сталкивается с противоположно направленной активностью другого, воспринимаемой как сопротивление. Выиграла та сторона, которая опиралась на более значимого и более глобального «Иного», что и породило соответствующие практические результаты: долгосрочность, организованность и альтруизм.

В истории появления кооперативов мы видим основателей этого движения, которые:

- соединили «Святое» с «Полезным»;
- взялись за осуществления проекта, который мог принести значимые результаты только после истечения периода, иногда превышающего срок их жизни;
- кардинально повысили уровень организованности мелких хозяйств и удлинили горизонт их планирования;
- взяли на себя все риски проекта и усилия по его внедрению без гарантии на его успех;
- создали инструмент принуждения в виде отключения от созданных единым трудом благ.

Представляется, что эти шаги были бы невозможными, если бы создатели кооперативов не апеллировали к чему-то намного большему, чем их собственная индивидуальность, т. е. к самому «значимому Иному».

Заключение

В данной статье представлена целесообразность использования понятия «значимого Иного» в исследовании экономических институтов. Употребление инструментария всеобщей организационной

науки позволяет встроить это понятие в научную систему и в перспективе сделать его практически применимым и математически проверяемым.

Литература

1. Американская социологическая мысль / Р. Мертон, Дж. Мид, Т. Парсонс, А. Шюц. М.: Изд-во МГУ. 1996.
2. *Безгина О.А.* Кооперативное движение Поволжья в конце XIX — начале XX века: взаимодействие власти и общества. Дис. ... д-ра ист. наук. Самарский национальный исследовательский университет, 2018.
3. *Богданов А.А.* Тектология: (Всеобщая организационная наука): В 2-х кн.: Кн. 1. Ин-т экономики АН СССР. М.: Экономика, 1989. 304 с.
4. *Болотова Е.Ю.* «В единении — сила». Потребительская кооперация в России в конце XIX — начале XX в. Волгоград: Перемена, 2003.
5. *Кабанов В.В.* Крестьянская община и кооперация России XX века. М.: ИРИ, 1997.
6. *Кильчевский В.* К пятидесятилетию кооперации в России // Вестник сельского хозяйства. 1915. № 44. С. 5—7.
7. *Кули Ч.* Социальная самость. М.: Изд-во МГУ. 1994.
8. *Лукичев П.М.* Русский экономист А.С. Посников (творческий портрет). СПб.: Издательство СПГАУ, 1996.
9. *Маслов С.Л.* Экономические основы сельскохозяйственной кооперации. М., 1928 (авторское издание).
10. *Петровский А.В.* Трехфакторная модель значимого другого // Вопросы психологии. 1991. № 1. С. 7—18.
11. *Посников А.С.* Пятидесятилетие наших кооперативных учреждений // Вестник Европы. 1915. Кн. 12.
12. *Чаянов А.В.* Избранные труды. М.: Колос, 1992.
13. *Чуров А.И.* Роль личности и общества в кооперативном движении. Т. II. М.: Изд. Сабашниковых, 1909.
14. *Юнг К.Г.* Архетип и символ. М.: Renaissance, 1991.
15. *Mead G.H.* Mind, Self and Society. Chicago, 1963.
16. *Mead G.H.* Genesis of Self and Social Control // International Journal of Ethics. 1925. Vol. 35.
17. *Mead G.H.* The Social Self // Journal of Philosophy, Psychology and Scientific Method. 1913. Vol. 10. No. 18.

18. *Haller A., Woelfel J.* Significant others and their expectations: Concepts and instruments to measure interpersonal influence on status aspirations // *Rural Sociology*. 1972. No. 37 (4). P. 591—622.

19. *Sullivan H.S.* Conceptions of Modern Psychiatry. Wash. D.C.: William A. White Psychiatric Foundation, 1947. P. 4—5.

20. *Abboud L., As'ad N., Bilstein N.* From third party to significant other for service encounters: a systematic review on third-party roles and their implications // *Journal of Service Management*. 2020: [Электронный ресурс]. URL: <https://www.emerald.com/insight/content/doi/10.1108/JOSM-04-2020-0099/full/html>.

21. *Vignoli E., Nils F., Parmentier M., Mallet P., Rime B.* The emotions aroused by a vocational transition in adolescents: why, when and how are they socially shared with significant others? // *International Journal for Educational and Vocational Guidance*. 2020. Vol. 20. No. 3. P. 567—589.

22. *Galpin C.* Perceptions of German Leadership Irish National Identity and Germany as a «Significant Other» during the Euro Crisis // *German politics and society*. 2020. Vol. 38. No. 3. P. 7—24.

References

1. *Amerikanskaya sociologicheskaya mysl' / R. Merton, Dzh. Mid, T. Parsons, A. SHyuc.* M.: Izd-vo MGU. 1996.

2. *Bezgina O.A.* Kooperativnoe dvizhenie Povolzh'ya v konce HHH — nachale HKH veka: vzaimodejstvie vlasti i obshchestva. Dis. ... d-ra ist. nauk. Samarskij nacional'nyj issledovatel'skij universitet, 2018.

3. *Bogdanov A.A.* Tektologiya: (Vseobshchaya organizacionnaya nauka): V 2-h kn.: Kn. 1. In-t ekonomiki AN SSSR. M.: Ekonomika, 1989. 304 s.

4. *Bolotova E.YU.* «V edinenii — sila». Potrebitel'skaya kooperaciya v Rossii v konce HHH — nachale HKH v. Volgograd: Peremena, 2003.

5. *Kabanov V.V.* Krest'yanskaya obshchina i kooperaciya Rossii HKH veka. M.: IRI, 1997.

6. *Kil'chevskij V.* K pyatidesyatiletiju kooperacii v Rossii // *Vestnik sel'skogo hozyajstva*. 1915. № 44. S. 5—7.

7. *Kuli CH.* Social'naya samost'. M.: Izd-vo MGU. 1994.

8. *Lukichev P.M.* Russkij ekonomist A.S. Posnikov (tvorcheskij portret). SPb.: Izdatel'stvo SPGAU, 1996.

9. *Maslov S.L.* Ekonomicheskie osnovy sel'skohozyajstvennoj kooperacii. M., 1928 (avtorskoe izdanie).
10. *Petrovskij A.V.* Trekhfaktornaya model' znachimogo drugogo // *Voprosy psihologii*. 1991. № 1. S. 7—18.
11. *Posnikov A.S.* Pyatidesyatiletie nashih kooperativnyh uchrezhdenij // *Vestnik Evropy*. 1915. Kn. 12.
12. *CHayanov A.V.* Izbrannye trudy. M.: Kolos, 1992.
13. *CHuprov A.I.* Rol' lichnosti i obshchestva v kooperativnom dvizhenii. T. II. M.: Izd. Sabashnikovyh, 1909.
14. *YUng K.G.* Arhetip i simvol. M.: Renaissance, 1991.

В.В. ЧЕКМАРЕВ, ВЛ.В. ЧЕКМАРЕВ

Священный эгоизм (о социально-экономической безопасности человека и социума)*

Аннотация. Безопасность жизнедеятельности чаще всего интерпретируется через понятия «национальная безопасность», «государственная безопасность», а вот человек и социум как-то внесубъектны. Именно поэтому целью статьи является привлечение внимания к проблемам обеспечения их социально-экономической безопасности. Методологическим основанием анализа является философия хозяйства. Отличие взглядов авторов статьи от имеющихся в литературе заключается в рассмотрении человека и как субъекта, и как объекта информационных отношений в контексте «социум — из человека, человек — из социума». Новизной являются оценка экономического материализма процессов цифровизации как суконно-материалистических воззрений и очерчивание концептуальных рамок экономического «цифры» в экономических взаимодействиях.

Ключевые слова: человек, социум, социально-экономическая безопасность, цифровизация, информационная безопасность.

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Чекмарев В.В., Чекмарев Вл.В. Священный эгоизм (о социально-экономической безопасности человека и социума) // *Философия хозяйства*. 2021. № 2. С. 79—96.

Abstract. Life safety is most often interpreted through the concepts of «national security», «state security». But man and society are somehow extra-subjective. That is why the purpose of the article is to draw attention to the problems of ensuring their socio-economic security. The methodological basis of the analysis is the philosophy of economy. The difference between the views of the authors from the literature is the consideration of human as subject and as object of information relations in the context of «the society of man, man of society». The novelty is the assessment of the economic materialism of digitalization processes as cloth-materialistic views and the delineation of the conceptual framework of the economism of «numbers» in economic interactions.

Keywords: person, society, socio-economic security, digitalization, information security.

УДК 33.012.2
ББК 65.01

Когда в зажим возьмут планету
Фейсбуки, твиттеры, ютубы,
Мы будем все по интернету
И водку пить, и чистить зубы.

Е. Заяткин

Бурные события последнего времени в своей основе базируются на изменении технологического обустройства социума. Во многом оно связано с использованием информации не просто как фактора общественного производства, но и как ресурса, и как продукта этого производства.

Возможности информатизации, компьютеризации и цифровизации в контексте «человек — социум» мало соотносят с этикой поведения властей предрежащих. Это не только наша оценка. Так, например, В. Катасонов указывает на тренд «размывания национальных суверенитетов, ослабление и отмену “эгоизма государства” с целью создания мирового правительства и цифровизации вплоть до установления глобального “концентрационного лагеря”, в рамках которого 99% человечества будут низведены до статуса рабов, не имеющих ни прав, ни свобод» [18, 324].

Академик С.Ю. Глазьев рассуждает о технологических укладах как о базисе хозяйствования [11]. Однако его доказательства не институционализируются.

О.Н. Четверикова в ряде публикаций постулирует идеи о том, что без духовного суверенитета государственный суверенитет невозможен, что цифровизация ведет к превращению людей в «биообъекты третьего сорта» [53; 54; 55]. Можно достаточно долго перечислять публикации авторов, в работах которых представлено бичевание отбившихся от вселенских рук цифросектантов (см., напр.: [3; 25]), но только Ю.М. Осипов выявляет в своих работах глубинные сущностные угрозы каждому отдельному человеку и социуму в целом (см.: [29—32]).

Сегодня малоупотребим термин «священный эгоизм», популярный среди политиков с середины XIX в. до середины XX в. Но этот термин следует реанимировать уже не по поводу оценки принципов политики того или иного государства, а в связи с формированием так называемых «цифровых платформ». Мы предлагаем его использование в контексте формирования принципов обеспечения информационной безопасности как части экономической и, шире, социально-экономической безопасности человека и социума.

Священный эгоизм наполняет новым содержанием понятие *homo economicus*. Пандемия коронавируса ускорила тектонические социальные процессы и цифровая среда обитания задает некоторые параметры и причины экономических взаимодействий, а также тренд превращения этих параметров в основные. Цифровая экономика определяет физические рамки и предоставляет средства и носители для постковидных взаимодействий, структуру и характер побудительных мотивов человека. Кроме того, вновь возникающие экономические потребности и интересы, способы обеспечения своей экономической безопасности определяют, какие топологии взаимодействий реально необходимы, а все функции *государства* трансформируются в одну основную — *обеспечить народу будущее* (при декларативности сонма партий, которая становится очевидной всем от мала до велика). Базовым теоретическим основанием, фундаментом технологии отправления этой функции государства, должны стать научно обоснованные с учетом принципа священного эгоизма и эффективно работающие механизмы обеспечения социально-экономической безопасности человека и социума.

Понимание информационной безопасности эволюционирует [58; 59]. Новое содержание этого понятия в работах ученых не однозначно (см., напр.: [12; 13; 17]), но, очевидно, что сегодня это уже не процесс защиты от ненужной, ложной, «фейковой» информации. Мало защитить от нагруженности информацией субъектов образовательного процесса, мало уметь «фильтровать» информацию для субъектов, занимающихся научной деятельностью, — в этих случаях принцип «священного эгоизма» в полной мере еще не востребован. Проводимая работа по созданию индикаторов цифровой экономики [17], определению направлений ее развития [27], формированию единой терминологической базы [58] весьма важна. Но появились направления использования информации как продукта, который калечит психику человека. И это не просто проблема всевидящего государственного ока. Это не только вопрос контроля технологического развития со стороны общественных организаций, о чем мы уже подробно писали [35; 50], «цифровых профсоюзов» или комиссий по этике в IT-компаниях. Это необходимость внедрения принципа «священный эгоизм» в организации защиты человека и социума от информационных угроз.

Имеющийся в литературе анализ публикаций по проблеме информационной защищенности человека [28] позволяет сделать выводы о том, что в некоторых публикациях пишется об изменении характера отношений между трудом и капиталом [1; 4; 14; 15; 24]. Переведенные на русский язык работы западных специалистов [9; 39; 40; 41; 47; 48; 56; 60; 61] также обходят стороной мотивацию развития цифровой экономики в контексте уничтожения человечества, в контексте «SOS» Ю.М. Осипова.

Сегодня шаткость, непредсказуемость не только будущего, но и настоящего делают необходимым в координатах информационной безопасности рассматривать личность и как субъект, и как объект информационных отношений (процессов). И в этом смысле информационная безопасность личности характеризует ее экономическую безопасность, которая становится, в нашем понимании, элементом социально-экономической безопасности общества.

Данные о личности как объекте информационных процессов становятся активом, который можно покупать и продавать [8; 22]. Закон о персональных данных в его нынешней редакции малопродуктивен и ассоциируется с заботой о деревьях, цветочках, птичках и

т. п. Добавим, что 17 марта 2020 г. Госдума признала необходимость внесения изменений в статью Федерального закона «О персональных данных», в которой говорится, в каких случаях можно изымать персональные данные без разрешения граждан. Но подобный разговор об информационной безопасности личности более подходит для миллениалов [5]. С позиции же философии хозяйства при рассмотрении человека в качестве объекта информационной безопасности напомним ситуацию в Китае: там с 1 января 2021 г. вступил в силу гражданский кодекс, который узаконил «систему социального кредита». Искусственный интеллект сортирует людей по их качествам и предписывает им место в обществе. Технологически суть кодекса реализована через поголовную цифровизацию населения и присвоение каждому социального балла. Человек обязан носить с собой или пластиковые карточки со встроенными чипами, или телефоны. Системы распознавания по лицам и по походкам вмонтированы в видеодомофоны, а их в Китае более 600 млн, за считанные секунды идентифицируют любого человека, и информация попадает в банк данных. После ее обработки человеку добавляются (или снимаются) баллы, количество баллов является основанием принятия тех или иных решений, влияющих на судьбу человека. Так человек в Китае становится цифрой. Ситуация в России несколько иная (подробности можно узнать в [6; 27]).

Добавим, что академик Д.С. Львов еще в 2001 г. утверждал, что «технологический путь развития цивилизации абсолютно неправилен. Это код самоликвидации. Он ведет к эколого-экономической и социальной катастрофе» [23]. Мы постулируем положение, согласно которому должность (функция) определяет *генетику поведения* (вспомним об испытании властью), но и *генетику личности*. Этот постулат базируется на учении Вернадского о биосфере и ноосфере, согласно которому ноосфера возникает как естественный и неизбежный этап эволюции биосферы, обусловленный неуклонным совершенствованием в процессе эволюции головного мозга. Именно духовное начало (по Вернадскому) становится регулятором мира материи и энергии [16; 51].

В рамках ноосферного подхода (как теоретического основания [7; 8; 10]) формирования ноономики делается значимым определение экономических отношений в их энерго-информационной сущности.

Дело в том, что вопросы сознательного начала в экономической жизни мало исследовались и описывались в нашей научной литературе. Причин такого положения много, но три из них можно считать основными. Во-первых, в «Капитале» К. Маркса акцентируется фетишизация производственных (экономических) отношений в частнособственническом хозяйстве, когда они выступают как овеществленные отношения между людьми, а человек функционирует не как *личность с индивидуальными свойствами*, а в качестве типизированного носителя экономической функции: капиталист — персонифицированный капитал, работник — носитель рабочей силы как товара. Распространение такого подхода на исследование различных экономических эпох неизбежно ослабляет внимание к человеку как к сознательному адепту социально-экономического прогресса в обычные, нереволюционные периоды. И даже резкое изменение роли личного и общественного сознания в современную технологическую эпоху с ее объективными требованиями к саморегуляции индивида в общественном производстве, к его инициативности и творческому потенциалу не поколебали в существе восприятия экономических отношений как глобально фетишизированных. Во-вторых, в разработанных зарубежными исследователями моделях личного и группового экономического поведения лежащая чаще всего в их основе бихевиористская концепция оказалась несовместимой с методологией постиндустриального общества. В-третьих, абсолютизация роли искусственного интеллекта объективно снижает актуальность индивидуального сознательного начала за пределами официальных принципов, воспринимаемых в значительной степени формально, в качестве лозунгов и призывов.

Резкое изменение и большой рост значения общественного сознания социума выдвигают широкий круг важных проблем для научных исследований, без результатов которых уже нет возможности предвидеть ход социально-экономического развития даже на ближайшую перспективу [19; 21; 33; 38]. Назовем некоторые из таких проблем.

1. В развитии экономической жизни бывают периоды, когда условием успеха (или даже выживаемости) общества является его консолидация. Именно такой период переживает наша страна. Консолидация общественного сознания *уже* не может достигаться путем

монополии кого бы то ни было на истину, а лишь в результате компромисса различных интересов и взглядов. Собственно это и есть так необходимая нам политическая культура [37], элементом которой неизбежно выступает осознание бесперспективности митингового отрицания («долой») и конструктивности достижения возможного для данного субъекта с ограничениями, налагаемыми компромиссами с иными воззрениями и подходами.

2. Общественному сознанию в периоды экономических и социальных катаклизмов обычно присущи неустойчивость приоритетов и большая динамичность в смене оценок, взглядов, мировоззрения в целом [42]. Социологами установлена, например, исключительная подвижность рейтингов Президента и Правительства РФ в общественном сознании. Отсюда вытекает необходимость постоянного учета не только того, как общественное сознание влияет на экономическую жизнь, но и, наоборот, того, как то или иное явление экономической жизни, правительственное решение, возникновение нового или преодоление старого дефицита сказываются на общественном сознании. Могут стать классическими примерами воздействия на общественное сознание положения, изложенные в содержании нормативных документов [34; 36; 44; 49].

3. В политической экономии деятельностные функции человека обычно исследовались и описывались с помощью «триединой формулы»: потребности — интересы — стимулы. Конечно, элементы осознания присутствуют и в этих понятиях: интересы как осознанные потребности, стимулы как осознанные побудительные мотивы к труду, к экономической активности. Нам уже приходилось доказывать необходимость дополнения названной выше «триады» четвертым звеном — экономической ответственностью — и выделения трудовой (или экономической в более широком смысле) активности человека.

Сейчас, когда так называемый «групповой эгоизм», снижение хозяйственной и трудовой дисциплины стали печальной реальностью нашей экономической жизни и проявляются все же вдруг, как неожиданности, особенно важно научиться прогнозировать экономическое поведение социальных и профессиональных групп на основе диагностики сдвигов в их общественном сознании. Вытеснение

ложных стереотипов в общественном сознании, предрассудков и митинговых страстей осознанным знанием предполагает укрепление приоритета и авторитета науки.

В заключение отметим, что информационная безопасность личности (ЛИЧНОСТИ), а значит, и экономическая (в понимании экономики как части хозяйства) являет собой безопасность будущего человечества. Мыслитель, более известный как фантаст, Герберт Уэллс в недавно опубликованной на русском языке работе «Открытый заговор» акцентировал внимание читателей на противоречивости итогов научно-технического прогресса (обратим внимание на позицию академика С.Ю. Глазьева как на необходимый диалог с позицией Г. Уэллса). Приведем только одну цитату из его работы, демонстрирующую противоречие между реальной экономикой и скоростью ее теоретического осмысления в рамках рассуждений о конечности потенциала капиталистического обустройства мира.

Г. Уэллс пишет: «Огромная масса моральной силы была потрачена впустую за последние сто лет из-за антагонизма “труда” и “капитала”, как если бы это было главной проблемой в человеческих делах. На самом деле этот антагонизм никогда не был главной проблемой и продолжает неуклонно терять свое былое значение. Древние цивилизации действительно широко опирались на рабский и невольнический труд. Человеческие мышцы были основным источником энергии, наряду с энергией солнца, ветра и воды. Но изобретения и открытия настолько изменили условия производства, передачи и использования энергии, что мышечная сила становится экономически второстепенной и несущественной. Нам больше не нужны дровосеки, водоносы, носильщики и землекопы. Мы больше не хотим иметь этой расплодившейся массы дюжих потных тел, без которых прежние цивилизации не смогли бы выжить» [45, 9—10].

Не комментируя все идеи Г. Уэллса, отметим только его прозорливость в контексте целей настоящей публикации.

Итогом наших вышеизложенных суждений является понимание принципа обеспечения информационной безопасности личности. Именно в таком понимании человека высказывают свою точку зрения Е. Меркулова и Н. Данова [26], Л. Тутов и А. Шаститко [43], Вл. Чекмарев [52], Е. Зотова [16] и ряд других ученых.

Позиционирование *личности* в аспекте рассмотрения ее как объекта и субъекта информационных процессов и отношений ставит

в цифровой экономике все большее количество вопросов, а значит, и задач для исследователей экономического пространства и его сегментов (образовательного, информационного и др.).

Анализ воздействия на личность как объект и субъект информационных процессов и отношений позволяет сделать вывод: информационная безопасность личности служит прививкой от расчеловечивания, профилактикой болезни «бесчеловечность» [57], а реализация принципа «священный эгоизм» обозначает возможность жить человеку и социуму не в режиме самоуничтожения, а в режиме созволюции Человека и Природы.

Рассматривая личность как субъекта информационных отношений следует, на наш взгляд, вести речь о таких угрозах, как степень доступности (недостаточность или избыточность информации), либо как ее некачественность (в том числе недостоверность, ложность).

Было бы окошко между временами,
Даже небольшое мутное стекло,
Подышал бы тихо и протер руками,
И смотрел бы долго, чтобы повезло.

Эти стихи Б. Фабриканта [46] корреспондируются в нашей жизни с предельным ощущением достоверности: «Зеркальное мутное полотно на стене сначала покрылось радиальными трещинами, словно от мощного тупого удара в середину, затем, по спирали, выстрелило сотнями кривых осколочных ножей, густо осыпая пространство вокруг» [2, 403]. Так что «SOS» Ю.М. Осипова звучит как нельзя вовремя.

Литература

1. *Агамбен Дж.* Царство и Слава: к теологической генеалогии экономики и управления / Пер. с итал. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2018. 547 с.
2. *Алексеев С.* Черная сова. М.: Концептуал, 2016. 544 с.
3. *Алексеева И.Ю., Аршинов В.И., Чеклецов В.В.* «Технолюди» против «постлюдей»: НБИКС-революции и будущее человека // Вопросы философии. 2013. № 3. С. 12—21.
4. *Алиев Т.* Методологические подходы к определению, оценке и измерению цифровой экономики // Вестник АТЭС «Цифровая экономика: от общего к частному». 2019. № 6. С. 5—13.

5. *Алиев У.Ж.* Цифровая экономика и/или цифровая технология: их место в различных сферах человеческой деятельности // Теоретическая экономика. 2020. № 5. С. 25—28.
6. *Бешенков С.А., Шутикова М.И.* Структурирование данных в контексте обеспечения информационной безопасности личности // Информационная безопасность личности субъектов образовательного процесса в современном обществе. М.: Изд. центр РГУ нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина, 2020.
7. *Бодрунов С.Д.* Ноономика. Будущее: четвертая технологическая революция обуславливает необходимость глубоких изменений в экономической и социальной жизни // Форсайт «Россия»: новое индустриальное общество. Будущее. Т. 1 / Под общ. ред. С.Д. Бодрунова. СПб.: ИНИР, 2018. С. 9—22.
8. *Бодрунов С.Д.* Нооэкономика. М.: Культурная революция; СПб., 2018. 431 с.
9. *Боуэн У.Г.* Высшее образование в цифровую эпоху / Пер. с англ. М.: Изд. Дом ВШЭ, 2018. 224 с.
10. Будущее экономики России: роль цифросферы. Вызовы, угрозы, решения / Под науч. ред. И.М. Братищева. М., 2018. 525 с.
11. *Глазьев С.Ю.* Рынок в будущее. Россия в новых технологическом и мирохозяйственном укладах («Коллекция Изборского клуба»). М.: Книжный мир, 2018. 768 с.
12. *Глазьев С.Ю.* Стратегия опережающего развития России в условиях глобального кризиса. М.: Экономика, 2010. 255 с.
13. *Гончаренко Л.П., Куценко Е.С.* Управление безопасностью. М.: КНРУС, 2016. 272 с.
14. *Гринберг Р.С.* Свобода и справедливость. Российские соблазны ложного выбора. М.: Магистр: ИНФА-М, 2012. 416 с.
15. *Дитон А.* Великий побег. Здоровье, богатство и истоки неравенства / Пер. с англ. М.: Изд-во Ин-та Гайдара: Фонд Либеральная миссия, 2016. 365 с.
16. *Зотова Е.С.* Хомос и технос: кто кого? (дискуссия в Московском университете) // Философия хозяйства. 2018. № 5.
17. Индикаторы цифровой экономики: 2019. Стат. сб. М.: НИУ ВШЭ. Росстат: [Электронный ресурс]. URL:<https://www.hse.ru/data/2019/06/25/1490054019/ise2019.pdf>.
18. *Катасонов В.* Антиутопии. Заговор против человечества без грифа «секретно». М.: Книжный мир, 2020. 544 с.

19. *Ковальчук М.* Цифровой ГУЛАГ — инструмент порабощения народов и уничтожения государств: [Электронный ресурс]. URL: <https://fedorova-tl.livejournal.com/2506355.html>.
20. Коронавирус пройдет, рано или поздно, а вот тотальная слежка останется... // Интервью А.А.Нечаева, первого министра экономики в истории новой России: [Электронный ресурс]. URL: <https://www.newstube.ru/media/glavnoe-chrezvychajnye-polnomochiya-pravitelstva-ru> (дата обращения: 11.02.2021).
21. *Кузьминов Я.* Вирусная революция: как пандемия изменит наш мир: [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/opinions/society/27/03/2020/5e7cd7799a79471ed230b774> (дата обращения: 02.02.2021).
22. *Лесков Д.* Информация как актив. Тула, 2020. 74 с.
23. *Львов Д.С.* Предисловие // Мартин Г.-П., Шуманн Х. Западная глобализация. Атака на процветание и демократию / Пер. с нем. М.: Изд. Дом «Альпина», 2001.
24. *Макклоски Д.* Буржуазные добродетели. Этика для века коммерции / Пер. с англ. М.: Изд-во Ин-та Гайдара; СПб.: Фак. свободных искусств и наук СПбГУ, 2018. 692 с.
25. *Максимов Д.А.* Информационная и экономическая безопасность предприятия. М.: ФГБОУ ВПО «РЭУ имени Г.В. Плеханова», 2014. 240 с.
26. *Меркулова Е.Ю., Данова Н.Ю.* Индикаторы обеспечения экономической безопасности личности // *Философия хозяйства*. 2019. № 5.
27. Новая цифровая экономика и ее развитие. UNCTAD: [Электронный ресурс]. URL: https://unctad.org/en/PublicationsLibrary/tn_unctad_ict4d08_en.pdf. (дата обращения: 03.12.2020).
28. Освещение проекта «Цифровая экономика» в российских СМИ. Аналитический отчет за июнь 2019 года: [Электронный ресурс]. URL: https://files.data-economy.ru/Digest/Media_reportJun2019.pdf.
29. *Осипов Ю.М.* Разверзшаяся реальность // *Философия хозяйства*. 2020. № 3. С. 13 — 22.
30. *Осипов Ю.М.* Российский разворот: от не-России к России и от цифромании к человеку // *Философия хозяйства*. 2019. № 6. С. 11 — 12.

31. *Осипов Ю.М.* Технологизм как последняя религия и конечная надежда прогрессивного человечества // *Философия хозяйства*. 2019. № 4.
32. *Осипов Ю.М., Юдина Т.Н., Гелисханов И.З.* Информационно-цифровая экономика: концепт, основные параметры и механизмы реализации // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. Экономика*. 2019. № 3. С. 51 — 60.
33. *Панарин И.Н.* Технология информационной войны. М.: «КСП+», 2003. 320 с.
34. Паспорт национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации»: [Электронный ресурс]. URL: <https://static.government.ru/media/files/urKHm0gTPPnzJlaKw3M5cnLo6gczMkPF.pdf> (дата обращения 03.12.2020).
35. *Пищулин О.В., Чекмарев В.В.* Общественный контроль в системе экономических институтов. Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2015. 318 с.
36. Постановление Правительства Российской Федерации «О проведении эксперимента по внедрении цифровой образовательной среды» № 2040 от 7 декабря 2020 г.
37. Россия: от цифровизации к цифровой экономике. Доклад Института роста экономики им. П.А. Столыпина, сентябрь 2018: [Электронный ресурс]. URL: http://stolypin.institute/wp-content/uploads/2018/09/issledovanie_tsiffovaia-ekonomika-14-09-18-1.pdf.
38. *Рюриков Д.Б.* Время зверя. Новый мировой порядок. Архитекторы расчеловечивания. М.: Книжный мир, 2020.
39. *Сен А.* Идея справедливости / Пер. с англ. М.: Изд-во Ин-та Гайдара; Фонд «Либеральная миссия», 2016. 20 с.
40. *Стиглер Дж.* Гражданин и государство. Эссе о регулировании / Пер. с англ. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2017. 336 с.
41. *Стиглиц Дж.Ю., Сен А., Фитусси Ж.-П.* Неверно оценивая нашу жизнь: Почему ВВП не имеет смысла?: доклад Комиссии по измерению эффективности экономики и социального прогресса / Пер. с англ. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2016. 210 с.
42. *Тетерятников К.С., Комолов С.Г., Идрисов Ш.Ш.* Теневая цифровая экономика // *Менеджмент и бизнес-администрирование*. 2019. № 4. С. 181 — 197.

43. *Тутов Л., Шаститко А.* Экономический подход к проблемам организации знаний о человеке // Вопросы экономики. 2002. № 9. С. 46—63.
44. Указ Президента Российской Федерации от 09.05.2017 № 203 «О стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017—2030 гг.»: [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.m/acts/bank/41919> (дата обращения: 03.12.2020).
45. *Уэллс Г.Дж.* Открытый заговор / Пер. с нем. М.: Изд. дом «Кислород», 2021. 288 с.
46. *Фабрикант Б.* Крылья напрокат. СПб: Алетейя, 2020. 136 с.
47. *Философия экономики: антология* / Под ред. Д. Хаусмана / Пер. с англ. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2012. 517 с.
48. *Фуллер С.* Социология интеллектуальной жизни. Карьера ума внутри и вне академии / Пер. с англ. М.: Дело, 2018. 382 с.
49. Цифровая экономика Российской Федерации: программа: распоряжение Правительства Российской Федерации от 28 июля 2017 г. № 1632-р: [Электронный ресурс]. URL: <http://static.government.ru/media/files/9gFM4FHi4PsB7915v7yLVuPgu4bvR7M0.pdf>.
50. *Чекмарев В.В., Пищулин О.В., Белов В.Г.* Экономика новой реальности и общественный контроль. Кострома: КГУ, 2017. 242 с.
51. *Чекмарев В.В., Чекмарев Вл.В.* Мифологичность цифровой экономики // Стратегическое планирование и развитие предприятий. М.: ЦЭМИрАН, 2019. С. 593 — 595.
52. *Чекмарев Вл.В.* Экономическая безопасность региона: особенности обеспечения в условиях неустойчивого развития / Под общ. ред. З.В. Брагиной. Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2015. 152 с.
53. *Четверикова О.Н.* Разрушение будущего. Кто и как уничтожает суверенное образование в России. М., 2015. 128 с.
54. *Четверикова О.Н.* Трансгуманизм в российском образовании. Наши дети как товар. М.: Книжный мир, 2018. 384 с.
55. *Четверикова О.Н.* Цифровой тоталитаризм. Как это делается в России. М.: Книжный мир, 2019. 320 с.
56. *Шеллинг Т.К.* Микромотивы и макроповедение / Пер. с англ. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2016. 334 с.
57. *Шнуренко И.* Человек взломанный. М.: «Наше завтра», 2021. 452 с.

58. Эксперты предлагают определить единые термины цифровой экономики: [Электронный ресурс]. URL: <https://digital.ac.gov.ru/news/621> (дата обращения: 03.12.2020).

59. *Chekmarev V.I.* Economia aspetti sinergici di innivazioni nel processo di sicurezza economica dei soggetti che gestiscono // *Italian Science Review*. 2014. No. 11 (20). P. 4 — 9.

60. *Floridi L.* The Information Nature of Personal Identify // *Minds and Mashines*. 2011. No. 21 (4). P. 549 — 566.

61. *Remeikiene R., Gaspareniene L., Schneider F.G.* The definition of digital shadow economy // *Technological and Economic Development of Economy*. 2018. Vol. 24. No. 2. P. 696 — 717.

References

1. *Agamben Dzh.* Carstvo i Slava: k teologicheskoy genealogii ekonomiki i upravleniya / Per. s ital. M.: Izd-vo In-ta Gajdara, 2018. 547 s.

2. *Alekseev S.* Chernaya sova. M.: Konceptual, 2016. 544 s.

3. *Alekseeva I.YU., Arshinov V.I., Cheklevov V.V.* «Tekhnolyudi» protiv «postlyudej»: NBIKS-revolyucii i budushchee cheloveka // *Voprosy filosofii*. 2013. № 3. S. 12—21.

4. *Aliev T.* Metodologicheskie podhody k opredeleniyu, ocenke i izmereniyu cifrovoj ekonomiki // *Vestnik ATES «Cifrovaya ekonomika: ot obshchego k chastnomu»*. 2019. № 6. S. 5—13.

5. *Aliev U.ZH.* Cifrovaya ekonomika i/ili cifrovaya tekhnologiya: ih mesto v razlichnyh sferah chelovecheskoj deyatelnosti // *Teoreticheskaya ekonomiya*. 2020. № 5. S. 25—28.

6. *Beshenkov S.A., Shutikova M.I.* Strukturirovanie dannyh v kontekste obespecheniya informacionnoj bezopasnosti lichnosti // *Informacionnaya bezopasnost' lichnosti sub"ektov obrazovatel'nogo processa v sovremennom obshchestve*. M.: Izd. centr RGU nefti i gaza (NIU) imeni I.M. Gubkina, 2020.

7. *Bodrunov S.D.* Noonomika. Budushchee: chetvertaya tekhnologicheskaya revolyuciya obuslovlivaet neobhodimost' glubokih izmenenij v ekonomicheskoy i social'noj zhizni // *Forsajt «Rossiya»: novoe industrial'noe obshchestvo. Budushchee. T. 1 / Pod obshch. red. S.D. Bodrunova*. SPb.: INIR, 2018. S. 9—22.

8. *Bodrunov S.D.* Nooekonomika. M.: Kul'turnaya revolyuciya; SPb., 2018. 431 s.

9. *Bouen U.G.* Vysshee obrazovanie v cifrovuyu epohu / Per. s angl. M.: Izd. Dom VSHE, 2018. 224 s.
10. Budushchee ekonomiki Rossii: rol' cifrosfery. Vyzovy, ugrozy, resheniya / Pod nauch. red. I.M. Bratishcheva. M., 2018. 525 s.
11. *Glaz'ev S.YU.* Ryvok v budushchee. Rossiya v novykh tekhnologicheskome i mirohozyajstvennom ukladah («Kollekciya Izborskogo kluba»). M.: Knizhnyj mir, 2018. 768 s.
12. *Glaz'ev S.YU.* Strategiya operezhayushchego razvitiya Rossii v usloviyah global'nogo krizisa. M.: Ekonomika, 2010. 255 s.
13. *Goncharenko L.P., Kucenko E.S.* Upravlenie bezopasnost'yu. M.: KNRUS, 2016. 272 s.
14. *Grinberg R.S.* Svoboda i spravedlivost'. Rossijskie soblazny lozhnogo vybora. M.: Magistr: INFA-M, 2012. 416 s.
15. *Diton A.* Velikij pobeg. Zdorov'e, bogatstvo i istoki neravenstva / Per. s angl. M.: Izd-vo In-ta Gajdara: Fond Liberal'naya missiya, 2016. 365 s.
16. *Zotova E.S.* Homos i tekhnos: kto kogo? (diskussiya v Moskovskom universitete) // Filosofiya hozyajstva. 2018. № 5.
17. Indikatory cifrovoj ekonomiki: 2019. Stat. sb. M.: NIU VSHE. Rosstat: [Elektronnyj resurs]. URL:<https://www.hse.ru/data/2019/06/25/1490054019/ise2019.pdf>.
18. *Katasonov V.* Antiutopii. Zagovor protiv chelovechestva bez grifa «sekretno». M.: Knizhnyj mir, 2020. 544 s.
19. *Koval'chuk M.* Cifrovoy GULAG — instrument poraboshcheniya j narodov i unichtozheniya gosudarstv: [Elektronnyj resurs]. URL:<https://fedorova-tl.livejournal.com/2506355.html>.
20. Koronavirus projdet, rano ili pozdno, a vot total'naya slezhka ostanetsya... Interv'yu A.A.Nechaeva, pervogo ministra ekonomiki v istorii novej Rossii: [Elektronnyj resurs]. URL: <https://www.newstube.ru/media/glavnoe-chrezvychajnye-polnomochiya-pravitelstva-rf> (data obrashcheniya: 11.02.2021).
21. *Kuz'minov YA.* Virusnaya revolyuciya: kak pandemiya izmenit nash mir: [Elektronnyj resurs]. URL: <https://www.rbc.ru/opinions/society/27/03/2020/5e7cd7799a79471ed230b774> (data obrashcheniya: 02.02.2021).
22. *Leskov D.* Informaciya kak aktiv. Tula, 2020. 74 s.
23. *L'vov D.S.* Predislovie // Martin G.-P., SHumann X. Z-padnya globalizacii. Ataka na procvetanie i demokratiju / Per. s nem. M.: Izd. Dom «Al'pina», 2001.

24. *Makkloski D.* Burzhuaznye dobrodeteli. Etika dlya veka komercii / Per. s angl. M.: Izd-vo In-ta Gajdara; SPb.: Fak. svobodnyh iskusstv i nauk SPbGU, 2018. 692 s.

25. *Maksimov D.A.* Informacionnaya i ekonomicheskaya bezopasnost' predpriyatiya. M.: FGBOU VPO «REU imeni G.V. Plehanova», 2014. 240 s.

26. *Merkulova E.YU., Danova N.YU.* Indikatory obespecheniya ekonomicheskoy bezopasnosti lichnosti // *Filosofiya hozyajstva*. 2019. № 5.

27. Novaya cifrovaya ekonomika i ee razvitie. UNCTAD: [Elektronnyj resurs]. URL: https://unctad.org/en/PublicationsLibrary/tn_unctad_ict4d08_en.pdf. (data obrashcheniya: 03.12.2020).

28. Osveshchenie proekta «Cifrovaya ekonomika» v rossijskih SMI. Analiticheskij otchet za iyun' 2019 goda: [Elektronnyj resurs]. URL: https://files.data-economy.ru/Digest/Media_reportJun2019.pdf.

29. *Osipov YU.M.* Razverzshayasya real'nost' // *Filosofiya hozyajstva*. 2020. № 3. S. 13 — 22.

30. *Osipov YU.M.* Rossijskij razvorot: ot ne-Rossii k Rossii i ot cifromanii k cheloveku // *Filosofiya hozyajstva*. 2019. № 6. S. 11 — 12.

31. *Osipov YU.M.* Tekhnologizm kak poslednyaya religiya i konechnaya nadezhda progressivnogo chelovechestva // *Filosofiya hozyajstva*. 2019. № 4.

32. *Osipov YU.M., YUdina T.N., Geliskhanov I.Z.* Informacionno-cifrovaya ekonomika: koncept, osnovnye parametry i mehanizmy realizacii // *Vestn. Mosk. un-ta. Ser. Ekonomika*. 2019. № 3. S. 51 — 60.

33. *Panarin I.N.* Tekhnologiya informacionnoj vojny. M.: «KSP+», 2003. 320 s.

34. Paspport nacional'noj programmy «Cifrovaya ekonomika Rossijskoj Federacii»: [Elektronnyj resurs]. URL: <https://static.government.ru/media/files/urKHm0gTPPnzJlaKw3M5cnLo6gczMkPF.pdf> (data obrashcheniya 03.12.2020).

35. *Pishchulin O.V., CHekmarev V.V.* Obshchestvennyj kontrol' v sisteme ekonomicheskikh institutov. Kostroma: KGU im. N.A. Nekrasova, 2015. 318 s.

36. Postanovlenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii «O provedenii eksperimenta po vnedrenii cifrovoj obrazovatel'noj sredy» № 2040 ot 7 dekabrya 2020 g.

37. Rossiya: ot cifrovizacii k cifrovoj ekonomike. Doklad Instituta rosta ekonomiki im. P.A. Stolypina, sentyabr' 2018: [Elektronnyj resurs].

URL: http://stolypin.institute/wp-content/uploads/2018/09/issledovanie_tsiffovaia-ekonomika-14-09-18-1.pdf.

38. *Ryurikov D.B.* Vremya zverya. Novyj mirovoj poryadok. Arhitektory raschelovechivaniya. M.: Knizhnyj mir, 2020.

39. *Sen A.* Ideya spravedlivosti / Per. s angl. M.: Izd-vo In-ta Gajdara; Fond «Liberal'naya missiya», 2016. 20 s.

40. *Stigler Dzh.* Grazhdanin i gosudarstvo. Esse o regulirovanii / Per. s angl. M.: Izd-vo In-ta Gajdara, 2017. 336 s.

41. *Stiglic Dzh.YU., Sen A., Fitussi ZH.-P.* Neverno ocenivaya nashu zhizn': Pochemu VVP ne imeet smysla?: doklad Komissii po izmeneniyu effektivnosti ekonomiki i social'nogo progressa / Per. s angl. M.: Izd-vo In-ta Gajdara, 2016. 210 s.

42. *Teteryatnikov K.S., Komolov S.G., Idrisov SH.SH.* Tenevaya cifrovaya ekonomika // Menedzhment i biznes-administrirovanie. 2019. № 4. S. 181 — 197.

43. *Tutov L., SHastitko A.* Ekonomicheskij podhod k problemam organizacii znaniy o cheloveke // Voprosy ekonomiki. 2002. № 9. S. 46—63.

44. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 09.05.2017 № 203 «O strategii razvitiya informacionnogo obshchestva v Rossijskoj Federacii na 2017—2030 gg.»: [Elektronnyj resurs]. URL: <http://krem-lin.m/acts/bank/41919> (data obrashcheniya: 03.12.2020).

45. *Uells G.Dzh.* Otkrytyj zagovor / Per. s nem. M.: Izd. dom «Kislorod», 2021. 288 s.

46. *Fabrikant B.* Kryl'ya naprokat. SPb: Aletejya, 2020. 136 s.

47. Filosofiya ekonomiki: antologiya / Pod red. D. Hausmana / Per. s angl. M.: Izd-vo In-ta Gajdara, 2012. 517 s.

48. *Fuller S.* Sociologiya intellektual'noj zhizni. Kar'era uma vnutri i vne akademii / Per. s angl. M.: Delo, 2018. 382 s.

49. Cifrovaya ekonomika Rossijskoj Federacii: programma: rasporyazhenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 28 iyulya 2017 g. № 1632-r: [Elektronnyj resurs]. URL: <http://static.government.ru/media/files/9gFM4FHi4PsB7915v7yLVuPgu4bvR7M0.pdf>.

50. *CHekmarev V.V., Pishchulin O.V., Belov V.G.* Ekonomika novoj real'nosti i obshchestvennyj kontrol'. Kostroma: KGU, 2017. 242 s.

51. *CHekmarev V.V., CHekmarev Vl.V.* Mifologichnost' cifrovoj ekonomiki // Strategicheskoe planirovanie i razvitie predpriyatij. M.: CE-MiRAN, 2019. S. 593 — 595.

52. *CHekmarev V.V.* Ekonomicheskaya bezopasnost' regiona: osobennosti obespecheniya v usloviyah neustojchivogo razvitiya / Pod obshch. red. Z.V. Braginoj. Kostroma: KGU im. N.A. Nekrasova, 2015. 152 s.
53. *CHetverikova O.N.* Razrushenie budushchego. Kto i kak unichtozhaet suverennoe obrazovanie v Rossii. M., 2015. 128 s.
54. *CHetverikova O.N.* Transgumanizm v rossijskom obrazovanii. Nashi deti kak tovar. M.: Knizhnyj mir, 2018. 384 s.
55. *CHetverikova O.N.* Cifrovoj totalitarizm. Kak eto delaetsya v Rossii. M.: Knizhnyj mir, 2019. 320 s.
56. *SHelling T.K.* Mikromotivy i makropovedenie / Per. s angl. M.: Izd-vo In-ta Gajdara, 2016. 334 s.
57. *SHnurenko I.* CHelovek vzlomannyj. M.: «Nashe zavtra», 2021. 452 s.
58. Eksperty predlagayut opredelit' edinye terminy cif-rovoj ekonomiki: [Elektronnyj resurs]. URL: <https://digital.as.gov.gu/news/621> (data obrashcheniya: 03.12.2020).

II

**ЭКОНОМИЧЕСКАЯ
ТЕОРИЯ**

И.А. ДУБРОВИН

Социально-экономическое влияние эпидемии чумы XIV в. на формирование капиталистической системы в Европе: историческая аналогия с пандемией COVID-19 в 2020 г.*

Аннотация. Пьер Шоню, представитель исторической школы «Анналов», назвал вспышки эпидемии чумы в Европе в XIV в. «историческим феноменом первой величины». «Черную смерть» можно рассматривать в качестве катализатора капиталистических отношений. До сих пор не осознается вся глубина последствий влияния данной эпидемии на формирование капитализма в Западной и Восточной Европе. В статье анализируются экономические, социальные, политические и идеологические последствия «черной смерти», которая свирепствовала в Европе шесть веков назад. Актуальность поставленной проблеме придает современная пандемия. Важно отметить, что эпидемия COVID-19 произошла на фоне структурной трансформации капиталистической системы. Таким образом, современный кризис, вызванный эпидемиологическим фактором, еще более обострил противоречия капитализма, которые накапливались со времен распада СССР. Использование метода исторических аналогий позволяет выделить некоторые структурные элементы, которые делают две эти пандемии (чуму XIV в. и COVID-19 XXI в.) весьма похожими. Целью статьи является проведение исторических параллелей между этими двумя эпидемиями.

Ключевые слова: пандемия, «черная смерть», COVID-19, капитализм, структурная трансформация, «Черный лебедь».

Abstract. Pierre Chaunu, a representative of the historical school «Annales», called the outbreak of the plague in Europe in the 14th century «a historical phenomenon of the first importance». The «black death» can

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Дубровин И.А. Социально-экономическое влияние эпидемии чумы XIV в. на формирование капиталистической системы в Европе: историческая аналогия с пандемией COVID-19 в 2020 г. // Философия хозяйства. 2021. № 2. С. 99—114.

be seen as a catalyst for capitalist relations. The full extent of the consequences of this epidemic on the formation of capitalism in Western Europe is still not realized. Therefore, in this article, the author analyzes the economic, social, political and ideological consequences of the «black death» that occurred in Europe in the 14th century. The urgency of the problem is given by the modern pandemic, which began in 2020. It is important to note that the COVID-19 pandemic occurred against the background of a structural transformation of the capitalism system. Thus, the current crisis caused by epidemiological factors has further deteriorated the contradictions of the capitalism that have been accumulating since the collapse of the USSR. Based on this, the author, using the method of historical analogies, emphasizes some structural elements that make these two pandemics (plagues in the 14th century and COVID-19 in the 21st century) significantly similar. The purpose of this article is to draw historical Parallels between the two epidemics.

Keywords: pandemic, «black death», COVID-19, capitalism, structural transformation, «Black Swan».

УДК 330
ББК 65

Введение

Эпидемия чумы началась в генуэзской колонии Кафа в Черном море. Затем пандемия на кораблях торговцев достигла берегов Италии и распространилась по Средневековой Европе. Согласно современным методам математического моделирования, чума распространялась сначала вдоль морских границ, по берегам рек, впоследствии достигая центров европейских стран [21, 14—34]. Наблюдаемую в различных исследованиях неравномерность скорости распространения чумы можно объяснить природными, политическими факторами, а также развитием торговых путей. Однако пандемия охватила практически все европейские регионы, при довольно малых временных разнице. Согласно современным исследованиям, «черная смерть» начала распространяться в крупных, экономически развитых городах, охватывая затем прилегающие деревни. Так, например, к концу июня 1348 г. чума охватила северные города Италии. Причем эпидемия замедлялась при распространении в центральные и южные про-

винции страны, в которых в меньшей степени ощущался экономический прогресс [17, 93]. Отмечается также, что пандемия распространилась в Риме только к августу 1348 г. Это можно связать с тем, что Рим в то время перестал являться религиозным центром христианской веры: тогда резиденция римских пап находилась в Авиньоне во Франции. Математические модели подтверждают, что малые города имели задержки в распространении инфекции [21, 14—34].

Общая смертность от чумы, по некоторым данным, в Средневековой Европе составляла примерно до одной трети населения, что соответствовало 20 млн человек [10, 116]. Дети являлись наиболее уязвимым слоем населения для чумы. Так, в сельских местностях молодежь в 1371 г. составляла 49% от всего населения, однако уже в 1427 г. лиц моложе пятнадцати лет было 37% [5, 211]. Хотя, согласно другим исследованиям, в большей степени чума уменьшила работоспособные слои населения, чем возрастные группы детей и пожилых [22, 289—317]. Надо учитывать, что эпидемия чумы происходила на фоне самой длинной войны Европы — Столетней (1337—1453) между Англией и Францией, одними из наиболее сильных стран того времени.

Для современного общества COVID-19 в 2020 г. стал настоящим «Черным лебедем», «аномалией, важным событием, которое случается, когда его не ждут», о чем писал Нассим Талеб [11, 169]. Исследуя данную проблему XXI в., удивительно находить аналогии с эпидемией, которая произошла более шести веков назад. Проводя параллели со Столетней войной между Англией и Францией, можно отметить ухудшающиеся отношения между США и Китаем, одними из ведущих держав современного мира, несмотря на эпидемию вируса [18, 37—39]. Предъявлялись обвинения Китаю, якобы из-за которого вирус распространился по всему миру. Средневековые европейцы также считали, что причина появления чумы связана с Китаем, в котором в то время наблюдалась высокая смертность среди населения. Однако прямых доказательств не было найдено. Чума, несмотря на все свои ужасы, дала толчок развитию средневековой науке и медицине. В то же время из-за кризиса, вызванного COVID-19, государства поняли значимость развития своих национальных систем здравоохранения.

Социально-экономические последствия

Иммануил Валлерстайн считал, что с 1300 по 1450 г. в Европе происходили неблагоприятные процессы в торговой, демографической и политической сферах [2, 4]. Причем эпидемия чумы лишь обострила проблемы, которые накапливались долгое время в феодальном обществе. Наслаивание данных факторов не могло не привести к значительной трансформации феодальной системы.

Как отмечает Барбара Такман в своей работе «Загадка XIV века», наиболее пострадала от чумы Италия. Этот факт находит аналогию с современными данными по наиболее пострадавшим странам. В Италии в период с 1343 по 1350 г. обанкротились влиятельные флорентийские банки, произошло разрушительное землетрясение, ужасная засуха и голод — эти события ухудшили последствия чумы. В одной только Венеции население сократилось на 40% [20, 55]. По всей Европе уменьшилось количество рабочих рук, что привело к уменьшению посевных площадей вдвое. От эпидемии страдали не только крупные экономически развитые регионы, но и небольшие города. Согласно похоронным регистрам, в небольшом городке во Франции в 1345—1347 гг. в среднем умирало 23 человека в год, однако за первые четыре месяца эпидемии чумы смертность увеличилась в 15 раз (за эти месяцы умерло 626 человек) [17, 105]. З.В. Удальцова и Ю.Л. Бессмертный в «Истории крестьянства в Европе» подчеркивают появившийся в то время феномен запустения: исчезновение некоторых населенных пунктов, уменьшение посевных площадей [4, 293]. Более того, деревни, лишившиеся своего населения, не могли в дальнейшем эффективно препятствовать процессу огораживания, который спустя некоторое время принял значительные масштабы. Отмечается увеличение экономической роли городов и пригородной территории, куда стекались люди в поисках более высокого уровня жизни [15, 298—299]. Это привело к значительному увеличению цен на сельскохозяйственную продукцию. Причем увеличение цен в Западной Европе происходило примерно до 1430—1450 гг., что можно увидеть в статистических данных, а затем начался процесс падения цен, что сделало сельскохозяйственную продукцию менее рентабельной [4, 295].

Важным следствием демографического коллапса и нехватки рабочей силы стало замещение факторов производства: труда капиталом и землей. Превращение сельскохозяйственных угодий в пастбища подтолкнуло аграрную экономику Европы к изменению своей производственной структуры в пользу животноводства. Нельзя также не отметить, что в дальнейшем феномен запустения будет способствовать увеличению площадей пастбищ и лугов, что станет стимулом для развития товарных отношений и перехода к генезису капитализма [4, 297]. С ростом доходов на душу населения, изменениями в распределении доходов в пользу рабочей силы и изменениями в возрастной структуре, спрос также начал меняться — от базовых товаров и предметов первой необходимости к товарам с более высокой эластичностью дохода. По мере того как земли становилось все больше по отношению к труду, цены на сельскохозяйственные товары снижались по отношению к товарам мануфактурного производства, особенно по отношению к мануфактурам с высоким содержанием труда. Спрос на пшеницу и цены на нее снизились, в то время как цены на мясо, сыр и ячмень удержались, причем последнее было вызвано растущим спросом на пиво, которое можно рассматривать как хороший показатель повышения уровня жизни и улучшения рациона питания. Состав сельскохозяйственной продукции и объем производства сместились от зерновых к другим культурам. Наблюдался также рост интенсивности использования земельных ресурсов, особенно в овцеводстве и скотоводстве.

Изменялись отношения между арендаторами и землевладельцами. Ввиду сокращения спроса на аренду пришлось сокращать арендную плату. Ситуация обострила классовые противоречия феодального общества: ремесленники начали борьбу за повышение заработной платы, хотя государство ответило на это репрессивными мерами. Рабочие требовали повышения оплаты, улучшения условий труда, желая иметь возможность находить работу при переходе с одного места на другое. Важной вехой являлось освобождение сервов, прикрепленных к земле крестьян, которые не могли покинуть территорию без разрешения своего феодала. Факт того, что рента приносила более высокий доход, чем бесплатный рабочий труд крепостных, стал одной из причин отмены крепостного права в Западной Европе. Феодальные повинности сокращались. Это ослабило связи кре-

стьян и землевладельцев и дало толчок развитию наемных отношений. В то же время, чтобы противодействовать этим революционным настроениям, вводились специальные законы, определяющие статусы наемных рабочих. В них подчеркивалась необходимость работать всем трудоспособным людям, возможность привлекать к работам бродяг, запрет на подачу милостыни, а безделье становилось преступлением против общества [10, 144]. Таким образом, появилась своего рода трудовая этика, о которой писал Макс Вебер в своей работе «Протестантская этика и дух капитализма».

Есть мнение, что, несмотря на высокую смертность, производительность труда и способность оказывать услуги не сократились, так как население до «черной смерти» было избыточным [10, 277]. Однако ученые отмечают, что сокращение примерно на треть населения Европы способствовало увеличению доступности земельных ресурсов и сформировало запрос на более высокую оплату труда [20, 92]. Из-за различий в возрастных показателях смертности численность рабочей силы, возможно, сократилась даже больше, чем численность населения. Данный факт впоследствии привел к резким изменениям относительных цен на факторы производства и отраслевых условий торговли. Реальная заработная плата удвоилась в большинстве стран и городов в течение столетия после первого случая чумы [22, 289—317]. Земельная рента, а также процентные ставки снизились как в абсолютном выражении, так и относительно заработной платы. Землевладельцы стали терять, в то время как доходы рабочих, крестьян и женщин росли. В результате сельское хозяйство, как и промышленность, стали развиваться по более капиталоемким направлениям.

Идеологические последствия

Для религиозной Средневековой Европы «черная смерть» считалась наказанием за грехи. Больные перед смертью испытывали ужасные физические муки. Причем они дополнялись и моральными терзаниями: зачастую больные не могли исповедаться, так как священнослужителей на всех не хватало. Последователи католицизма, который должен был воспитывать в людях пренебрежение к земным благам, видели, что церковь и аристократы постоянно забывали о религиозных догмах. Высокая смертность священников привела к их

нехватке и уменьшению требований к духовенству. Это вызвало падение уровня образования священнослужителей. Чума, с одной стороны, увеличила власть Церкви и папства, которые призывали покаяться, купить индульгенции, с другой стороны, в долгосрочном периоде она подорвала Церковь как институт власти и обеспечила в дальнейшем появление альтернативных течений, которые привели к Реформации. Продажа индульгенций, церковных постов, взяточничество вели к уменьшению веры в Церковь и священников как посредников между людьми и Богом. Чума только усилила общественные тенденции. Этот факт, возможно, позволил в дальнейшем распространиться протестантизму как течению, воспринимающему труд, а не Церковь, как возможность стать ближе к Создателю. Занятие своим профессиональным призванием, честное выполнение своего трудового долга, справедливость, пунктуальность позволяли занимать более выгодное положение в обществе и стать более «святым» в своих и чужих глазах [3, 27]. Хотя Макс Вебер напрямую не связывал развитие капитализма и Реформацию. По его мнению, религия являлась лишь одним из факторов, приведших к распространению «капиталистического духа» [3, 51].

В современный кризис, носящий внешний характер, также возникают вопросы по поводу совершенства главенствующих идей: капиталистической системы и идеи глобализма. Надо помнить, что кризис и трансформация политэкономических формаций занимают достаточно длительное время. Так, например, участники Римского клуба в 2018 г. подготовили доклад, в котором обсуждались несовершенства капитализма [23, 69]. Концепции глобализма и открытых дверей также подверглись некоторым корректировкам: большинство стран, даже те, которые состояли в определенных политико-экономических союзах, например, ЕС, отгородились от своих соседей.

Более того, чума XIV в. обострила противоречия между богатыми и бедными. Королевские дворы, знать устраивали пышные мероприятия, поражавшие своей роскошью. Значительное уменьшение населения не привело к уменьшению денег, так как они, имея драгоценный характер, не исчезали, а продолжали обращаться внутри стран. Бандитизм и мародерство, взяточничество в рядах Церкви, которая была построена на денежных отношениях, позволили сконцентрировать богатства в высших слоях населения. В современном мире,

когда во время чумы большинство людей лишились стабильного заработка и вынуждены были сидеть на самоизоляции, появлялись новости о том, что богатейшие люди планеты не только не потеряли, но и заработали еще больше. Богатые и бедные справлялись с финансовыми трудностями по-разному, что не могло не углубить мировое неравенство в доходах и доступу к здравоохранению.

Также из-за пандемии COVID-19 возникает вопрос о демократии, ведь большинство стран запрещали своим гражданам выходить на улицы, свободно гулять, что, по идее, нарушало концепции свободы. Некоторые страны активно использовали средства цифрового слежения, что повышает вероятность развития «цифрового концлагеря».

Политические последствия

Сеньоры в ответ на уменьшение числа рабочих рук и увеличение требований со стороны крестьян вначале пытались увеличить эксплуатацию. Однако следствием такого подхода стала серия восстаний. Восстание «пастушков» в 1320 г., восстание «белых шапок» и жакерии во Франции, восстание чомпи во Флоренции в 1378 г., восстание Уота Тайлера в Англии в 1381 г. дополнили катастрофические последствия чумы в Западной Европе, хотя и были подавлены. Эти восстания, носившие антифеодальный характер, расшатали каркас феодального общества. Никколо Макиавелли в своем трактате «История Флоренции» подчеркивает, что народные волнения во время чомпи, наемных работников сукнодельных мануфактур, возглавлялись цехами [8, 160]. Несмотря на то, что предводители восстания были казнены, а цех чомпи был расформирован, в результате были достигнуты некоторые успехи. Например, в верховную комиссию, которая управляла городом, стали входить представители синдикатов цехов, были также пересмотрены и отменены законы, которые ущемляли права граждан, осуществлена отмена «чужеземного чиновника» (надсмотрщика из других городов) [8, 172]. Таким образом, массы поняли, что они могут влиять на улучшение условий труда. Нехватка трудовых ресурсов, рост заработной платы рабочих способствовали институциональному преобразованию средневековых гильдий и цехов, сделав их более гибкими, что дало толчок трудовой мобильности [22, 289—317].

Восстание Уота Тайлера произошло в 1381 г. в Англии на двух берегах Темзы. Одной из главных причин данного события было недовольство сборами подушной подати, злоупотреблениями властей. Существовала определенная политическая программа, направленная против феодальных устоев, в частности, против сословной исключительности дворянства [4, 331]. После казней зачинщиков восстания и разгона митингующих лорды потребовали конфискации земель участников антиправительственных акций. Социальная напряженность привела к коммутации барщины и переходу на более прогрессивные отношения, отношения аренды. Это стало существенным катализатором капиталистических отношений.

Восстания являлись одним из факторов, сделавших позиции западноевропейских крестьян более сильными, в то же время феодалы Восточной Европы начали наступление на крестьянство, увеличивая налоги и контроль, что в последующем привело к «второму закрепощению». Западная Европа ввиду значительного сокращения крестьян в последующие века нарастила спрос на восточно-европейскую сельскохозяйственную продукцию. Это привело к тому, что восточно-европейские города на фоне роста влияния сельского хозяйства и феодализма становились более слабыми по сравнению с западно-европейскими, куда крестьяне массово бежали в поисках лучшей жизни [1, 116]. Восстания также подтолкнули аристократию в сторону союза с монархией в Англии и Франции.

Важно отметить, что ни один политический режим в мире не рухнул во время пандемии COVID-19. Однако последствия карантина, падения экономик приведут к изменениям в политическом пространстве. Косвенно это отражается в активных выступлениях по всему миру: в США, Европе, Гонконге. Можно сказать, что люди пытаются выплеснуть энергию, которая копилась во время карантина. В дальнейшем успехи и неудачи правительств во время пандемии будут рассматриваться в качестве политического актива или обязательства на предстоящих государственных выборах.

Последствия в области здравоохранения и науки

Эпидемия чумы обострила проблемы, связанные со средневековой медициной. Ранее развитию здравоохранения препятствовали религиозные догмы, которые пошатнулись из-за «Великого мора».

Позиции врачей были, по мнению современников, «между мусорщиками и мясниками» [5, 706]. Неспособность средневековых медиков предотвратить распространение чумы и победить ее усугубили почетность профессии врача и дискредитировали схоластическую медицинскую теорию [7, 103]. Схоластическая медицина базировалась на идее неразрывной связи состояния тела и состояния души человека. Следовательно, главной причиной всех болезней искали в «греховности» больных, а главной задачей считалось — излечить душу пациента.

В Европе в XV в. наблюдался быстрый экономический и научно-технический прогресс после эпидемии чумы, которая косвенно стимулировала его развитие [6, 52]. Так, уменьшение из-за чумы численности духовенства, которое являлось главным хранителем знаний, привело к нехватке учителей и образовательных услуг. Данный факт показал необходимость развития образования, что привело к созданию новых университетов. Например, Парижский университет был построен в 1348 г., также были основаны высшие учебные заведения в Лукку, Сиене, Тринити- и Клэр-колледжи при Кембриджском университете.

Более того, нехватка трудовых ресурсов стимулировала потребность в трудосберегающих технологиях. Появился своего рода запрос на инновации в производстве. Данный спрос могли удовлетворить средневековые гильдии, которые вследствие чумы институционально преобразовывались, изменяя свою структуру и становясь более гибкими [22, 289—317]. Тем самым производительность труда выросла после эпидемии, в особенности рост был замечен в северо-западной части Европы. Эпидемиологический кризис XIV в. привел к возникновению ряда новых сельских и городских текстильных производств в Голландии, Англии, Южной Германии и некоторых районах Италии [16, 86].

Пандемия стимулировала развитие медицинских практик и теорий. Можно отметить, что после современных проблем COVID-19 правительства пересмотрят свое отношение к здравоохранению. Так, по статистическим данным, в мире прогнозировался рост затрат на здравоохранение до 5% в период с 2019—2023 гг. (в 2014—2018 гг. — 2,7%) [19]. Как показал опыт многих развитых стран, где наблюдался всплеск смертности, и развивающихся стран, системы

здравоохранения и правовая среда были не готовы к вызовам подобного рода. Возможно, что Всемирная организация здравоохранения будет реформирована или будут созданы новые наднациональные организации, отвечающие за биологическую безопасность международного сообщества. Необходимость таких организаций вытекает из малой эффективности международного взаимодействия в поисках решений возникшей проблемы. Также пандемия показывает недочеты, связанные с поиском и апробацией новых лекарств. Фрэнсис Фукуяма считает необходимым выработать международные правила в области проведения экспериментов на людях и апробации фармацевтических препаратах [13, 282].

Есть вероятность, что биологическая безопасность станет обыденной вещью. Например, при входе в пространства с большим скоплением людей будут измерять температуру, требовать ношение медицинских масок и перчаток, будут стоять аппараты с дезинфицирующими веществами. Возможно, сейчас это звучит несколько странно, но в будущем это может стать нормой. Например, сейчас люди не удивляются при виде металлоискателя при входе в метро или торговый центр. Однако металлоискатели стали активно устанавливаться и применяться после серий террористических актов.

Вывод

Общество, возникшее во второй половине XIV в., заметно отличалось от общества предыдущего столетия, и многие из этих изменений можно объяснить в значительной степени влиянием чумы и сопутствующих ей демографических изменений, приведших к кризису феодализма в Европе. Эпидемия повлияла на значимость факторов производства в сторону замещения труда землей и капиталом [16, 274].

Важно отметить, что множество процессов в Средневековой Европе протекали одновременно и были ускорены появлением «черной смерти». Чума способствовала развитию процесса первоначального накопления капитала: происходила концентрация богатства в одних руках (концентрация средств производства) и обнищание больших масс, лишенных средств к существованию, что повлекло за собой развитие наемных отношений. Именно два этих условия, «поляризация товарного рынка», необходимы, согласно Карлу Марксу

[9, 611], для зарождения капиталистического производства. Начало слома феодальных отношений, освобождение крестьян, разочарование в католической церкви, развитие трудовой этики и наемных отношений являлись благодатной почвой, на которой в дальнейшем должна была появиться новая капиталистическая система. Чума, несмотря на все ее ужасы, дала толчок к увеличению заработков и уровня жизни крестьян, институциональному преобразованию Западной Европы.

Согласно Арнольду Тойнби, для развития цивилизаций необходимы внешние вызовы, которые бы помогли раскрыть внутренние творческие способности [12, 151]. «Черная смерть» в XIV в., по нашему мнению, являлась одним из вызовов, который способствовал сломам феодализма и появлению ростков капиталистической системы. Хотя данная система сформировалась в единое целое значительно позднее. Однако крупные социально-экономические и политические процессы не происходят быстро, особенно, если говорить о трансформации одной экономической системы в другую. Внешние вызовы позволяют взглянуть на отрицательные и положительные стороны текущей системы и ускоряют медленно протекающие до этого процессы. Из-за чумы зашаталась феодальная устои и обострились противоречия этой системы. Аналогично в современное время пандемии COVID-19 все более обостряются противоречия капитализма: противоречия между богатыми и бедными слоями населения и странами, противоречия конкурентной борьбы (США vs Китай), противоречия экономического роста и глобализации.

Современный капитализм вышел из пандемии и сейчас в период своей трансформации также оказался в условиях эпидемии. При анализе средневековой пандемии возникают интересные параллели с современными реалиями: тяжелая обстановка в Италии, разобщенность действий стран Европейского континента, обвинения в адрес Китая. Трудно строить прогнозы о том, каким будет мир и капитализм после пандемии. Нельзя сказать, что мир изменится до неузнаваемости и никогда уже не станет прежним. Можно только утверждать, что COVID-19 заметно обострил противоречия современного капитализма, которые накапливались, начиная с распада СССР, и ускорит его трансформацию.

Литература

1. *Аджемоглу Д., Робинсон Дж.А.* Почему одни страны богаче, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты. М.: Издательство АСТ, 2015. 575 с.
2. *Валлерстайн И.* Мир-система Модерна. Т. I. Капиталистическое сельское хозяйство и истоки европейского мира-экономики в XVI веке. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2015. 552 с.
3. *Вебер М.* Избранное. Протестантская этика и дух капитализма. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. 656 с.
4. История крестьянства в Европе: В 3 т. Т. 2. Эпоха феодализма. М.: Издательство «Наука», 1986. 695 с.
5. История частной жизни. Т. 2: Европа от феодализма до Ренессанса / Под ред. Ж. Дюби. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 784 с.
6. *Кеннеди П.* Взлеты и падения великих держав: Экономические изменения и военные конфликты в формировании мировых центров власти с 1500 по 2000 г. Екатеринбург: Гонзо, 2018. 848 с.
7. *Ле Гофф Ж., Трюон Н.* История тела в средние века. М.: Текст, 2008. 189 с.
8. *Макиавелли Н.* История Флоренции. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2017. 512 с.
9. *Маркс К.* Капитал. Критика политической экономии. Т. 1. Кн. 1. Процесс производства капитала. М.: Политическая энциклопедия, 2015. 794 с.
10. *Такман Б.* Загадка XIV века. М.: Издательство АСТ, 2019. 704 с.
11. *Тaleb Н.Н.* Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости. М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2018. 736 с.
12. *Тойнби А.Дж.* Постижение истории. М.: Академический проект, 2019. 802 с.
13. *Фукуяма Ф.* Наше постчеловеческое будущее: Последствия биотехнологической революции. М.: ООО «Издательство АСТ», ОАО «ЛЮКС», 2004. 349 с.
14. *Шоноу П.* Цивилизация классической Европы. М.: АСТ МОСКВА; Екатеринбург: У-Фактория, 2008. 604 с.

15. Экономическая история мира: В 6 т. Т. 1. М.: КНОРУС, 2008. 496 с.
16. *Anieva A., Kerem Nisancioglu K.* The Geopolitical Origins of Capitalism. How the West Came to Rule. Pluto Press, 2015. 386 p
17. *Benedictow O.J.* The Black Death, 1346—1353: The Complete History. Woodbridge: The Boydell Press, 2004. 434 p.
18. China and America. The blame game // *The Economist*. 2020. March, 21—27. P. 37—39.
19. Deloitte Insights. 2020 global health care outlook. Laying a foundation for the future: [Электронный ресурс]. URL: <https://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/cz/Documents/life-sciences-health-care/2020-global-health-care-outlook.pdf> (дата обращения: 17.08.2020).
20. *Maddison A.* The World Economy. In 2 Volumes. Development center of the organization for economic co-operation and development, OECD Publishing, 2006. 653 p.
21. *Orlando S.* Black Death — model and simulation // *Journal of Computational Science*. 2016. Vol. 17. P. 1. Nov. P. 14—34.
22. *Pamuk S.* The Black Death and the origins of the 'Great Divergence' across Europe, 1300—1600 // *European Review of Economic History*. 2007. Vol. 11. No. 3. Decem. P. 289—317.
23. *Weizsäcker E.U. von, Wijkman A.* Come on! Capitalism! Short-term termism, Population and the Destruction of the Planet — A Report to the Club of Rome, 2018: [Электронный ресурс]. URL: https://batrachos.com/sites/default/files/pictures/Books/Weizsacker_Wijkman_2018_Come%20on.pdf (дата обращения: 18.08.2020).

References

1. *Adzhemoglu D., Robinson Dzh.A.* Pochemu odni strany bogache, a drugie bednye. Proiskhozhdenie vlasti, prosvetaniya i nishchety. М.: Izdatel'stvo AST, 2015. 575 с.
2. *Vallerstajn I.* Mir-sistema Moderna. Т. I. Kapitalisticheskoe sel'skoe hozyajstvo i istoki evropejskogo mira-ekonomiki v XVI veke. М.: Russkij fond sodejstviya obrazovaniyu i nauke, 2015. 552 с.
3. *Veber M.* Izbrannoe. Protestantskaya etika i duh kapitalizma. М.; SPb.: Centr gumanitarnyh iniciativ, 2017. 656 с.

4. Istorija krest'yanstva v Evrope: V 3 t. T. 2. Epoha feodalizma. M.: Izdatel'stvo «Nauka», 1986. 695 c.
5. Istorija chastnoj zhizni. T. 2: Evropa ot feodalizma do Renessansa / Pod red. ZH. Dyubi. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2015. 784 c.
6. *Kennedi P.* Vzlety i padeniya velikih derzhav: Ekonomicheskie izmeneniya i voennye konflikty v formirovanii mirovyh centrov vlasti s 1500 po 2000 g. Ekaterinburg: Gonzo, 2018. 848 s.
7. *Le Goff ZH., Tryuon N.* Istorija tela v srednie veka. M.: Tekst, 2008. 189 s.
8. *Makiavelli N.* Istorija Florencii. SPb.: Azbuka, Azbuka-Attikus, 2017. 512 c.
9. *Marks K.* Kapital. Kritika politicheskoy ekonomii. T. 1. Kn. 1. Process proizvodstva kapitala. M.: Politicheskaya enciklopediya, 2015. 794 s.
10. *Takman B.* Zagadka XIV veka. M.: Izdatel'stvo AST, 2019. 704 c.
11. *Taleb N.N.* CHernyj lebed'. Pod znakom nepredskazuemosti. M.: KoLibri, Azbuka-Attikus, 2018. 736 s.
12. *Tojnbj A.Dzh.* Postizhenie istorii. M.: Akademicheskij proekt, 2019. 802 c.
13. *Fukuyama F.* Nashe postchelovecheskoe budushchee: Posledstviya biotekhnologicheskoy revolyucii. M.: OOO «Izdatel'stvo AST», OAO «LYUKS», 2004. 349 s.
14. *SHonyu P.* Civilizaciya klassicheskoy Evropy. M.: AST MOSKVA; Ekaterinburg: U-Faktoriya, 2008. 604 s.
15. Ekonomicheskaya istoriya mira: V 6 t. T. 1. M.: KNORUS, 2008. 496 c.

В.П. КОЖЕВНИКОВ

**Антикапиталистическая ментальность
российской цивилизации***

Аннотация. В статье на основе диалектического, сравнительно-исторического и структурно-функционального методов анализируется феномен антикапиталистической ментальности России и генезиса капитализма. Дана ментальная характеристика исторических процессов в России. Особое внимание уделяется парадигмам генезиса дореволюционного и современного капитализма, выявляются их сходство и различия. Раскрывается механизм их мутации. Выявлена роль православия в генезисе капитализма, определяющего тип хозяйствования. Показаны альтернативные национальные варианты становлению капитализма, предложенные экономистами-народниками. Излагается критическая оценка высказываний В.И. Ленина о зрелости российского капитализма. Исследование дает понимание новых экономических реалий. Основными результатами анализа являются поиски альтернатив развития России.

Ключевые слова: антикапиталистическая ментальность, генезис капитализма, тип хозяйствования, капиталистический дух, православие, община, частная собственность, рынок, конкуренция, монополия.

Abstract. The phenomenon of anti-capitalist mentality in Russia and of the formation of capitalism are analyzed in the article by means of dialectical, comparative-historical as well as structural-functional approaches. Historical processes in Russia are characterized from the point of view of mentality. Special attention is paid to the paradigms of the development of pre-revolutionary and modern capitalisms, their similarities and differences are revealed. Their transformation motive is described. The role of Orthodox Christianity in the formation of capitalism which determines the type of management is demonstrated. The author describes alternative (nationally oriented) ways of the capitalism formation that

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Кожевников В.П. Антикапиталистическая ментальность российской цивилизации // Философия хозяйства. 2021. № 2. С. 114—124.

were offered by national economists. The statements by Lenin on the maturity of Russian capitalism are critically considered. The research gives insight into the new economic reality. The analysis is aimed to find an alternative way of the development of Russia.

Keywords: anti-capitalist mentality, the formation of capitalism, the type of management, capitalist spirit, Orthodox Christianity, local community, private property, market, competition, monopoly.

УДК 008(07)
ББК 6/8

Принадлежность к той или иной цивилизации выражается во внутренних духовных, психологических признаках. Каждая цивилизация живет своей особой ритмической жизнью, имеет свой ментальный культурно-генетический код, который не может изменить никакая модернизация. Последняя в случае успеха лишь позволяет сравнительно безболезненно избавиться от части присущих цивилизации жизненных ритмов, а при неудаче модернизация оборачивается стратегией уничтожения всех цивилизаций, обладающих иной ритмикой жизни и деятельности.

Какова ментальная характеристика исторических процессов в России? Онтологически они обусловлены ее природой, мессианским предназначением, Божьим промыслом. Как отмечал Ф.И. Тютчев, «Умом Россию не понять, аршином общим не измерить... в Россию можно только верить». Пророческое раскрытие сути России, ее метафизической матрицы дал Ю.М. Осипов. С его точки зрения, она не вписывается целиком и полностью в существующее вокруг на Земле, она не от мира сего, существует не для себя и не для этого мира, она иномирна [10, 265—266].

Историческое развитие России шло иным, отличным от Запада путем — минуя стадию городского хозяйства, без цеховой организации промышленности. Человек принадлежал миру, мир — ему. Земельная собственность, источник личных прав на Западе, была у нас принадлежностью общества. Государство в России выступало как системообразующий фактор экономической жизни, оно стало подлиннымдемиургом русской истории, полной фактов культурных нашествий, постоянных попыток культурного замещения, часто име-

ющих характер перманентной культурной катастрофы. Сопротивление традиций обычно приводило к отказу после реформ, а иногда и к смутным временам. Каждый раз проходил отрыв реформаторского авангарда от основ национальной культуры. Как только усиливалась прозападная ориентация, Россия входила в полосу распада, гражданских конфликтов. История России всегда служила и служит не частным интересам, а всеобщим европейским интересам — как в период нашествия Орды, так и во время Наполеоновских войн, борьбы против фашизма, сегодня против глобального ига, гегемонии США.

России приходилось выбирать не оптимальные варианты своего развития, а из плохих вариантов такой, который не привел бы к катастрофе. Здесь, в отличие от Европы, изначально существовал иной архетип общественно-государственного устройства, связанный с его инерционностью и модернизационной неподатливостью. В России всегда устанавливался режим, наиболее подходящий для защиты своего суверенитета и национальных ценностей, а народ всегда проявлял готовность изменить существующий режим в случае потери его жизнеспособности.

Тип хозяйства существенно определяется характером религии, типом религиозной духовности. Как показал М. Вебер в работе «Протестантская этика и дух капитализма», на Западе возникновение духа капитализма сопровождалось сдвигом от христианских установок к ветхозаветным. В. Зомбарт под капиталистическим духом понимал такую совокупность психических свойств и функций (душевный строй, строй мышления), для которой характерно стремление к получению законной прибыли в результате мирной, систематической хозяйственной деятельности, подчиняющейся принципу экономического рационализма, принципу организации труда [4]. В этом смысле в России подобный капиталистический дух был развит слабо. Религиозный архетип в нашей культуре сообщает ей специфический тонус и готовность менять общественную жизнь, руководствуясь критериями нравственности и справедливости, верой в конечное торжество Добра [6].

Православие не стоит на стороне частной собственности. Она воспринимается как уклонение от идеала, а капитализм рассматривается как греховное установление. Православная этика хозяйст

ния несовместима с протестантской этикой, мотивацией к труду и богатству. Системообразующую роль православия трудно переоценить. Она была решающей в формировании российского государства, русскости, духовной организации России, русской культуры, ядра российского менталитета, в формировании ментального механизма самосохранения России, русского социального характера, православной модели хозяйствования, цивилизационной антикапиталистической ментальности России [9].

Как отмечал П.Я. Чаадаев, Россия как бы показывает «всему миру, как не надо жить и чего не надо делать». И в этом огромный позитивный результат исторического развития. В ней как нигде сильны инерция истории, создающая ее катастрофизм, постоянные разрушительные инверсионные колебания — от одной крайности к другой. Своеобразие русского менталитета — преобладание православного ценностного вектора: уравнильное распределение благ, честной бедности, слабое укоренение чувства неприкосновенности частной собственности. Земля не воспринимается как основа товарного хозяйства, у большинства населения нет стремления к богатству. Образцы хозяйственной деятельности, трудовая мотивация складывались в России на основе моральной традиции, на ценностях крестьянской общины, взаимопомощи, нестяжательства, трудовой демократии, местного самоуправления. Община обладала высоким уровнем социальной защищенности, реализации принципа социальной справедливости на уравнильных началах, поддержки бедных и ограничения богатых. Существование общины было заложено в самом духе народа, в складе русского ума, как отмечал русский историк И. Миклашевский. Она определяла социальную этику народа и исключала частнособственнический образ мышления [7, 50—69].

Существует реальная опасность того, что вхождение России в мировой рынок в связи с огромной территорией, огромными транспортными издержками сделает ее «задворками мирового хозяйства» (П. Савицкий). Затратные механизмы хозяйствования, сложные условия добывания прибавочного продукта делают ее менее конкурентоспособной. А.А. Зиновьев обращал внимание на то, что Россия — цивилизация большого пространства и времени, самая холодная цивилизация в мире с рискованным земледелием и суровой зимой. Капитализм здесь в его классической форме запоздал и оказы-

вается в его нынешней модели нежизнеспособным по природно-географическому фактору, который делает его проблематичным. Налицо неоднородность и неравномерность экономического развития капитализма в регионах из-за пространственного неравенства. Утрачивается связность страны. Капитализм не увеличивает экономическую эффективность территорий, приводит к запустению окраин, концентрации бизнеса только в сырьевых регионах [5, 177].

В России — как в дореволюционном капитализме, так и в современном — нет устойчивой территориальной структуры капиталистической экономики как системы, сформированной совокупностью рыночных факторов. Капитализм не способен на основе свободного рынка и неработающей частной собственности создать сильную Россию, обеспечить разумный уровень жизни для большинства народа.

К. Маркс считал, что, если капитализм победит в России, то произойдет это иначе, чем в Европе. Он подчеркивал, что произведенный им анализ процесса возникновения частнособственнического капитализма в Западной Европе неприменим к российской действительности, поскольку земля не является и никогда не была в России собственностью землевладельца. Сегодня сторонники частной собственности на землю резонно опираются на его высказывания, что азиатский способ производства приводит к застою в экономике, деспотизму и низкому жизненному уровню людей. Действительно, частная собственность на землю в западных странах — великое завоевание. В России совершенно другие условия и традиции. Здесь обилие земли, как подчеркивал Ф. Бродель, избыток ее сверх всякой меры. Именно это было причиной отсутствия частной собственности на землю. За тысячелетнюю историю России крестьянская земля не продавалась [3].

Проведем некоторые параллели между становлением капитализма в период царской России и его современным генезисом. Обнаруживается удивительная повторяемость процессов, форм и особенностей его генезиса. Создается впечатление, что капитализм в России носит порой формальный, неорганический характер. Здесь так и не сложились все главные компоненты целостной капиталистической формации. Условия развития российской цивилизации, генезис капитализма были иные. Россия была единственной страной в мире, которая имела такой хозяйственный уклад, который позволял ей само-

стоятельно существовать независимо от иностранного ввоза и вывоза. Бродель назвал неслучайно назвал одну из глав книги — «Россия — долгое время сама по себе мировая экономика», т. е. имеющая независимое от внешней среды самостоятельное хозяйство. По мнению Броделя, Россия всегда оставалась «неокапиталистической» страной, не вовлеченной полностью в иерархию мирохозяйственных связей [3, 453—480]. Становление капитализма в обоих периодах характеризовалось крайне медленными, растянутыми на столетия процессами. Как до революции, так и в настоящее время в России наблюдается очаговое, неравномерное развитие капитализма.

В.И. Ленин в «Развитии капитализма в России» оценивал русский капитализм без оговорок как прогрессивное явление, оставляя без внимания положение Маркса об особом пути России, не увидев возможности использовать социалистические потенции крестьянства, только в конце жизни приблизившись к их признанию в статье «О кооперации». Думается, не выдерживает критики ленинский тезис о том, что Россия была страной среднеразвитого капитализма, как и переоценка степени ее зрелости. Ленин ошибочно считал, что отмена крепостного права вызвала ускоренное развитие капитализма в деревне, хотя в действительности она не столько способствовала развитию капитализма, сколько консервировала феодальные, архаичные экономические структуры. Он переоценивал развитие деревенской буржуазии, которой в России не было.

В отличие от других европейских стран промышленность России развивалась неравномерно и не естественным путем, а под контролем государства, и недостаточно стимулировалась внутренним рынком. В таких условиях, как пишет А.С. Ахиезер, трудно говорить о капитализме, о его господстве [2, 61—62]. Эта иллюзия стимулировалась возрастающим заимствованием его технической базы. Государство распоряжалось трудовыми ресурсами, устанавливало цены, производственные квоты и т. д., т. е. брало на себя функции регулирования хозяйства, имитировало рынок. Капитализм развивался в докапиталистической среде в форме анклавов и нуждался в государственной поддержке [1, 259]. Три четверти общинного крестьянства стремилось к укреплению уравнительности и прежде всего в тех анклавах, где капитализм получил значительное развитие. Крестьянство противостояло экономической необходимости капитализма. Народ в целом не принял ценности и символы буржуазного мира.

В 242-х наказах осенью 1917 г. крестьянство отказало капитализму в запрещении наемного труда и высказалось за уравнительное землепользование.

Весной 1917 г., как отмечал А. Кизеветтер, возник феномен повальной моды на социализм, изумляющей иностранцев, — российское общество стремилось найти особенные пути развития, минуящие капитализм с его пороками. К.П. Победоносцев и М.Н. Катков говорили о неприменимости западного пути для России. Население не желало признавать, что стране нужно пройти путь развития частной собственности [6, 180—182].

Государство в России являлось структурным элементом в механизме реализации нарождающейся буржуазной собственности. Российское «первоначальное накопление капитала» сильно отличалось от «классического» английского образца. Оно закончилось в России только в годы сталинской «революции сверху». Утверждение либеральных народников о том, что капитализм в России «тепличное растение» и насаждается правительством, имело под собой основание и остается актуальным для характеристики современного российского капитализма.

В обеих фазах генезиса российского капитализма логика форсированного развития для преодоления отсталости диктовала курс на поощрение крупнейших фирм. Монополии вздували цены и ограничивали масштабы производства. Особенно это было характерно для нефтяной промышленности. Неслучайно еще Маркс обращал внимание на паразитический характер частнособственнического капитала.

Капитализм в России имел запоздалый характер вторичного развития. Господствующим типом стало мелкобуржуазное крестьянское хозяйство, налицо были узость рынка рабочей силы, отсутствие традиции «экономического либерализма», длительное господство торгового капитала, слабая конкуренция, низкая предприимчивость населения и частной инициативы (капиталистический дух).

В.П. Воронцов не без основания считал необходимым сохранить старую форму общественной организации труда в деревне и артельные начала в кустарных промыслах, приспособив к ним развитие крупной промышленности. О необходимости «привить к общине» крупную промышленность говорил и другой народник — Н. Даниельсон. Не эту ли задачу, как пишет иркутский исследователь

М.П. Рачков, выполняли большевики, видоизменив общину в колхозы и совхозы и сделав их источником нового витка индустриализации России [11].

Современный российский капитализм, не учитывающий национальные особенности, не способен нести прогресс. В нем нет механизмов эволюции, адекватных задачам постиндустриальной эпохи. Компрадорский капитал стоит на страже отсталого, низшего капитализма, заикленного на краткосрочной прибыли. Он носит антивеберовский характер. Прирост капитала, богатства не связан с производством и трудом. В России на долю наемного труда приходится немного более трети национального дохода. Банковская система неокOLONиальна, удельный вес иностранного капитала в экономике доведен до 75%. 95% крупной собственности выведено из юрисдикции России и находится в оффшорных зонах, что приводит к тому, что экономические интересы не работают. Реформы привели к использованию ВВП в интересах буржуазии [8, 194—210].

Созданная сырьевая, затратная модель капитализма малоспособна к изменениям. Не работает циклическая динамика развития России. Социокультурные факторы, менталитет блокируют социально-экономическую детерминацию, прерывают ритм развития или искажают его, не прерывая. Власть фактически, на деле отказалась от модернизации страны и продолжает политику деиндустриализации России. О каком экономическом развитии можно говорить, если в стоимости продукции налоги составляют 64%!

Современный российский капитализм также не может стать рычагом для того, чтобы стать «организатором» труда, перевернуть экономическую организацию страны. В России возобладали стимулы не к накоплению капитала, а к грабежу государственной собственности. Теневые экономические операции охватили все стороны общественного воспроизводства. Передача сырьевого сектора в частные руки стала шагом назад. Сверхдоходы владельцев природоэкспортирующих объектов придушили не только конкуренцию, но и всю экономику в целом. Из 20 тыс. месторождений почти 85% наиболее продуктивных отданы в частные руки при мизерных платежах за пользование [13, 42].

В.П. Воронцов одним из первых понял, что завершить индустриализацию России обычным капиталистическим путем будет практически невозможно. Поэтому он предлагал решить проблемы

обобществления труда в рамках России по-некапиталистически. Менталитету россиян наиболее соответствует акционерный капитал. Не случайно Россия в начале XX в. была вне конкуренции по разнообразию акционерных обществ. Будущее должно принадлежать свободным ассоциациям производителей: производственным кооперативам и коллективным предприятиям, в которых производители становятся собственниками.

Капитализм в России образовался не из конкурентной борьбы, как на Западе. Поэтому он тормозит технический прогресс, сдерживает специализацию производства, деградирует его структуру, препятствует выработке комплекса мер, развивающих частную инициативу. Тотальное неприятие идеалов капитализма большинством населения до 1917 г., антикапиталистическая ментальность страны настолько очевидны для большинства историков на Западе, в отличие от наших «зашоренных ученых», что они пришли к выводу, что Россия в 1917 г. не могла пойти по пути частнокапиталистического развития.

Наш доморощенный капитализм — искусственный мутант, полная ему противоположность, ибо в нем заложены саморазрушительные потенции, обусловленные его сырьевой природой. Частная собственность не работает, так как не стимулирует научно-технический прогресс, расширенное производство. Существующая модель капитализма в России сделает выход из кризиса очень медленным, а стагнация может затянуться на десятилетия. Поэтому капитализм в России можно характеризовать как паразитический, загнивающий, не имеющий своей материально-технической базы. Это ублюдок классического капитализма.

Как отмечает Ю.М. Осипов, реформы в России подменили развитие и стали орудием разрушения, беспрецедентной атаки сверху на общество, на самого человека [12, 260]. Крупномасштабная, регрессивная структурная трансформация народного хозяйства, препятствующая расширенному воспроизводству производственного капитала, неспособность обеспечить динамику инвестиций в основной капитал предопредели будущее российского капитализма. Российская антикапиталистическая ментальность всегда характеризовалась природно-потребительским типом хозяйства. Сырьевая модель российского капитализма есть не что иное, как вариация того же природно-

потребительского, инновационного типа хозяйствования. Денационализация природных ресурсов и деиндустриализация лишили Россию возможности развития и породили коррумпированное государство, не имеющее исторического будущего.

Литература

1. *Ахиезер А.С.* Россия: критика исторического опыта (социокультурная динамика России): В 2 т. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1998.
2. *Ахиезер А.С.* Социально-культурные проблемы развития России. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1992.
3. *Бродель Ф.* Время мира. М.: Прогресс, 1992.
4. *Зомбарт В.* Буржуа. М.: Наука, 1994.
5. *Кара-Мурза С.Г.* Спасти Россию. Как нам выйти из кризиса. М.: Алгоритм, 2013.
6. *Кожевников В.П.* Ментальность российской цивилизации: история и методология исследования. М.: Гуманитарный институт, 1998.
7. *Кожевников В.П.* Почему Россия отторгает западную модель частнохозяйственного капитализма. Н. Новгород: «Новация», 2010.
8. *Кожевников В.П.* Структурный кризис российского капитализма // *Философия хозяйства*. 2018. № 1.
9. *Кожевников В.П., Троицкий О.Я.* Православие и русская цивилизация. Н. Новгород: «Кириллица», 2012.
10. *Осинов Ю.М.* Россия как Россия // *Философия хозяйства*. 2016. № 3.
11. *Рачков М.П.* Политико-экономические прогнозы в истории России. Иркутск: Иркутский университет, 1993.
12. *Сухина Т.С.* От реформы к реформированию // *Философия хозяйства*. 2016. № 3.
13. *Чепасова Э.* Структурная перестройка и качество роста // *Экономист*. 2005. № 3.

References

1. *Ahiezer A.S.* Rossiya: kritika istoricheskogo opyta (socio-kul'turnaya dinamika Rossii): V 2 t. Novosibirsk: Sibirskij hronograf, 1998.

2. *Ahiezher A.S.* Social'no-kul'turnye problemy razvitiya Rossii. Novosibirsk: Sibirskij hronograf, 1992.
3. *Brodel' F.* Vremya mira. M.: Progress, 1992.
4. *Zombart V.* Burzhua. M.: Nauka, 1994.
5. *Kara-Murza S.G.* Spasti Rossiyu. Kak nam vyjti iz krizisa. M.: Algoritm, 2013.
6. *Kozhevnikov V.P.* Mental'nost' rossijskoj civilizacii: istoriya i metodologiya issledovaniya. M.: Gumanitarnyj institut, 1998.
7. *Kozhevnikov V.P.* Pochemu Rossiya ottorgaet zapadnuyu model' chastnohozyajstvennogo kapitalizma. N. Novgorod: «Novaciya», 2010.
8. *Kozhevnikov V.P.* Strukturnyj krizis rossijskogo kapitalizma // *Filosofiya hozyajstva*. 2018. № 1.
9. *Kozhevnikov V.P., Troickij O.YA.* Pravoslavie i russkaya civilizaciya. N. Novgorod: «Kirillica», 2012.
10. *Osipov YU.M.* Rossiya kak Rossiya // *Filosofiya hozyajstva*. 2016. № 3.
11. *Rachkov M.P.* Politiko-ekonomicheskie prognozy v istorii Rossii. Irkutsk: Irkutskij universitet, 1993.
12. *Suhina T.S.* Ot reformy k reformirovaniyu // *Filosofiya hozyajstva*. 2016. № 3.
13. *СНepasova E.* Strukturnaya perestrojka i kachestvo rosta // *Ekonomist*. 2005. № 3.

Т.И. КОПТЕЛОВА

**Ультразкономика в условиях пандемии:
от трансмеханицизма к органической парадигме хозяйства***

Аннотация. В статье рассматривается возможная альтернатива угасающей ультразвукономики — многоукладная, пластичная экономика, основанная на этнических традициях организации хозяйственной жизни. Анализируются противоположные интеллектуальные традиции: экономический трансмеханицизм и органическая па-

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Коптелова Т.И. Ультразкономика в условиях пандемии: от трансмеханицизма к органической парадигме хозяйства // *Философия хозяйства*. 2021. № 2. С. 124—135.

радикализма хозяйства. Исследуются некоторые особенности современной экономической ситуации, возникшей в связи с глобальным распространением вируса COVID-19. Раскрываются возможные перспективы реализации органической парадигмы хозяйства в России начала XXI в. Представляется проблема «диктатуры общих интересов» в парадигме сбережения природного и культурного многообразия. Рассматривается экономическое творчество как ответ современным глобальным вызовам и как путь к воссозданию инновационно-традиционной экономической системы, открывающей будущее для новых поколений и культур.

Ключевые слова: культура, нравственный идеал, пандемия коронавируса, парадигма органической философии, органическая парадигма хозяйства, хозяин, ультраэкономика, финансовый капитал, экология, экономическая теория.

Abstract. The article considers a possible alternative to a fading Ultra-Economy — a multi-layered, plastic economy based on the ethnic traditions of organizing economic life. Opposite intellectual traditions are analyzed: economic transmechanicism and the Organic Paradigm of Economy. Some features of the current economic situation arising from the global spread of the COVID-19 virus are being investigated. Possible prospects of realization of Organic Paradigm of Economy in Russia of the beginning of XXI century are revealed. The problem of the «dictatorship of common interests» in the paradigm of saving natural and cultural diversity is being investigated. Economic creativity is seen as a response to modern global challenges and as a way to recreate an innovative and traditional economic system that opens the future to new generations and cultures.

Keywords: culture, moral ideal, coronavirus pandemic, Paradigm of Organic Philosophy, Organic Paradigm of Economy, host, Ultra-Economy, financial capital, ecology, economic theory.

УДК 330, 101

ББК 65в

Введение

Чем живет современный человек? Как изменились его ценности и устремления в условиях пандемии коронавируса? Глобальное

распространение вируса COVID-19 заставило человечество вспомнить о собственной биологической природе, ее уязвимости и неуправляемости. Биосфера еще раз напомнила: человек не является полноправным хозяином планеты Земля. Пандемия заставляет менять устоявшийся быт и формы хозяйственной деятельности. Массовость становится опасной так же, как открытые границы и транснациональные экономические проекты. Так, пандемия возвращает человека в пределы определенной географической территории, в контекст этнической культуры, заставляет заново задуматься о собственной природе.

Пандемия коронавируса возрождает в сознании человека мир конкретных понятий, непосредственно сопряженных с обычными вещами и фактами. Необходимость перехода от абстрактных ценностей ультраэкономики к конкретным вопросам традиционной хозяйственной жизни способствует восстановлению забытых интеллектуальных традиций, среди которых находится органическая философия. Органическая философия в этих условиях интересна тем, что способна к масштабной интеграции знаний без отрыва от конкретного контекста этнической культуры. Современному человечеству необходима новая парадигма — картина живого мира, в противоположность разрушающемуся и умирающему. Здесь возможно применить уже имеющийся потенциал органической философии: 1) методологию интеграции естественнонаучных знаний с философскими теориями, образным восприятием мира в искусстве и устойчивыми духовными ценностями, предлагаемыми традиционными религиями; 2) пластичность и цельность — творческое переживание и разрешение современных вызовов-проблем, индивидуальное раскрытие целостных (завершенных) духовных идеалов этнической культуры; 3) евразийская (на примере России) историческая практика согласования разнообразных культурных традиций [4, 10—12]. Особенно актуальной здесь представляется парадигма хозяйства, создаваемая на основе органической философии.

Органическая парадигма хозяйства и диктатура общих интересов

Непредсказуемость будущего в условиях пандемии способствует уменьшению роли транснационального финансового капитала, не обладающего этническими культурными основаниями, но

паразитически существующего за счет самых разных стран и народов. Закрытие границ, приостановка многих транснациональных проектов заставляют политиков все чаще отказываться от использования транснационального финансового капитала — одной из абстракций ультраэкономики. Ультраэкономика не способна долго существовать в условиях глобальной неизвестности будущего, так как по своей природе представляет тонкую систему коммерческих, трансфинансовых отношений, не связанную с потребностями конкретного географического и этнокультурного пространства. Пандемия — «время Неизвестности» [8, 32], раскрывающее подлинную сущность ультраэкономики как абсолютного ничто. Об этом отчасти свидетельствует и разрушение идеалов денежного фетишизма, так как болезнь не щадит никого (ни бедных, ни богатых). Что способно сделать общество? Возможно ли преодолеть неизвестность и стремиться к обозримым идеалам будущего? Оптимистический ответ позволит надеяться и преодолевать, а пессимистическая оценка ситуации откроет свободу активной деградации.

Органическая парадигма хозяйства способствует изменению сознания современного человека через представления определенности мира, она возвращает в конкретный контекст реальности. Это оптимистический ответ сегодняшней неизвестности. Органическая парадигма хозяйства невозможна без индивидуального и коллективного творчества [7, 99—100]. Она предполагает живую хозяйственную деятельность, наполненную энергией жизнеутверждения и альтруистической любви. Как географическое пространство в органической философии нельзя рассматривать вне биосферы, вне конкретных биогеоценозов, так и подлинно живая хозяйственная деятельность невозможна вне своей определенной этнической культуры. Все чаще современные исследователи «говорят об экономике будущего, создаваемой новой диктатурой» [8, 30], «авторитарным мироустройством государств» [1, 33], «диктатурой, владеющей полигибридными методами укрощения суицидного демонизма свободы» [11, 49—50]. С точки зрения органической парадигмы хозяйства диктатура будущего — это исключительно диктатура общих интересов. Дело в том, что в условиях катастроф важно помнить, что индивидуальное выживание и личностное продолжение в последующих поколениях возможны лишь в условиях сохранения жизни целого этноса. Сохране-

ние общества как функциональной целостности и естественного продолжения биосферы невозможно без творческой активности и жизнеутверждения как коллективного принципа, общего интереса. Само по себе жизнеутверждение предполагает сочетание интересов ныне живущих и будущих поколений, поскольку оно подразумевает проявление жизни во всем ее многообразии, без ограничения во времени. Проявлением диктатуры общих интересов можно считать также альтруистическую любовь, поскольку она преодолевает индивидуальную эгоистическую замкнутость и органично вводит человека в мир природы и культуры.

Именно диктатура общих интересов позволяет реализовать важнейшие составляющие органической парадигмы хозяйства: 1) биогеохимическую обусловленность экономики; 2) историко-культурный контекст хозяйства — развитие моделей организации жизни, присущих коренным народам; 3) стратегическое планирование экономической деятельности будущих поколений в масштабах государства; 4) внутрирегиональное дополнение (творческую работу региональных политических и экономических субъектов, направленную на формирование эффективных и взаимовыгодных связей с соседними регионами); 5) нравственную устойчивость общества, основывающуюся на оптимизме жизнеутверждения и альтруистической любви в хозяйственном обустройстве жизни; 6) адаптацию цифровых технологий в соответствии с потребностями конкретных регионов; 7) одновременную включенность хозяйственных субъектов в отдельный региональный и общегосударственный экономический контекст [6, 72—73].

Сама по себе органическая парадигма хозяйства в условиях глобального распространения вируса COVID-19 позволяет увидеть за изощренно-утонченной формой ультраэкономики содержание — реальную жизнь людей, их переживания. Органическая парадигма хозяйства помогает восстановить путь от человека к человеку в экономической жизни, возобновить межличностные отношения в конкретном времени и пространстве. При этом природоподобие цифровых технологий, без которых невозможно представить современную деятельность, предполагает не покорение времени и пространства (сведение их к минимуму), а, напротив, расширение за счет творческого переживания в процессе активного созидания [5, 89—92]. И в этих условиях именно человеческая личность выступает как главная

экономическая ценность и цель хозяйственной деятельности. При этом личность в традиционном понимании (духовная и творческая), а не постчеловек — модифицированный продукт трансмеханистического сознания.

От трансмеханицизма потребления к органичности экономического творчества

Беспредельные потребительские запросы современного цивилизованного человека сформировались под влиянием европейской культуры, планетарно распространяющей механистический (абстрактно-математический) стиль мышления, не учитывающий природные и культурные различия, поэтому претендующий на универсальность. К концу XX в. уже можно было говорить о трансмеханицизме — глобальной технологической унификации не только материального, но и духовного производства. Органическая парадигма хозяйства предполагает возможность индивидуального и «сборного» творчества, т. е. отвлечение от глобализированного чужого мира и возвращение в свой дом, к себе самому. Невозможно творить абстрактно вне самопонимания и самореализации. Пандемия коронавируса — чрезвычайная ситуация для всех стран и народов, заставляющая вернуться к самому себе.

Хозяйственная деятельность в парадигме органической философии подразумевает самопознание и самореализацию. Творчество личности предполагает наличие у человека целостной картины мира. Самопознание способствует достижению согласованности личности с окружающей природной и культурной действительностью, при этом человек не теряет собственного лица, и таким образом, происходит «сравнительное самопознание» [10, 135]. Человек в своей хозяйственной деятельности постоянно разделяет мир (он и анализирует, и конструирует, что выражается в механистической интеллектуальной традиции). Поэтому человечеству к началу XXI в. удалось создать насыщенную техносферу, которая существует за счет биосферы, превращаясь в ее противоположность. Техника мертва, она не способна к саморазвитию вне человеческого творчества, и это отличает ее от живых организмов и указывает: техносфера — не целостное явление, а фрагмент жизнедеятельности общества. Целостность — неотъемлемый признак живой природы. Методология орга-

нической философии дает возможность применять принцип целостности в рассмотрении отдельного народа (этноса) и создаваемой им культуры. При этом человеческая личность выступает как безусловная духовная и материальная целостность [4, 13—14]. Такой методологический подход особенно актуален для изучения современного экономического творчества. Так, органическая парадигма хозяйства ориентирована, прежде всего, на человека — уникальную творческую личность.

В центре внимания органической парадигмы хозяйства находится созидательный человек. При этом хозяйственная модель здесь строится на прочном основании альтруистического творчества, раскрывающего не только уникальность личности, но и особенности определенной этнической культуры. Этническая экономика выступает как одна из возможных традиций организации жизни. А само понятие «жизнь» предполагает и конкретный пространственно-временной контекст, и духовное основание в культуре общества, выступая как важнейшая ценность. Поэтому можно одновременно применить естественнонаучное определение жизни и понимание ее в качестве культурной универсалии. В этой связи Л.Н. Гумилев, например, исследует феномен жизни как энергетическое явление, обладающее собственным биогеохимическим контекстом [3, 511]. В парадигме органической философии жизнь всегда индивидуальна, но она также является результатом согласованного существования множества других неповторимых жизней [2, 41]. Парадигма органической философии рассматривает жизнь и как духовное явление [9, 279—283].

Экономическая деятельность с точки зрения органической парадигмы неотделима от духовной сферы общества. Хозяйство, в органической парадигме, — основа быта и в то же время воплощение универсальных духовных ценностей. Универсальный характер духовных ценностей (добра, истины, красоты, справедливости) делает их понятными для многих поколений, не знает национальных границ. И с точки зрения Л.Н. Гумилева, универсальное в культуре — это воплощение аттрактивности (от латинского «*attractio*» — влечение или стремление), т. е. способность человека к раскрытию своего духовного мира через индивидуальное устремление к высшим (абсолютным, завершенным) идеалам [2, 29]. Аттрактивность всегда формируется в системе отдельной этнической культуры и реализуется за счет индивидуального творчества, обращенного в будущее. Таким

образом, будущее уже действует в настоящем, осуществляя свой выбор самых активных, творческих представителей этноса и закрывая путь чрезмерному эгоистическому потреблению материальных благ. В этой связи органическую парадигму хозяйства можно рассматривать как переход от подчинения транснациональному финансовому капиталу глобализированной экономики (экономического механицизма — абстракции) к свободе хозяйственной организации жизни каждого отдельного этноса (предметному и созидательному управлению).

Суверенитет хозяйственной жизни этноса предполагает реализацию определенных нравственных идеалов. И в органической парадигме хозяйства нравственным идеалом экономической жизни выступает индивидуальное творческое предпринимательство, направленное на процветание отдельного населенного пункта и страны в целом. Такая предпринимательская деятельность заключается в производстве материальных и духовных благ с применением новейших технологий в контексте определенных культурно-исторических традиций. В этом случае предприниматель выступает как подлинный хозяин, т. е. личность, несущая ответственность за собственную жизнь, за своих близких и за страну в целом [6, 10].

Переход от трансмеханистического потребления к органичности экономического творчества сам по себе непрост, но он необходим в экстремальных условиях мировой эпидемии, в эпоху разрушения западной духовной культуры. Это творческий ответ вызовам современности — воссоздание инновационно-традиционной экономической системы, мозаично соединяющей этнические хозяйственные уклады, открывающей будущее для новых поколений и культур. Органическая парадигма хозяйства содержит методологию, применимую для восстановления этнических хозяйственных традиций и согласования с ними новейших информационных технологий. Согласовывать и преобразовывать разнообразные хозяйственные уклады может лишь творческая личность.

Заключение

Ультраэкономика в условиях пандемии выступает как безнадежная инерция техногенной западной цивилизации. Превращение ультраэкономики в осознаваемое ничто способствует поиску новых парадигм экономической жизни. Органическая парадигма хозяйства,

опирающаяся на интеллектуальные традиции русской философии, современные научные открытия в области изучения природы и достижения этнологии, открывает путь к возвращению и преобразению этнических форм хозяйственной деятельности, к развитию многоукладной, пластичной экономической системы. Вернуться к традициям можно лишь в том случае, если эти традиции еще присутствуют в повседневной жизни общества. Смысловым центром органической парадигмы хозяйства является личность, раскрывающая в своем творчестве уникальную неповторимость этнической системы, к которой она принадлежит.

Суверенитет хозяйственной жизни — это еще один принцип многоукладной экономической системы. Примером его реализации может быть Россия, сохранившая к началу XXI в. различные этнические традиции организации хозяйства. И у России здесь особая роль в сбережении природного и духовного богатства планеты и человечества. Обладая самой большой территорией, наша страна через промышленность и сельское хозяйство воздействует на климат планеты [12], а этническое разнообразие ее населения — пример соборного единства культур, возможности согласования самых разных интересов ради жизни будущих поколений. Оптимистическое жизнеутверждение позволяет сформировать важнейшие ценности экономики будущего: 1) сохранение жизни и здоровья человека; 2) возможность согласования частных и общих интересов; 3) равноправное сотрудничество на всех уровнях экономической организации; 4) сбережение природного и культурного многообразия биосферы и антропосферы; 5) преемственность традиций созидательной деятельности; 6) способность к межкультурному диалогу; 7) творчество отдельной личности и целого народа, который на исторической арене может выступать как «многочеловеческая» личность. Вызовы настоящего открывают путь в будущее лишь тем народам, которые способны к творческому решению непредсказуемых проблем, которые не утратили оптимистического предвосхищения будущего и готовы действовать в любых условиях ради жизни будущих поколений.

Литература

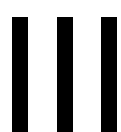
1. *Гузев М.М.* Философско-хозяйственные уроки коронавируса COVID-19 // *Философия хозяйства.* 2020. № 4. С. 32—49.

2. *Гумилев Л.Н.* Чтобы свеча не погасла: Сборник эссе, интервью, стихотворений, переводов. М.: Айрис-Пресс, 2003. 560 с.
3. *Гумилев Л.Н.* Этногенез и биосфера Земли. М.: ООО Издательство АСТ, 2001. 560 с.
4. *Коптелова Т.И.* Картина живого мира в парадигме органической философии // *Философская мысль*. 2018. № 11. С. 1 — 15.
5. *Коптелова Т.И.* Природоподобие цифровых технологий в парадигме органической философии // *Философия хозяйства*. 2019. № 4. С. 83 — 95.
6. *Коптелова Т.И.* Ультраэкономика и ультраэксплуатация: возможности преодоления в органической парадигме хозяйства // *Философия хозяйства*. 2020. № 2. С. 68 — 82.
7. *Коптелова Т.И.* Экономическая эффективность с точки зрения экологии: от ультраэкономики к органической парадигме хозяйства // *Философия хозяйства*. 2020. № 1. С. 96 — 103
8. *Осипов Ю.М.* Актуальная Россия: перемены — пандемия — перемены! // *Философия хозяйства*. 2020. № 4. С. 11 — 32.
9. *Соловьев В.С.* Полное собрание сочинений и писем: В 20 т. Т. 2. М.: Наука, 2000. 395 с.
10. *Трубецкой Н.С.* Наследие Чингисхана. М.: Аграф, 2000. 560 с.
11. *Шулевский Н.Б.* COVID-19 — полигибридная пандемия свободы... // *Философия хозяйства*. 2020. № 4. С. 49 — 68.
12. *Zimov S.A.* Pleistocene park: return of the mammoth ecosystem // *Science*. 2011. Т. 308. С. 796.

References

1. *Guzev M.M.* Filososfsko-hozyajstvennyye uroki koronavirusa COVID-19 // *Filosofiya hozyajstva*. 2020. № 4. С. 32—49.
2. *Gumilyov L.N.* Chtoby svecha ne pogasla: Sbornik esse, interv'yu, stihotvoreniy, perevodov. M.: Ajris-Press, 2003. 560 s.
3. *Gumilyov L.N.* Etnogenez i biosfera Zemli. M.: OOO Izdatel'stvo AST, 2001. 560 s.
4. *Koptelova T.I.* Kartina zhivogo mira v paradigme organicheskoy filosofii // *Filosofskaya mysl'*. 2018. № 11. S.1—15.

5. *Koptelova T.I.* Prirodopodobie cifrovyh tekhnologij v paradigme organicheskoj filosofii // *Filosofiya hozyajstva*. 2019. № 4. S. 83—95.
6. *Koptelova T.I.* Ul'traekonomika i ul'traekspluatatsiya: vozmozhnosti preodoleniya v organicheskoj paradigme hozyajstva // *Filosofiya hozyajstva*. 2020. № 2. S. 68—82.
7. *Koptelova T.I.* Ekonomicheskaya effektivnost' s tochki zreniya ekologii: ot ul'traekonomiki k organicheskoj paradigme hozyajstva // *Filosofiya hozyajstva*. 2020. № 1. S. 96—103
8. *Osipov Yu.M.* Aktual'naya Rossiya: peremeny — pandemiya — peremeny! // *Filosofiya hozyajstva*. 2020. № 4. S. 11—32.
9. *Solov'yov V.S.* Polnoe sobranie sochinenij i pisem. V 20 t. T. 2. M.: Nauka, 2000. 395 s.
10. *Trubeckoj N.S.* Nasledie Chingiskhana. M.: Agraf, 2000. 560 s.
11. *Shulevskij N.B.* COVID-19 — poligibridnaya pandemiya svobody... // *Filosofiya hozyajstva*. 2020. № 4. S. 49—68.

**АКТУАЛЬНАЯ
ФИЛОСОФИЯ**

Н.Б. ШУЛЕВСКИЙ

**Мир Иной — альтернатива «мирам умным»
и «мирам безумным»***

Аннотация. Исследуется динамика контекстов современного мира. Контекст чистого разума возник в эпоху Просвещения, породив цепь социальных и научно-технических революций, длящихся и поныне в формах научно-технического прогресса, «цветных революций» и «бесцветных цифровизаций». Но этот контекст привнес роковое заблуждение в западный мир, отождествив идеальность и абстрактность, отделив сознание, мораль и сакральность от разума, что повлекло за собой деградацию социума и человечности. Запад пытается исцелить себя посредством цифровизации, но она вовсе загоняет его в угол античеловечности, возвращая неведомого социотехночеловеческого монстра. Русская философия, не отрицая логические каноны разума, создала софиасофский контекст, в котором доминируют духовно-смысловые импровизации сознания, поиски мятежной совести; в этом контексте и выявляет свое бытие мир Иной, опирающийся на правду, меру и справедливость. И этот мир представляет альтернативу мирам умным и мирам безумным, скрывающимся в цифровых зарослях цифровизации.

Ключевые слова: контекст разума, мир Иной, контекст софиасофии.

Abstract. The article investigates the dynamics of historical contexts in the modern world. The pure mind context arose in the Enlightenment causing a chain of social and scientific and technical revolutions which continue to this day in the forms of scientific and technological progress and «color digitalization's» hybrids. But this context brought fatal delusion to the Western world identifying ideality and abstraction which

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Шулевский Н.Б. Мир Иной — альтернатива «мирам умным» и «мирам безумным» // Философия хозяйства. 2021. № 2. С. 137—150.

entailed the society and humanity degradation. The West tries to heal itself through the digitalization but it completely drives him into the side of an antihuman. Russian philosophy created a sophiasophical context, in which spiritual and semantic improvisations of consciousness and the search for rebellious conscience dominate; they found Another world based on truth, measure and justice. And this world today presents the only alternative to the smart and crazy worlds hiding in lousy thickets of digitalization.

Keywords: mind context, Another world, sophiasophy context.

УДК 11, 13
ББК 87.1

Мир Иной актуально действителен всегда, но сегодня он сам обращается к нам, стучится в наши сердца и души, требует от нас открыть врата ума и сознания для его спасительных смыслов, дабы донести до нас ту истину, что бытие, мир, человек субстанциально укоренены в мире Ином и держатся именно его скрытыми энергиями¹. Само Иное вопрошает сегодня человека: «А что есть Я — Иное, ответь мне, человеке умный?». И не ответить нельзя, ибо Иное — это криптотермин вещей, термин-вестник, предполагающий адекватную смысловую реакцию адресата. А Иное ему говорит: «Мил человек, ограничил ты себя, поэтому о мире Ином вопросы не задаешь!». Почему, к примеру, Иное именно в XX в. обратилось к людям?

Но сначала нужно устранить нагло-примитивное и пагубное истолкование мира Иного как загробной обители. Доля истины в этом воззрении есть; загробный мир существует лишь для того, кто не нужен ни миру живому, ни миру Иному, кто является лишь случайным фактом туризма и топографии. Ведь сам загробный мир состоит из Рая («Царства Небесного»), Ада и опять-таки мира Иного, который потаенно участвует в каждом бытии, акте познания, в каждом решении и действии людей, являясь неисчерпаемым источником энергии непрерывного творческого поиска миром и человеком муд-

¹ «Трудное и истинное заключается в том, чтобы показать, что то, что есть иное, есть то же самое, — а то, что есть то же самое, есть иное, и именно в одном и том же отношении» [1, 177].

рости Великой Неизвестности. А призрак загробного мира оскорбляет, искажает святой облик, великую мудрость мира Иного, заодно грязня чистые воды веры.

Осмысленное изучение предмета возможно лишь в пространстве целостности, контекста бытия, ибо человек всегда имеет дело с частями целого, а целое всегда видит в человеке часть, стремящуюся постичь импровизацией мудрость Великой Неизвестности.

Великая Неизвестность устанавливает Первоконтекст, в составе которого формируются сингулярные, частные и единичные контексты. Макроконтексты обычно формируют мировые религии. Так, Христос создал контекст сакрально-мирского образа человеческого, разрушать который начало огосударствление христианства, подменяющее его образами человека властвующего, служащего и эксплуатируемого. Ислам создал контекст богооткровенного спасительного закона, служащего человеку бесконечным «субъектом» милосердия, определяющим, что есть человек, добро и зло, что должен и чего не должен он делать в этой жизни.

Но сегодня нет мировой религии, способной создать новый *контекст*, а контексты наличных религий уже не могут обеспечить безопасность человека, да и самих себя от внутреннего самоотрицания. А без всеобщего контекста — «все дозволено» и праведна лишь ложь насилия.

Контекст современного мира сложился в кровавом зареве 1793 г., свершившего вдвойне кощунственный обряд: разум, как еврея, обрезали, отделив его от Бога, и как новоявленного почетного католика окрестили, отделив его от осознания, возводя его в сан бога — Высшего (Верховного) Существа. Революция сделала разум новым Мессией, а человека из Божьего творения превратила в *Homo sapiens*.

Но в этом извращенном обряде порождения чистого-пречистого разума, свободного от Бога и осознания, незамеченно свершилось главное чудовищное извращение разума. Состояло оно в том, что идеальность разума в облике целостного Духа была заменена его логической и системной абстрактностью, берущей свое начало в отпадении (отвлечении?!) Вельзевула, т. е. части от полноты идеальности Бога. Дьявол стал первой абстракцией мира, отцом неисчисли-

мых абстракций, всегда готовых заменить своей абстрактностью идеальность бытия, наук, искусств, морали, религий, жизни, разума и сознания, самого человека.

Крещенному и обрезанному разуму Просвещения, ставшему неосознанным эталоном мысли почти всех интеллектуалов и ученых современного Запада, мир Иной не по зубам, даже если СМИ подадут его в протертом виде. Иное вообще не по зубам чистому разуму научной философии, да и ненаучной тоже! В качестве примера может служить редкая для нашего времени фундаментальная и энциклопедическая статья В.К. Королева [2], выявившего множество аспектов, функций, значений, смыслов, категории «Иное» в составе философии хозяйства. Вывод автора гласит, что Иное скрыто работает и царит везде, в каждой категории науки и философии (можно добавить: оно участвует во всех мистериях искусства, религии, во всех решениях, деяниях и плодах человеческих, коренясь в самой сердцевине его творчества). Но... но... Иное с неведомой пока целью хранит свой суверенитет, пресекая все попытки умалить его автономно, не доверяя своей правды мыслителям из контекста чистого разума, заранее зная, что разум убьет его софийную идентичность, расчленив Иное на «это» и «не это». Смысловое величие Иного незыблемо охраняется и его субстанциальными неопределенностями, апориями, парадоксами, антиномиями, выражающими паралич чистого разума в познании Иного, да и самого себя. Иное — вещая реальность другого, софиасофского, контекста.

Евро-американский мир идет путем самоотрицания, прикрывая цифровизацией непонимание самого себя, своего летального исхода, коренящегося как раз в высшей ценности его чистого разума. А если мир (не индивид, не страна, а большая часть мира человеческого!) не сознает самого себя, то это означает лишь одно — духовно-смысловую исчерпанность его *контекста*, посредством которого вершилась мистерия его бытия, жила надежда на милосердие вечности. И Запад не понимает, *что* именно он творит, и не сознает своего рокового непонимания.

Но важнее то, что именно абстрактный разум стал новым контекстом, в котором начало свою работу развитие, установившее критерии бытия и небытия, добра и зла, истины и заблуждения, добра и

зла, смысла и абсурда, жизни и смерти, умения и неразумия, человека и нечеловека.

Контекст чистого разума изначально был неполным, ущербным не только из-за изъятия его сакральности, но и в силу его *абстрактности*, отрицающей любые идеальные формы и ценности, если они не соответствуют его абстрактности. Но именно абстрактность этого контекста составила его убойную силу («знание — сила») и позволила ему развернуть ряд радикальных социальных и научно-технических революций, породивших иллюзии, что «Царство Небесное», высшее благо, человек может достичь и в «царстве разума». Эти революции продолжают и поныне, создавая оружие, готовящее превращение человечества в «зряшную» абстракцию.

Но время идет, старится и дряхлеет, а со временем дряхлеет и контекст разума, абстрактность которого неотвратимо разрушает его, превращая его логосные силы в энергии абсурда и безумия, укрывающиеся в формах виртуальности и цифровизации.

Поэтому сегодня все предлагаемые разумом системы, теории, принципы, парадигмы, методы, модели, решения не дают понимания бытия и человека, апокалиптических кризисов; не раскрывают природы самого разума (естественного и искусственного), ибо все проблемы и неразрешимости нынешнего мира, включая и саму апокалиптику с ее тотальной отрицательностью, создало именно всевластие культа разума. А посему разум заинтересован в сохранении культа своей мнимой всесильности, в сокрытии демонических истоков своей абстрактности.

Поэтому пытаться сегодня решать какую-либо проблему только и только посредством разума, лечить болезни посредством его методов лишь умножает глобальный хаос, который уже сегодня формирует площадки и конфликты для очередной мировой бойни. Решать сегодня проблемы только и только разумом равноценно тушению пожаров бензином.

Вещая мудрость жреца Гераклита гласила, что основным законом огненного Логоса и его разума служит война — бог, отец всех вещей. И вещей Кант предупреждал, что разум таит в себе агрессивный суицид; доказывая равноценность тезиса и антитезиса (плюса и минуса), разум в решении системных проблем неизбежно запутывается в антиномиях (неразрешимостях) своих абстракций, порождает

путаницу и хаос, скатывается к безумию, которое в реальности становится конфликтами и войнами. Поэтому чистый и независимый разум, сделавший себя законом всех законов, есть скрытый суицидный субъект, собирающий обильную жатву среди доверившихся ему людей.

Однако и возврат в контекст веры тоже не решит проблем человеческого бытия, ибо есть и своя правда у разума просветителей, который решил сам справиться с людскими проблемами, непосильными для чистой веры; и нет арбитра, могущего решить, у кого из них истина, а для стенки и гильотины неправы все их клиенты. Если вне контекста разума вера превращается в суеверие фанатизма, то разум вне сакральности скатывается к безумию, прикрываясь фиговой цифровизацией.

Но феномен цифровизации не постижим религиозным сознанием; не постижим он и абстрактными моделями научного разума. Власти страшат, что, если мы не будем заниматься цифрой, то она будет заниматься нами. Но ведь нами не занимается цифра сама по себе, а «глобальный профсоюз» посредством цифры коверкает наши мозги. А лукавая ковидная статистика, мечтая о полном контроле над умом и сознанием человека, забыла о законе превращения количества в качество. Количественный рост контроля за человеком неизбежно по закону бумеранга завершится эвтаназией самих контролеров, ибо сидящая в разуме отрицательность не забывает о своих правах, превращая любой контроль в свободу произвола и безумия. А избавленья от морока управляемого хаоса не даст нам ни царь, ни бог, ни герой и... уж, конечно, ни цифра, а лишь новый Контекст Великой Неизвестности, адекватный России.

Конечно, ум не нужно отрицать, умалять, но и культ из него не следует делать, а помнить, что есть еще импровизации сознания, моральное познание; эти факторы откроют для разума перспективу нового контекста, в котором будет восстановлена его утерянная во Франции человечность. Просто нужно знать, что есть вера, есть разум, но есть и Иное, дающее им жизнь, сохраняющее их, указывая им общие формы и цели; есть разум и безумие, но есть и Иное, в котором происходит исцеление разума от умия и безумия. И это Иное выступает как осмысляющее самосознание, которое посредством своих

импровизаций избавляет разум, веру и безумие от их неразрешимостей, формирует полноценный целостный ум². Софийный ум России мыслит мраком, мистикой и тьмой, что позволяет ему видеть (рационально!) недоступное исчезающему логосному разуму.

Но для успешной духовно-смысловой работы Иного требуется уже не просто другой контекст, а мегаконтекст. И он был создан русской философией. Вл.С. Соловьев, П.А. Флоренский, С.Н. Булгаков заложили основания этого контекста, а завершил его идеальное возведение Ю.М. Осипов [5], создавший *софиасофский контекст*, наполнив его духовно-смысловыми импровизациями для понимания и разрешения неразрешенностей современного бытия и России.

Софиасофский контекст составляют четыре основных идеи.

1. Началом, серединой, концом и продолжением мистерии бытия, познания и человека является Великая Неизвестность (Ананке-неотвратимость у древних эллинов). Из нее все возникает, ею движется и сохраняется, в ней же все исчезает, и... она же приоткрывается в отдельных временах, странах, людях. Работает она посредством непознаваемой импровизации, созидающей миры, людей, умы и сознания.

2. Великой Неизвестности присуща мудрость (София Премудрость). София мало ценит закрытые конструкты-системы знаний, но она не признает и фрагментарности в познании, работая посредством открытых смысловых целостностей сознания. София ценит отражения и логические конструкции знания, но опирается на откровения

² Русский ум

Своначальный, жадный ум —
Как пламень, русский ум опасен
Так он неудержим, так ясен,
Так весел он — и так угрюм.
Подобный стрелке неуклонной,
Он видит полюс в зыбь и муть,
Он в жизнь от грезы отвлеченной
Пугливой воле кажет путь.
Как чрез туманы взор орлиный
Обслеживает прах долины,
Он здраво мыслит о земле,
В мистической купаясь мгле (Вяч.И. Иванов).

Великой Неизвестности, зажигая их огонь в русской мудрости. Софья охватывает не только мудрость, но и культурную рефлексию над содержанием мудрости («мудрость самой мудрости»), дабы сохранять в постоянной готовности тайну своей боевой идентичности. Эту рефлексию представляет софиасофия, которая работает со смыслами, с обобщениями и с духовной импровизацией сознания, используя для этого и логосные структуры, формы разума.

3. Великая Неизвестность посредством софийной мудрости создала и свое единичное воплощение-проявление — мир Иной, основаниями которого являются правда, мера и справедливость, импровизация самого бытия. Эти атрибуты нужны не только человеку — они нужны прежде всего самой Великой Неизвестности для сохранения ее тайны. Во всех дуализмах есть скрытое Иное, выражающее интересы и волю софийной мудрости Великой Неизвестности. Платон в противоречиях движения и покоя выделял Иное — гармонию вечности. Есть вертикаль и горизонталь, но есть и диагональ со своими целями и проектами. Куда она устремлена? Где находится огонь? Он прячется везде и готов в любой миг к работе. Так и мир Иной! Телескоп, микроскоп открыли массу новых объектов, о которых без них даже не подозревали. Так и мир Иной открывается при создании новых духовно-смысловых диоптрий сознания и ума.

Среди всех стран Россия возникла последней. А это говорит о том, что Великая Неизвестность за неимением выбора среди наличных стран сделала ее своим особым земным воплощением, дав ей в наставники Софию Премудрость для оформления Руси-России как мира Иного. А посему умом Россию не понять! И верой ее не постигнуть. Ее можно отчасти познавать лишь в смысловых обобщениях сознания, использующего творческий потенциал своей импровизации, все логические ресурсы разума. Поэтому мир русофобствует, мечтает уничтожить Россию, чувствуя в ней неведомую и опасную для себя правду, меру и справедливость, страшную импровизацию, таящую в себе возмездие пострашнее апокалиптики. Да и завидуют ее судьбе Иной! Именно бытийная ценность мира Иного обуславливает трагизм истории России, обрекает на летальный исход современный мир, который не желает (не может!) признавать мир Иной, использовать его творческие ресурсы для продолжения своего бытия. А он пока спокойно, в китайском духе, ждет полного банкротства

контекста разума и его подданных, поддерживая жизнеспособные его элементы.

4. Именно русская культура создала целостный, софиасофский контекст, идущий на смену контексту разума и возрождающий контекст Традиции, восстанавливающий смысловую связь с мегаконтекстом мудрости Великой Неизвестности. Софиасофский контекст устанавливает естественные смысловые связи Софии и Логоса, зависимость разума от морально-смысловых констант сознания и его импровизации. Решение угрожающих проблем современного мира невозможно в контексте разума — используя логические ресурсы только одного разума и искусственного интеллекта, ибо они сами породили эти проблемы и живут энергиями их энтропийной неразрешимости. Нужен, как минимум, софиасофский контекст, который восстанавливает полноценную логосность разума, включая его в творческую работу смысловых обобщений и духовной импровизации сознания по сохранению человека, образа человечности и Протея природы.

Софиасофия есть развернутое выражение этого контекста посредством своего метода-полилектики, который исследует каждый предмет как открытую целостность. Говоря метафорически, полилектика рассматривает каждый предмет как светило, испускающее лучи вовне и внутрь себя. Сколько выявлено лучей, настолько познан предмет. Посредством этих смысловых лучей софийная мудрость Великой Неизвестности милосердно открывает человеку благие земли своего мира Иного.

Сегодняшний западный мир исчерпал творящие потенции контекста разума, остались только разрушительные силы. И выхода нет: либерализм, фашизм уже испытаны и обанкротились, а Инобытия они не знают. Россия уже облекла свою иномирность в ризы смысловые; теперь она должна облечься в мундир соборной империи (софиакратии), чтобы исполнить волю Великой Неизвестности. Россия выше побед и поражений, ибо ей нужно Иное — осознание оптимального устройства своего бытия по канонам мира Иного, уже проникшего в ее субстанцию, во все ее поры, и требующего от нее решительных действий по созиданию внешних социально-политических, культурных и военных форм мира Иного, не дожидаясь, когда он сам посредством насилия утвердит свою правду, вне коей правды нет.

Сегодня крайне важно осознать, что Россия есть мир Иной, в котором Великая Неизвестность воплотила свою софийную мудрость; а потому познать Русь-Россию невозможно в силу закона о непознаваемости Великой Неизвестности. Россию можно отчасти понять лишь посредством мира Иного, через его импровизации и смысловые обобщения ее закрытого для зла и пороков сознания, в смысловых проектах которого Россия скрыто готовится к Великому Реваншу над всеми своими победами и поражениями. Сознание России, будучи обусловленным и вдохновленным Премудростью Софии, само концептуально оформляет софиасофский контекст страны.

Социалисты, кстати, хорошо понимали полилектику сознания, требуя развивать у людей прежде всего сознательность, полагая, что разум они приобретут в ходе изучения профессий и решения инженерно-деловых проблем хозяйства. Ученый, революционер, атеист Ф. Энгельс видел победу социализма, нормальной жизни в победе сознания, а не в победе чистого разума. Он считал, что социализм и нормальная жизнь установятся тогда, когда человек устроит свое бытие сообразно закону идеальности сознания, когда его смысловое «Должно» станет реальным «Неизбежно» [4, 510]. А сколько мучений, блудодействий и тревог доставляют материалистам слова В.И. Ленина: «Сознание не только отражает объективный мир, но и творит его» [3, 192]. А умный атеист всего лишь высказал аксиому софиасофии, которая видит именно в сознании благое творчество, обогащающее человека и образ человечности. В сознании, именно в сознании, субстанциально заряженном человечностью, а не в уме-разуме, который тоже не умаляется, но подчиняется смысло-целевым установкам сознания.

Сознание, а не разум, — носитель и хранитель мудрости и образа человечности. Сознание никогда не могло бы изобрести атомную бомбу, ибо для него абсурдно создавать оружие, использование которого не допускает победителей. Поэтому сегодня нельзя служить разуму, ибо он сам служит демонам энтропии, суицида. Сегодня нужно служить сознанию, ибо только оно умеет импровизировать со смысловыми энергиями Премудрости Софии, сохраняя, охраняя и воссоздавая человечность в человеке. Сегодня нужно учиться не просто мыслить, стремиться стать умнящим субъектом, ибо это скрытый путь суицида, а цифровизация лишь углубляет и затемняет

полное банкротство чистого разума. Сегодня нужно сознавать, *что, как и почему* человек мыслит именно данный предмет, каковы *источники и последствия* его мышления. А подлинно умные люди знают, что в среднем интеллект преступников и мошенников выше интеллекта ученых. Разница лишь в том, что первых сажают, а вторых награждают. Только и всего!

Именно сознание своим софиасофским контекстом преградит путь безумной цифровизации России, спросив ее адептов о том, каков ее смысл, конечная правда. Очевидно, что без цифровых структур-помощников, искусственного интеллекта невозможно обойтись во многих сферах жизни; но столь же очевидно, что культ всевластия цифровых структур не просто вытеснит, заменит, исказит суть человека и человечности, а он вытеснит человека из человека, заменит его человечность матрицей, превратит человека из творца в биотехническую часть цифrogenного мира, а то и сделает из него реально-сказочного монстра. Предел развития чистого разума в цифровом облике напоминает чудовищ типа Кощея или Чуда-юда. Телесно эти монстры внешне похожи на организм человека, превосходя его количеством и мощностью внешних органов, они знают русский язык с сильным английским акцентом, владеют виртуальными технологиями, восстанавливая, как Windows, поврежденные и пораженные головы-файлорганы; но они лишены сознания, морали, человечности, не владеют творчеством, которое им заменяет хитрость, умеют решать проблемы только «по-еврикански» — огнем, ракетами, лазерами, ядами, санкциями, ложью.

Софиасофия вынудит власть внести существенные коррективы в цифровизацию, подчинив ее духовно-смысловому образу человечности. Отсутствие такой духовно-смысловой конкуренции социализму привело к тому, что к исполнению был принят его ущербный абстрактный проект родом из контекста разума, умаляющего мудрость религии и сознания, его импровизации. Вне этих идеальных сил социализм изначально был обречен стать жертвой гедонистического материализма и демонизма.

Уже первые шаги цифровизации выявляют большущие нелады с вменяемостью разума. Во-первых, цифровизация непомерно дорогое удовольствие, которое финансово угробит своих грядущих бла-

годетелей. Во-вторых, цифровизацию не вытянут сложившиеся энергосистемы, которые просто обрушатся. В-третьих, цифровизацию не приемлет народ, который чувствует в ней неведомую опасность для себя. В-четвертых, цифровизация опирается на сомнительные и необоснованные идеологические и проектные основания. В-пятых, цифровизация вызывает большие сомнения в плодотворности именно этого пути, напоминая во многом штурм «военного коммунизма». Так что неудачи с цифровизацией можно считать удачей человечности, которая возвращает в себе своего смыслового человека, используя импровизационное творчество сознания и технологии разума.

Русофобам, которые считают, что они уже похоронили, закопали Россию, неведомо, что Иное не зависит от жизни и смерти, а потому его нельзя, да и негде, похоронить, ибо Иное в качестве русской импровизации России вновь и вновь из милосердия будет спасать своих гробокопальщиков. И даже допущение невозможного — захоронение России — само себя похоронит, ибо в России Великая Неизвестность посеяла зерна мира Иного, и они взойдут вопреки всем катаклизмам климата и финансовономики.

И это непременно будет — и сбудется скоро и внезапно. Чем мрачнее ночь, тем ярче будет свет; чем сильнее и концентрированнее идут в атаку безумие и абсурд, тем быстрее запыхают смысловые свечи софийной мудрости русской. Буди сие! Буди! Иначе зачем и для чего идея мира Иного поселилась в сознании России? Чего она ждет от страны?

Ответ может быть и таким: *Liberté, Égalité, Fraternité* сегодня могут утверждать себя лишь в софистофском контексте, в рамках и на основе русской *правды, меры и справедливости*.

Сказанное можно мягко назвать утопией, иллюзией, а то и бредом. Но вот еще совсем недавно Запад был (не казался, а реально был!) Раем, а сегодня спускается во мрак Аида. Великая Неизвестность любит осуществлять только невозможные и нереальные проекты, а возможные и осуществимые оставляет людям, зная, что бесконтрольный разум быстро превратит возможное в летальное. Великая Неизвестность всегда играет белыми, а потому ее ходы непредсказуемо несут в себе выигрыш партии.

Есть и аргумент самого разума, ибо все тезисы, кои он признает, и все антитезисы, кои отвергает, в силу своей антиномичности он может поменять местами. А значит, все здесь сказанное в контексте разума в равной мере истинно и ложно. А вот в софиасофском Контексте оно только истинно.

Но в ученом мире царит почти полное непризнание хотя бы когнитивной ценности софиасофского контекста в понимании неразрешенности современного мира, адекватных средств ее преодоления.

Конечно, трудно признать и постичь Ю.М. Осипова — творца софиасофии и ее контекста, человека, своим сознанием и умом уже живущего в мире Ином, глядящим на наш тутошний мир, оценивающий его с позиций мира Иного, видящим в нем единственный для современного мира уход от неотвратимой энтропии и продолжения своего творческого бытия.

Но это старая, как мир, история. Гегель любил поговорку, гласящую, что для камердинера нет героя, но не потому, что героев нет, а потому, что есть камердинеры, т. е. люди, имеющие дела с бытовой, обыденной стороной героя и не способные подняться на высоту его мудрости, где еще не бывала человеческая мысль и сознание еще не освещало ее своим смысловым светом, а слова еще не вполне готовы принять необычные значения и семантику духа. Но есть еще одна причина в непонимании и в непризнании Ю.М. Осипова и данной ему в откровении софиасофии. Она следует мудрости волхвов, ее строжайшему закону, не знающему исключений: «Много званых, но мало избранных; мало избранных, но знает только один». (Библия в этом случае, как и во всех остальных, не доводит до конца мысли, стимулирующие рост сознания.)

Христианство знало только Христа, а судьба его учения доказывает, что его так и не поняли даже жертвующие собой во его правду люди, хотя эта религия поняла людей и поверила, что они все-таки поймут ее спасительную мудрость.

И софиасофию знает только один Ю.М. Осипов. Поэтому софиасофия не стремится к популярности, ибо банкротство Запада и связанных с ним стран свершится скоро, а воцарения мира Иного в России произойдет незаметно и еще быстрее, чем софиасофия станет доступной хотя бы экспертам. Чтобы приобщиться к софиасофии Ю.М. Осипова, для начала нужно хотя бы не страшиться этого слова,

не встречать его злобным молчанием, не иронизировать над ним. Ведь ни в одном языке мира нет такого слова, как нет и таких сокрытых в нем смыслов! Затем нужно *признать*³ софиасофию, открыть для нее врата ума и сознания, а далее она уже сама начнет свою учебно-воспитательную работу с идеальным миром человека, начнет готовить его к смысловому преобразению в новый контекст, даст уму и сознанию вид на жительство уже в мире Ином. А нахрапом, сходу взять крепость софиасофии не получится.

Автор сего рассказа долго-долго и упрямо присматривался к софиасофии, изучал труды Ю.М. Осипова, пока однажды не почувствовал, что сама софиасофия начала присматриваться к нему, немножечко приоткрывая свои смысловые сокровища, которые позволили ему частично пользоваться осмысляющим сознанием ее контекста.

Литература

1. Гегель Г.В. Соч. Т. X. М., 1932.
2. Королев В.К. Проблема «Иного» в философии хозяйства Ю.М. Осипова // Философия хозяйства. 2019. № 1.
3. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 29.
4. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20.
5. Осипов Ю.М. Софиасофские тетради. (Не)ученые записки. М., 2018.

Reference

1. Gegel' G.V. Soch. T. H. M., 1932.
2. Korolev V.K. Problema «Inogo» v filosofii hozyajstva YU.M. Osipova // Filosofiya hozyajstva. 2019. № 1.
3. Lenin V.I. Poln. sobr. soch. T. 29.
4. Marks K., Engel's F. Soch. 2-e izd. T. 20.
5. Osipov YU.M. Sofiasofskie tetradi. (Ne)uchenye zapiski. M., 2018.

³ Гегель видел в признании полноценную форму познания и высоко ценил ее, ибо она запускает процесс формирования диалектической тотальности, целостности.

Ф.И. ГИРЕНОК

Россия в разъединительном синтезе постпандемии*

Аннотация. В статье анализируются изменения в человеческой цивилизации, обусловленные пандемией. Автор полагает, что цивилизация меняется тогда, когда меняется уклад жизни, наша повседневность. В статье показано, что массовое общество устроено плохо, потому что человек в нем не может быть собой. А также утверждается, что числовой мир — это мир, в котором совпадают внутреннее и внешнее измерения человека. Автор ставит под сомнение идею жизни в новом глобальном обществе, предлагая различать общество и общину.

Ключевые слова: демократия, коронавирус, общество, человек, право, справедливость, искренность, фашизм, цифровое общество, Московская антропологическая школа.

Abstract. The article analyzes the changes in human civilization caused by the pandemic. The author believes that civilization changes when the way of life, our everyday life, changes. The article shows that mass society is poorly organized, because a person in it cannot be himself. And it is also argued that the numerical world is a world in which the internal and external dimensions of a person coincide. The author questions the idea of living in a new global society, suggesting a distinction between society and community.

Keywords: democracy, coronavirus, society, human, law, justice, sincerity, fascism, digital society, Moscow Anthropological School.

УДК 1
ББК 87, 88.

*Сокращенный вариант статьи ранее опубликован в блоге автора https://zavtra.ru/blogs/kak_pandemiya_izmenila_tcivilizatciyu_i_chelovecheskoe_soznanie.

Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Гиренок Ф.И. Россия в разъединительном синтезе постпандемии // Философия хозяйства. 2021. № 2. С. 151—155.

Пандемия разъединяет и синтезирует наше сознание. Постпандемия обещает изменить всю нашу цивилизацию. Что значит изменить цивилизацию? Еще недавно мы думали, что изменить цивилизацию — значит изменить отношение к собственности или, по крайней мере, создать новый технологический уклад. Так еще сегодня думают многие интеллектуалы. Например, Глазьев и Шваб. На мой взгляд, это ошибка. Изменить цивилизацию — значит изменить повседневность, то, что каждый из нас делает каждый день. Что изменило нашу повседневность? Не революция. Пандемия. Она заставила нас надеть маски и научила бояться друг друга. Мы привыкли к социальной дистанции. Тем самым, мы узнали, что мы по своей сути асоциальные существа. Трудно жить с себе подобными. Но что делать тому, кто не согласен жить в мегаполисах, кто хочет жить в общинах? Ведь современное общество — это мегаполисы, это расчет. А община — чувство очага и крови, то, что сегодня называют фашизмом.

Пандемия отменила придуманное когда-то промышленной революцией правило — жить человеку в одном месте, а работать — в другом. Жить автономно, работать коллективно. Теперь мы узнали, что и жить, и работать мы можем автономно. Дом перестал быть домом для семьи. Он стал местом нашей работы. Тем самым, мы лишились и дома, и места работы. Сегодня под вопрос поставлено существование и семьи, и работы, и школы. Коронавирус изменил место учителя и педагога в нашей жизни. Начиная со школы Пифагора, мы думали, что есть что-то в жизни людей, что может быть передано не в форме знания, а из рук в руки, в форме непосредственного общения ученика и учителя. Обработка души педагогом предваряла передачу знаний учителем. Пандемия развязала вяжущие связи учителя и ученика и бросила всех нас в множественные потоки информации. Она оставила всех нас один на один с этими потоками. Так мы входим сегодня в числовой мир.

Что такое числовой мир? Это мир, мерой которого является не бытие человека, а число. Существование человека начинается с разделения на внешнее и внутреннее. Тогда же как число предполагает совпадение внешнего и внутреннего, их неразличимость. В нем нет места для человека. Что сделала пандемия? Она ускорила движение

человека к тем состояниям, в которых нельзя отличить человеческое от нечеловеческого.

Но тогда возникает законный вопрос: если мы входим в числовой мир, то зачем человеку общество? Не лучше ли нам отказаться от него или переосмыслить его так, чтобы оно потеряло свою связь с человеком? В конце концов, нельзя ли выбрать какой-то иной способ существования людей? Клаус Шваб предлагает нам согласиться жить в новом глобальном обществе. Что это за общество? Это общество, в котором нет классов и наций. В нем не важна собственность, а важен только контроль над цифровыми сервисами, не важна воля к власти, а важна возможность учреждать правила, в соответствии с которыми каждому надо научиться говорить правильно о кажущихся вещах. При этом будут все равны, кроме тех, кто говорит неправильно. Их придется отключать от электронных сервисов глобального мира.

Пандемия показала нам, что массовое общество устроено плохо. Почему оно устроено плохо? Потому что человек в нем не может быть самим собой. Ему в нем нужно все время притворяться, выдавать себя за того, кем он не является. А это значит, что отношения между людьми в обществе опосредованы иллюзиями, ложью и обманом. А зачем человеку притворяться в обществе? Затем, чтобы подниматься по ступенькам социальной лестницы. Подниматься, чтобы быть ближе к образцу, к совершенству. Самый совершенный — это тот, кто добрался до самого верха. Что сделало западное сознание в этой ситуации? Оно решило избавиться от фальши социальной жизни. Но каким образом? Чтобы быть искренними в обществе, людям нужно стать симулякрами. Как это сделать? Для этого нужно каждому вставить, как предлагает Маск, нейролинк, либо, как предложил Делез, выбросить из головы образцы и жить без них, попадая тем самым в тысячу плато, то есть становясь шизофреником. Ведь шизофреник — это стая личностей в одном человеке. Это, как туча комаров, нечто далекое от рациональности. Нам говорят, что если не будет образцов, то не будет и копий, и человеку тогда не надо будет кривить душой. Но если не будет образцов, то не будет и сознания. Зачем нам такая искренность, если мы при этом красоту должны будем воспринимать не выше уродства? Зачем нам такое равенство, если глупый получит силу и мощь быть глупым, а злой — силу быть злым? Зачем нам естественное право, если глупый не должен по

этому праву становиться умным, а злой — добрым? Для нас справедливость выше права. Если нельзя быть в обществе и одновременно быть самим собой, если в обществе человек всегда ступенька какой-нибудь лестницы, то почему бы нам тогда не вернуться к общине?

Что же делают в этой ситуации китайцы? Китайцы в этой ситуации придумали теорию социального доверия. Они не выбрасывают образцы и не отказываются от социальной лестницы. Они занялись денатурализацией человека. Что это означает? Это означает отказ от бессознательного. Напротив, в Европе решили отказаться от человеческого сознания и заменить его интеллектом. Почему? Потому что ее философы пришли к выводу, что любое сознание репрессивно, являясь карательным органом фашизации мира.

В предисловии к американскому изданию книги Ж. Делеза и Ф. Гваттари «Капитализм и шизофрения» Фуко дал определение этой работы, назвав ее «введением в нефашистскую жизнь». Нефашистская жизнь у него происходит в психиатрической больнице. Что нужно сделать, чтобы не быть фашистом? Для этого нужно перестать быть человеком, т. е. отказаться от сознания. Парадокс состоит в том, что символом нефашистской жизни в США стал наркоман Флойд, а отряды ВЛМ стали авангардом демократической партии. В ситуации пандемии нам становится ясно, что либерализм открывает путь к числовому обществу, а на смену национальному фашизму приходит демократический фашизм.

Пандемия стала символом завершения одной цивилизации и начала другой. Мир вступил в ситуацию с коронавирусом во главе с Америкой, а выходит из нее во главе с Китаем. Америка — это демократия, свобода и спекулятивный капитализм, а Китай — порядок, судьба и социализм. Вместе с западной цивилизацией уходит в прошлое и ее философия. Изъян этой великой философии состоит в том, что она не смогла поставить вопрос о человеке. «Силы в человеке, — говорит Делез, — соотносятся с силами извне, с силами кремния, которые берут реванш под углеродом, с силами генетических составляющих, берущими реванш над организмом, с аграмматическими силами, одерживающими реванш над означающим» [1]. Что сказал Делез? Он сказал, что остаться человеком — значит отказаться от будущего. Не нужно плакать о человеке, утешает нас Фуко. Выбрав будущее без человека, запад уходит в прошлое мысли.

Что упустил Запад? Он видел в сознании только рациональный аппарат, а не воздействие человека на самого себя. Пандемия заставляет нас видеть в осознании главный признак человека. Почему главный? Потому что осознать — значит расширять реальное посредством мнимостей, того, чего нет в реальности. Чего нет в реальности? Времени. Западная философия видит в человеке пространственное существо. Хотя человек — единственное существо, которое живет во времени. Осознать — значит быть во времени. Бытие во времени составляет так называемый внутренний мир человека. Время — это не качество вещей, это свойство сознательной жизни человека. Воспринимать мир во времени — значит, как говорит Московская антропологическая школа, галлюцинировать.

Чем пандемия опасна для России? Она опасна не потому, что мы не знаем, к кому прислониться технологически — к Западу или к Китаю. Она опасна потому, что мы не знаем, как нам, русским, вести себя, оставаясь русскими, и как нам работать с рассеянными скоплениями людей, как осуществлять разъединительный синтез в трансмедийных проектах. На мой взгляд, нам нужно твердо знать только одно: в любом случае наше будущее — это прошлое, которое не стало настоящим.

Литература

1. *Делез Ж.* О смерти человека и сверхчеловеке: [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nietzsche.ru/look/xxb/deleuze/>.

References

1. *Delez ZH.* O smerti cheloveka i sverhcheloveke: [Elektronnyj resurs]. URL: <http://www.nietzsche.ru/look/xxb/deleuze/>.

А.Б. ШУЛЫНДИНА

**Феномен религиозного сознания
и его философское обоснование
в русской мысли XIX — первой половины XX в.***

Аннотация. Анализируется принципиальный для истории русской мысли и, в частности, проблемы познания, но вместе с тем малоизученный феномен религиозного сознания. Как известно, русская философия сохраняет тесную связь с религиозной мыслью и носит теологические черты. В работе отражены разработанные русскими мыслителями концепции человеческой души и душевной жизни, а также предложенные ими способы ее познания; рассмотрено отличие между религиозным сознанием и мистическим опытом. При этом русская мысль XIX — первой половины XX в. трактуется как единая и философски завершенная мировоззренческая система.

Ключевые слова: человек, сознание, душа, религия, мистическое сознание, русская мысль.

Abstract. The article analyzes the phenomenon of religious consciousness, which is fundamental for the history of Russian thought and, in particular, the problems of cognition, but at the same time little-studied. As is well known, Russian philosophy retains a close connection with religious thought and has theological features. The paper reflects the concepts of the human soul and spiritual life developed by Russian thinkers, as well as the ways of its cognition proposed by them; the difference between religious consciousness and mystical experience is considered. At the same time, Russian thought of the XIX — first half of the XX century. It is interpreted as a single and philosophically complete worldview system.

Keywords: man, consciousness, soul, religion, mystical consciousness, Russian thought.

УДК 091, 124
ББК 63, 87

* Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Шулындина А.Б. Феномен религиозного сознания и его философское обоснование в русской мысли XIX — первой половины XX в. // Философия хозяйства. 2021. № 2. С. 156—166.

Рассуждая о феномене человеческого сознания и человеческой души в целом, невозможно отрицать тот факт, что они представляют собой явления, трудно поддающиеся каким-либо определениям. Феномен внутреннего мира человека: самосознания, мышления и иных явлений психической деятельности — «душевной жизни» — мало изучен. Явления эти труднодоступны для исследования, так как основаны на внутреннем опыте, умозрении и созерцании, их понимание требует особой подготовки и напряжения, они не очевидны для большинства людей, привыкших к внешне эмпирическим методам исследования. Кроме того, недостаточно ясно разработан категориально-терминологический аппарат для описания и изучения этого феномена на современной стадии развития отечественной науки.

Свет нашего сознания освещает лишь незначительное пространство душевной жизни, тогда как остальное теряется во мраке. Осознание присутствия в человеке некоей неизвестной стихии, неизмеримо превосходящей по своим масштабам и силе сознательную часть человеческого существа, управляющей им, но находящейся за пределами его осознания, составляет внутреннюю основу мироощущения человека, присущего ему с тех пор, как он осознал свою отделенность от мира. Такое мироощущение описывается в русской мысли как трагическое. Именно о подобной субстанциальной основе трагического не только как чрезвычайно важного человеческого переживания, но и как неотъемлемой части человеческого существования, писал А.Ф. Лосев. Трагическое отражает для него «три плана бытия» — объективную мировую жизнь, человеческую личность и особый план «преображенной и воскресшей жизни» [2, 315], который имеет онтологические корни в неземном, божественном мире, и только в нем возможно снятие трагического раздвоения мира, «отпечатанного» в человеческой душе.

Общеизвестно, что преобразование самого человека, достижение им особенного, кардинально отличного от «привычно-земного», качества души и сознания является основной целью религиозной жизни, поэтому представляют интерес те пути и методы изменения души и сознания человека, которые вырабатываются, обосновываются и используются в религиозной жизни.

В описании феноменов человеческой души и человеческого сознания мы будем опираться на мировоззрение, сложившееся в оригинальной русской мысли XIX и первой половины XX в., развивающей христианские в основе своей идеи. Мы полагаем, что русская философия, представленная значительными мыслителями, которые продолжали и развивали концепции В.С. Соловьева, является целостным феноменом и при внимательном изучении являет собой и осознает себя сама как законченная и философски обоснованная мировоззренческая система. Необходимый для ее изучения подход «должен выражаться именно в синтезе других дисциплинарных подходов, в обобщении их результатов, и предусматривает взгляд на национальную мысль как на нечто единое — исторически обусловленное явление национальной духовной культуры, обладающее особыми чертами и соответствующими характеристиками» [7, 7].

Согласно этому мировоззрению, человеческая душа представляет собой бытийную реальность. Теория бытийной взаимосвязи мира и человеческой души последовательно философски разработана в творчестве С.Л. Франка, особенно в его работе «Душа человека» [10], где подчеркивается, что душевный мир человека представляет собой нечто целостное, и что познание существа человеческой души возможно лишь путем объединения внутреннего интуитивного опыта, в котором душа предстает как целостная бытийная реальность (ибо душа «субстанциально укоренена» в бытии и является неотъемлемой и органичной его частью) и научно-философского осмысления этого опыта, его включения в целостную картину мира. По Франку, душа предстает как «самое близкое и доступное нам», «наше собственное существо, как мы ежесекундно его переживаем» [10, 659]. Душа являет собой не беспорядочную совокупность душевных переживаний, а некоторое органическое единство, ощущаемое каждым человеком, поэтому и познание души возможно как «внутреннее наблюдение» в переживании реальности души, в «неразложимом единстве живого знания» [10, 672].

Душевная жизнь человека представляется ареной действий неизмеримых сил — «смутной, загадочной стихией» [10, 712] — и лишь в силу условий ее существования в мире она оказывается «вписанной» в пространственно-временную «систему координат». Эти размышления имеют явное сходство с идеей Н.О. Лосского о

том, что мир является ареной действия сверхвременных и сверхпространственных «субстанциальных деятелей», по собственной воле проявляющих себя в пространственно-временном мире и творящих его. В своей работе «Чувственная, интеллектуальная и мистическая интуиция» Лосский утверждал, что, хотя проявления и действия «я» оформлены в пространстве и во времени, «всякая временность и всякая пространственность возможны не иначе как на основе сверх-временного и сверх-пространственного Начала, осуществляющего свои проявления во временной и пространственно-временной форме» [4, 148].

Душевная жизнь, по Франку, обладает своим атрибутом сознанием, но оно представляет собой по сути лишь первичную «сознаваемость» душевной жизни, «непосредственную самоявленность» [10, 718], причем оно может быть как бы завуалированно-бессознательным, недоступным «бодрствующему» сознанию. Однако человеку присуще и то, что можно назвать более «узким» пониманием сознания: предметное сознание и самосознание. Первое есть устремленность душевной жизни вовне, на предметы объективного мира, причем полное погружение в объект, как бы растворение в нем, с потерей осознания себя, встречается достаточно редко. Более типичный путь — сочетание такого сознания, направленного на предметы внешнего мира, с самосознанием (присутствием в сознании и внутренним переживанием момента «я»), причем последнее достаточно важно и во внешнем познании, так как значительную роль в нем играет интерес.

Интенсивность душевной жизни и ее «освещенность» сознанием находятся в весьма непростых, а нередко и антагонистических отношениях (по мере освещения светом сознания душевные переживания как бы теряют свою интенсивность, и наоборот). Вместе с тем трудно определить момент присутствия и отсутствия сознания, так как он допускает значительные переходы и градации, и практически невозможно определить и констатировать момент возникновения или исчезновения, полного отключения сознания. Например, человек, видевший сон и забывший о нем при пробуждении, может затем в течение дня вспомнить отдельные его моменты, что свидетельствует о присутствии в его сознании содержания сна. Таким образом, сознание может «выдавать» определенную информацию, которая за-

ключена где-то в его тайниках, что позволяет говорить о непрерывности сознания даже в те моменты, которые мы воспринимаем как его «отключение». О подобной «неуловимости» сознания писал, например, В.А. Несмелов [6, 15—20].

Душевная жизнь представляет собой сплошное, бесформенное и потенциально безграничное единство, и не может быть измерена в пространственных и временных координатах, но может в силу условий ее существования в мире оказаться «вписанной» в пространственно-временную «систему координат». Вместе с тем душевная жизнь есть некоторое действительное осуществление, реализация скрытых потенциалов, и она не является строго причинно определенной или направленной к конкретной цели. Именно это свидетельствует о том, что душевная жизнь является собой как бы некую «бескрайнюю потенцию», а ее действительность, ее способность творить и самопроявляться в мире делает ее носителем и проявлением стихийной бесконечности и бессмертия, создает ее потенциальное богоподобие — что полностью соответствует представлениям Лосского о способе существования «субстанциальных деятелей» в их постоянных «метаморфозо-инкарнациях» во времени и пространстве, благодаря чему религиозная идея «бессмертия души» получает философское обоснование. Возможно, именно это имел в виду И.В. Гете: «Уверенность в том, что мы продолжаем жить вечно, вытекает у меня из самого понятия деятельности. И если я, не зная усталости, буду деятелем до конца, то природа, когда теперешняя моя форма уже не сможет выдержать тяжести моего духа, обязана будет указать мне новую форму существования. Пусть же Вечно Живой не откажет нам в новых видах деятельности, аналогичных тем, в которых мы уже испытали себя» (цит. по: [1, 20]).

Поэтому С.Л. Франк приходил к выводу, что душевной жизни присущ «динамизм становления» [10, 814], силой которого осуществляется сам ее ход. Человек не может быть «продуктом среды» без остатка, и с момента своего зарождения он есть не «чистый лист», а уже обладает некими душевными склонностями и индивидуальностью. При этом следует отметить, что подобные первичные стремления оказываются свойственными не только человеку, но и животному, и даже растительному миру. Например, Н.О. Лосский указывает на «первичные реакции притяжения-отталкивания, которые

свойственны всем живым и неживым природным существам, и которые действуют во всем материальном мире, например, в атомах» [3, 333—340].

Формирующее единство души может проявлять себя как некое непрерывное целестремительное творчество, оно тяготеет к образованию определенного единства, и это формирующее единство оказывается началом, противостоящим хаотической и бесформенной потенции души. Подобное явление получило обоснование в предложенном Лосским понятии «субстанциальных деятелей», способных формировать определенные единства той или иной степени сложности — от атомов до человеческой личности. Кроме такого единства, возможно единство более сложное, когда более высокое формирующее начало побеждает низшее, т. е. когда происходит подавление высокой внутренней духовной инстанцией формирующего слоя менее глубокого, более стихийного и непосредственного, причем такая победа совершается ценой некоего волевого усилия, преодоления. Проявление подобного более высокого стремления связано с наличием некоей осознанности, мотивация для движения «душевной субстанции» является следствием уже более или менее сознательной оценки явления — таким образом, в подобном случае бессознательная реакция уступает свое место реакции более сознательной. Вместе с тем существует и наивысшая, предельная степень целестремительности и организации души: идеально-разумная, или духовная. В этом состоянии душа человека осознает себя как носительница некоего живого знания или откровения, а человек ощущает, что он сам является силой, осуществляющей сверхиндивидуальную, объективную волю. Эти три степени целестремительности имеют множество ступеней и оттенков, что отнюдь не исключает единства и целостности душевной жизни, в которой, например, «физиологический» темперамент человека органично сочетается с особенностью его духовного существа, придавая его личности неповторимое своеобразие (хотя в отдельных случаях «низшие» и «высшие» устремления души могут вступать в конфликт).

Душевный мир человека взаимодействует с окружающим миром в процессе познания, причем сам процесс познания представляет собой связь познаваемого чувственного материала со сверхвременным всеединством, включение его в это всеединство. Познание требует преодоления хаоса душевной жизни в особенном состоянии

направленности, сосредоточенности на предмете (внимание). Однако «познавательный потенциал» душевной жизни, «поле внимания» человека ограничены, так как направленность их связана с особенностями душевной жизни, наличием в ней определенных интересов и стремлений, и каждая душа — отчасти сознательно, но по большей части бессознательно — выстраивает определенный собственный предметный мир и как бы «облепляет» себя конкретным содержанием. В этом процессе присутствуют два «самосознающих» начала, которые уже своим существованием свидетельствуют о своей вечности и безграничности: одно — низшее — как «первичное» «стихийное» осознание реальности собственного бытия, другое представляет собой чувство сверхиндивидуальной ценности, присутствия высшего смысла и ощущение вечности этого смысла: подобное чувство, которое можно назвать своего рода «религиозным озарением», предполагает слияние абсолютной идеи, призвания или откровения с самим человеческим существом — «потенциальная бесконечность» в этом случае становится «актуальной», а сама хаотически-движущаяся жизнь приобретает своеобразную трудно выразимую, но ощутимую для внутреннего опыта «точку опоры» в некоем надвременном единстве. В таком состоянии человеческая душа проявляет свою подлинную уникальность и неповторимость, так как, будучи своего рода «свободным проводником» некоего высшего содержания, человек выражает его в сугубо индивидуальной форме, и уникальность душевной жизни, особый ее жар, «симпатии», стремления и т. д. могут способствовать тому индивидуально-неповторимому выражению сверхличного божественного начала, которое отличает, например, творчество гения.

Таким образом, условно можно сказать, что душевная жизнь существует в трех формах (хотя между ними возможны переходы): состоянии «чистой», «стихийно-хаотической» душевной жизни, состоянии, в котором сознание человека начинает выделять предметное содержание окружающего мира и в то же время формируется личное самосознание, и состоянии «духовного единства». Следует подчеркнуть, что господствующим состоянием человеческой души, без сомнения, является второе — то состояние, в котором человек осознает свою отделенность от мира и других людей и свою обособленность. Такое состояние не может не осознаваться человеком как неустойчивое, и, вместе с тем, оно не может полностью вытеснить ни

ощущения присутствия в человеческой душе бесформенной душевной стихии, ни внутреннего тяготения к достижению иного, более «качественно-высокого» единства, которое дается духовной жизнью. Безусловно, первое и третье состояния имеют определенное сходство и во многом являют собою большую целостность в отличие от второй — «расчлененной» — ступени. Однако слитность и целостность душевной жизни, которые на первой ступени пребывают в синкретическом нерасторжимом единстве, на высшей — духовной ступени — становятся единством синтетическим.

«Вторая форма» существования человеческой души, при которой человек выделяет себя из мира и чувствует себя отделенным от него, делает возможным проявления его осознанной воли, направленной на поставленные самим человеком цели и определенные ценности, но такая воля требует от человека большого (зачастую — чрезвычайного!) напряжения воли. И лишь третья (духовная) форма существования души предполагает отсутствие подобного напряжения, так как человек становится носителем сверхиндивидуальной воли.

Следует отметить, что именно достижение третьей (духовной) ступени человеческого существования служит основной и подлинной целью мистической жизни, что делает ее совершенно особым явлением, отличающим ее от традиционно понимаемой религиозной жизни, а сознание мистика — отличным от сознания религиозного человека в его традиционном понимании. Мистик имеет опыт пребывания в состоянии единения, слияния с Богом [5, 12]. Это и есть прорыв человека к третьей — духовной — ступени, при котором происходит выход за пределы пространственно-временного бытия. Мистическое состояние отличается от состояния «религиозного». «Религиозное» состояние души характерно для человека, чья душевная жизнь находится на «второй ступени», так как религиозное мировоззрение (находящее отражение в различных религиях) предполагает осознание своего отличия от Божества и волевое «возвышение» своей душевной жизни, замену более низких, «первичных» реакций душевной жизни более высокими. Поэтому для религиозного человека большое значение имеют религиозные догматы, традиции и культ, тогда как для мистика вся внешняя религиозность не имеет большого значения.

Согласно С.Л. Франку, достижение наивысшего — духовного — качества человеческого бытия связано с мистической жизнью, поэтому он считал, что мистика, хотя и представляет собой особый феномен, доступный переживанию и осознанию «немногих избранных», по своему существу должна быть органической частью развития души и сознания каждого человека. Именно поэтому в православной религии издавна использовались приемы «приобщения» религиозного человека к «мистическим переживаниям». В работе «Философия культа» П.А. Флоренский описал процесс «переплавления» человеческих чувств и аффектов («стихийных», «низших» проявлений душевной жизни) в религиозные переживания [9, 133].

Именно мистический опыт, согласно представлениям русских мыслителей XIX — первой половины XX в., развивающих идеи В.С. Соловьева, дает «ключ» к познанию наиболее универсальных оснований Бытия и является необычайно ценным и значимым и для истинной философии, так как философия, остающаяся в специфической области логического мышления, не может выйти за пределы сухих логических начал и не способна даже приблизиться к познанию сверх-системного Начала мироздания. Анализ большинства работ представителей школы В.С. Соловьева: И.А. Ильина, С.Л. Франка, братьев Е.Н. и С.Н. Трубецких, П.А. Флоренского, С.Н. Булгакова, Н.О. Лосского, Н.А. Бердяева, Л.П. Карсавина, А.Ф. Лосева, показывает, что основной целью человеческого познания в русской философии признается объективно существующий Абсолют как «сверх-системное Начало» (термин Н.О. Лосского), а основным (точнее говоря — исходным) методом познания является внутренний опыт, имеющий мистическую основу. Поэтому именно этот опыт организует построение философских систем русских мыслителей XIX — первой половины XX в. и придает этой философии особенную жизненную и творческую силу, сближающую ее с религией.

Следует отметить, что в попытке обретения целостности человеческого сознания путь мистика может быть направлен не только «вверх», к духовному возвышению человека и мистическому слиянию с божеством, но и нацелен на возвращение человека к состоянию первичной душевной нерасчлененности, к понижению и потере «сознательности» в его душевной жизни («дионисийский экстаз»), на утрату самоосознания и растворение в «первичных душевных проявлениях». Эту тенденцию, к примеру, А.Ф. Лосев отмечал в музыке

А.Н. Скрябина, в его идее «вселенской мистерии» [2, 768—769]. Но человек в состоянии преодолеть «хаотическое начало» и подняться на «духовную ступень эволюции». Именно о таком духовном возвышении рассуждал В.С. Соловьев: «Как в мировом процессе природы темное начало хаоса преодолевается внешним образом, чтобы произвести светлое мироздание, увенчанное явлением человеческого разума, — так теперь та же самая темная основа, открывшаяся на новой, высшей ступени в жизни и сознании человека, должна быть побеждена внутренним образом, в самом человечестве и при собственном содействии. Достойная и вечная жизнь, которая требуется, но не дается разумом, должна быть добыта духовным подвигом» [8, 478].

Литература

1. *Андреева А.Я.* В нем жило бессмертие // *Мень В.* Тайна жизни и смерти. М.: Знание, 1992.
2. *Лосев А.Ф.* Форма — Стиль — Выражение. М.: Мысль, 1995.
3. *Лосский Н.О.* Бог и мировое зло. М.: ТЕРРА-Книжный клуб; Республика, 1999.
4. *Лосский Н.О.* Чувственная, интеллектуальная и мистическая интуиция. М.: ТЕРРА-Книжный клуб; Республика, 1999.
5. *Минин П.М.* Мистицизм и его природа. Киев: Пролог, 2003.
6. *Несмелов В.И.* Наука о человеке. СПб., 2000.
7. *Смирнов И.П.* Русская социально-экономическая доктрина в трудах М.И. Туган-Барановского, С.Н. Булгакова, Н.А. Бердяева. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1997.
8. *Соловьев В.С.* Философия искусства и литературная критика. М.: Искусство, 1991.
9. *Флоренский П.А.* Философия культа (Опыт православной антропологии) М.: Мысль, 2004.
10. *Франк С.Л.* Предмет знания. Душа человека. Мн.: Харвест; М.: АСТ, 2000.

References

1. *Andreeva A.YA.* V nem zhilo bessmertie // *Men' V.* Tajna zhizni i smerti. M.: Znanie, 1992.
2. *Losev A.F.* Forma — Stil' — Vyrazhenie. M.: Mysl', 1995.

3. *Losskij N.O.* Bog i mirovoe zlo. M.: TERRA-Knizhnyj klub; Respublika, 1999.
4. *Losskij N.O.* CHuvstvennaya, intellektual'naya i misticheskaya intuiciya. M.: TERRA-Knizhnyj klub; Respublika, 1999.
5. *Minin P.M.* Misticism i ego priroda. Kiev: Prolog, 2003.
6. *Nesmelov V.I.* Nauka o cheloveke. SPb., 2000.
7. *Smirnov I.P.* Russkaya social'no-ekonomicheskaya doktrina v trudah M.I. Tugan-Baranovskogo, S.N. Bulgakova, H.A. Berdyaeva. Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. M., 1997.
8. *Solov'ev V.S.* Filosofiya iskusstva i literaturnaya kritika. M.: Iskusstvo, 1991.
9. *Florenskij P.A.* Filosofiya kul'ta (Opyt pravoslavnoj antropodiceji) M.: Mysl', 2004.
10. *Frank S.L.* Predmet znaniya. Dusha cheloveka. Mn.: Harvest; M.: AST, 2000.

Н.Н. РОСТОВА

О воле к безмолвию в современной культуре*

Аннотация. В статье анализируется феномен новой апофатки в современном искусстве и философии. Автор связывает этот феномен с кризисом вербальной культуры. Кризис состоит в том, что знаки не обеспечены смыслом, а язык не предполагает сознания. Знаковой культуре сегодня противостоит культура образов, которая меняет представление о человеке. На смену модели человека говорящего приходит модель человека дословного, воображающего, «человека-художника». Художество в данном случае начинает пониматься не как эстетическая категория, а как конститутивный элемент человека.

*Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы МГУ имени М.В. Ломоносова «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Ростова Н.Н. О воле к безмолвию в современной культуре // Философия хозяйства. 2021. № 1. С. 166—171.

Ключевые слова: молчание, сознание, человек, культура, мистерия, язык, знак, символ, современное искусство, апофатика.

Abstract. The article analyzes the phenomenon of new apophatic perspective in contemporary art and philosophy. The author connects this phenomenon with the crisis of verbal culture. The crisis is that signs are not provided with meaning, and language does not imply consciousness. Sign culture today is opposed by the culture of images, which changes the idea of a human. The model of the human speaking is replaced by the model of the human pre-language, imaginative, «the person-artist». Art in this case begins to be understood not as an aesthetic category, but as a constitutive element of a human.

Keywords: silence, consciousness, human, culture, mystery, language, sign, symbol, modern art, apophatic knowledge.

ББК 87
УДК 13

Мы вступили в XXI в., так и не осознав послания века XX-го. XX в. объявил волю к безмолвию. Радикальной апофатике. Малевич. Мондриан. Кубисты. Арто. Батай. Хайдеггер. Etc. Будущая мысль, скажет последний, не философия. Будущая мысль, скажет вслед за ним Марион, — хвала Богу. Перед философским Богом, говорит Хайдеггер, нельзя петь, перед ним нельзя танцевать. Перед *causa sui* нельзя пасть на колени. Смерть *такого* бога освобождает несказанное. Вслед за Хайдеггером Марион инкрустирует апофатику Дионисия Ареопагита в новую феноменологию. Философия объявляет о том, что выходит за ее собственные пределы. Так в ней появляются темы дара, новой веры, откровения.

Но даже Гринберг и Краусс не поняли смысла происходящей революции. В антикультурном жесте они увидели культуру. Эстетику ради эстетики. Как «Улисс» — выражение ради выражения. Решетки, скажет Краусс, лишь способ обозначить современность современного искусства как свободного от природы, «неприродного», отвернувшегося от природы. Эстетически самоценного. Незаинтересованного. Бесцельного. Враждебного речи и ее власти. Непроницае-

мого для нее. Рациональность сознательного новаторства уравновешивается бессознательной тоской в мире, из которого исчезло трансцендентное. Стесненное наукой религиозное чувство скрывается за чистой «материальностью». Современный художник, по Краусс, шизофреник, его творчество основано на вытеснении. Решетка указывает на травму [1].

Но решетка не размечает «материальность» холста, а претендует на то, чтобы стать новым символом. Художник не шизофреник, а философ. Философ, мечтающий стать теургом. Апофатика его творчества — не вопрос искусства. Многим, иронизирует Краусс, в этой тишине мерещилось начало нового искусства. Но не обновление искусства чаялось в этой тишине, а рождение мира. Молчание указывало на конец старой культуры и начало мистерии. Искусство и философия совершили самотрансгрессию в надежде создать новый мир.

Это поняли немногие. Гринуэй. Годар. Мартынов. Гиренок. Etc. Они сказали: человек — это художник и аутист. Время культуры и социума закончилось. Настало время смысла, а не событий, пребывания в бытии, а не информированности о нем, общины, а не общества, воображения, а не алгоритмических операций, сознания, а не пустых знаков. «Подлинное состояние человека — думать руками», — заявил Годар. На них смотрят, как на сумасшедших. Их слова анти-культурны. Они обращены к тому первобытному ничто, из которого возникли чтойности. Наше сознание, а не художника XX в., раздвоено. Мы никак не можем помыслить себя во время тектонических сдвигов культуры. Мы плохо понимаем, кто мы. Я чувствую себя, говорит герой С. Кржижановского, как пень на месте срубленного леса. Леса уже нет, хотя кому-то он все еще кажется целым.

Воля к безмолвию — это ответ на кризис источившей себя вербальной культуры. Ответом является образ. Визуальное заступает на место вербального. Видеопоэма. Книга образов. Книга перемен. Безмолвие как бы на полчаса. Клиповое сознание⁴. Знаковой культуре вынесен приговор. Она не обеспечена смыслами. «Можно ли вместить реальность в книгу?» «Можно ли поместить реальность в ре-

⁴ Имеются в виду концептуальные названия книг и кинофильмов.

альность?» «Мне нужен целый день, чтобы рассказать об одной секунде». «Мне нужна целая жизнь, чтобы рассказать про один час». «Мне нужна вечность, чтобы рассказать про один день». «Заброшенная земля, перенасыщенная буквами алфавита, задыхается от знаний. И вряд ли кто-то еще слушает»⁵.

Парадоксом новой апофатики является то, что моносознание художника или мыслителя противостоит общине мистерии. Проблема смерти Бога, как скажет Хайдеггер, не в том, что исчезли верующие люди. Они не исчезли. Равно как и церкви. Где-то в глубинке Пермского края живет Владимир. Созерцатель Божьих тайн. К нему наведальась съемочная группа⁶. Наверное, «Владимиры» ходят по нашей земле. Но Бог перестал быть тем, кто собирает людей и вещи.

Современное искусство не способно породить новую цивилизацию, ибо по-прежнему остается концептуальным. Оно отказывает зрителю в том, чтобы иметь к себе прямой доступ, и заставляет его полагаться на разъяснения автора. Зритель в своей позиции вневидимости остается зрителем, посторонним, он не становится деятелем, полнокровным соучастником действия. Автор в своей локальности остается автором, одиночкой со своим замыслом. Слотердаик смеется над Хайдеггером, назначившим себя пророком бытия. Плодом его философии, говорит он, может быть любое бормотание и молчание. Кому и что говорит бытие? Критерии темны и не отчетливы. Нам же остается «разве только признать до поры до времени хайдеггеровскую *orega omnia* в качестве критерия и голоса анонимного сверх-автора» [2]. Иными словами, никакого сверхавтора нет, есть философия Хайдеггера. Бытие — это не то, что собирает вокруг себя, но то, что указывает на оригинальность концепции.

Всякая мистерия требует символического пространства. Пространства раз-жания, доопределения символа. Его непосредственного пере-живания. Символическое пространство — залог присутствия фундаментальной антиномии личного и общинного, одиночества и традиции. В мистерии ты один и одновременно ты со всеми. Мистерия приобщает тебя к традиции, предоставляя сферу расширения, трансцендирования себя и спасая от оков субъективности. Но

⁵ Приведены цитаты из кинофильма Ж.-Л. Годара «Книга образов».

⁶ Речь о документальном фильме Е. Кузнецова «Про Владимира и Питирима».

одновременно она отвечает на твои самые интимные, уникальные переживания и запросы. Культ для всех и для тебя единственного в твоей исключительности. Мистерия реальна и тотальна, а не умозрительна и локальна. Художество в порыве своем стать мистерией так и остается художеством, философия — философией, ибо у них нет ресурса для того, чтобы преодолеть свою принципиальную ограниченность и дать выход к непрерывно возобновляемому тотальному смыслу.

Молчание молчит. Последним товаром искусства становится боль, лишенная страдания. Церебральным становится все искусство, а не только, как сказал бы Делез, абстрактное. Боль продается дешево. Обнаженная девушка произносит пылкую бессмыслицу перед публикой, а вслед шокирует ударом о бетонную стену. Бутафорская краска течет по ее телу. Соррентино смеется. Девушка не может связать двух слов, чтобы объяснить въедливому журналисту свой концепт. Наконец, она плачет и что-то говорит о трудном детстве⁷. Почему она плачет? Потому что ей нечего сказать. Ее молчание столь же пусто, как и дискредитируемый ею язык, ибо оно не обеспечено смыслом. Опыты обэриутов, композиторов-авангардистов имели целью проникнуть в начало начал, в первостихию языка и музыки. Молчание для них — это тот исток, из которого возник космос. Тот хаос, из которого можно пересоздать мир, родить его в новизне. Восхождение к нему сулило созерцание тайн оснований. Молчание в современном искусстве — нулевая ступень шума.

Интеллектуальная демагогия художников может приводить в аффект. Объяснение ценителя Губайдуллиной смысла ее творчества завораживает. Утро. Роса. Рождение света. Метафизика капельного звона. Риторика поэтична. Скрип невыносим. Призывы Гринуэя учиться смотреть, его идея создать словарь образов могут заставить задуматься или вызвать восторг. Его визуальные эксперименты с известными живописными полотнами — всего лишь локальная режиссерская работа.

Интеллектуально можно восхищаться Джакометти. Но меланезиец в женской фигурке имеет упакованную бесконечность и при-

⁷ Имеется в виду эпизод из кинофильма П. Соррентино «Великая красота».

вилегию на то, чтобы эту бесконечность распаковывать, ибо он живет мистериальной жизнью, а не творчеством концептов. А нам остается читать Малевича, чтобы понять его «Черный квадрат», или искусствоведов, чтобы догадываться о силе замысла Джакометти.

Литература

1. *Краусс Р.* Подлинность авангарда и другие модернистские мифы. М.: Художественный журнал, 2003. 318 с.
2. *Слотердаjk П.* Правила для человеческого зоопарка: [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nietzsche.ru/influence/philosophie/sloterdijk/> (дата обращения: 12.01.2021).

References

1. *Krauss R.* Podlinnost' avangarda i drugie modernistskie mify. M.: Hudozhestvennyj zhurnal, 2003. 318 s.
2. *Sloterdajk P.* Pravila dlya chelovecheskogo zooparka: [Elektronnyj resurs]: - Rezhim dostupa: URL: <http://www.nietzsche.ru/influence/philosophie/sloterdijk/> (data obrashcheniya: 12.01.2021).

К.В. МОЛЧАНОВ

Критический анализ научного определения данных, информации и знаний, и обозначение основ их диалектического переосмысления и качественного развития информационных технологий*

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы определения данных. Установлено, что в науках и информационных технологиях нет корректных определений данных, информации и ряда других терминов. Данные в науке определяются субъективно, относительно, случайно, что концептуально противоречит требованиям к обработке

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Молчанов К.В. Критический анализ научного определения данных, информации и знаний, и обозначение основ их диалектического переосмысления и качественного развития информационных технологий // Философия хозяйства. 2021. № 2. С. 171—194.

данных и результатам. Парадокс определений данных в некоторых случаях ставит под сомнение объективность и эффективность обработки данных. Поэтому применение информационных технологий нельзя считать обоснованными и их следует концептуально переосмыслить. Указанные положения обуславливают осуществление диалектического подхода, который принципиально отличается от научного, а) к изучению и определению данных и к их обработке, б) к созданию качественно новых информационных инструментов.

Ключевые слова: данные, информация, знания, программирование, информационная технология, диалектика, логика, познание.

Abstract. The article discusses the problems of data definition. It has been established that there are no proper definitions of data, information, and a number of other terms in sciences and information technologies. Data in the science is defined subjectively, relatively, by chance, which conceptually contradicts the requirements for data processing and results. The paradox of data definitions casts doubt on the objectivity and efficiency of data processing in some cases. That is why the use of information technologies cannot be considered well-grounded and they should be conceptually rethought. The indicated provisions determine the implementation of the dialectical approach, which is fundamentally different from the scientific one, a) to the study and definition of data and their processing, b) to the creation of qualitatively new information tools.

Keywords: data, information, knowledge, programming, information technology, dialectics, logic, cognition.

ББК 32.9
УДК 16

В современной диалектике актуальна, как и была всегда, задача развития познания, но которую теперь следует решать за счет не только совершенствования путей, форм и методов познания, но и «алгоритмизации и компьютеризации познания для того, чтобы разнообразить и интенсифицировать современное диалектическое познание вплоть до исследования возможностей создания компьютеризированного («искусственного») предметного познания» [9, 198].

Развитие диалектического познания обуславливает, в частности, изучение данных, однако не только потому, что они являются

неотъемлемым звеном компьютеризации познания, но и в силу того, что они актуальны в качестве одной из важнейших составляющих познания — опыта, без которого, по словам Гегеля, ничего не познается [3, т. 4, 429]. При этом, поскольку развитие познания, в том числе на основе его компьютеризации, невозможно без понимания данных и совершенствования процессов их сбора и обработки, сами данные стали и самостоятельным предметом диалектических исследований и основой алгоритмизации диалектического познания, что далее трансформируется в изучение информационных технологий.

Тезис: критика научного определения данных

Анализ данных, знаний и информации представляет собою вопрос, который намного более серьезен и объемнее, чем представляется в науках, тем более в программировании, ограниченном формализацией данных, представлением их в цифровом виде. При этом в науках и информационных технологиях не только нет корректных определений соответствующих терминов, но и присутствует парадоксальность их определений, что в целом ставит под сомнение объективность и результативность обработки данных и научного познания в некоторых случаях.

Для большей наглядности сделанного утверждения и проводимого ниже анализа приведем сначала определения ни много ни мало терминологических стандартов (табл. 1).

Сразу же бросается в глаза то, что в терминологических стандартах:

- данные и информация определяются друг через друга, а не определяются самостоятельно и по существу;
- знания, которые по идее должны быть результатом обработки данных (сведений), определяются, по сути, независимо от них (что мы подчеркнули, поместив их для наглядности в табл. 1 перед данными);
- информация понимается как то, что интуитивно подразумевается под знаниями, и более того — она обычно отождествляется... с данными (также см. ниже).

Таблица 1

	ISO/IEC 2382-1:1993	ISO/IEC 2382:2015	ГОСТ 33707-2016
Знания	Организованное, интегрированное собрание фактов и обобщений	(Искусственный интеллект): сбор фактов, событий, убеждений и правил, организованный для систематического использования	(В искусственном интеллекте): Совокупность фактов, событий, убеждений, а также правил, организованных для систематического применения
Данные	Представление информации в некотором формализованном виде, пригодном для передачи, интерпретации или обработки	Интерпретируемое представление информации в формализованном виде, подходящем для коммуникации, толкования или обработки	Предоставление информации в формальном виде, пригодном для передачи, интерпретации или обработки людьми или компьютерами
Информация	(В процессах обработки): любой факт, понятие или значение, полученные из данных, а также контекст, выбранный из знаний, или контекст, ассоциированный со знаниями	(Обработка информации): знания, касающиеся таких объектов, как факты, события, вещи, процессы или идеи, включая концепции, которые в определенном контексте имеют особое значение	(В области обработки информации): любые данные, представленные в электронной форме, написанные на бумаге...

Можно было бы провести доскональный анализ существа терминологических стандартов, но в силу их аксиоматичности (субъективности и случайности), алогичности и *казуности* лучше оставить приведенную табл. 1 в качестве наглядного примера и обратиться к научному пониманию ряда терминов (ниже приводятся основные смысловые позиции, представления о которых были получены в ходе изучения научной литературы, в том числе [1; 2; 4 — 6; 11; 12]).

В науках имеются *осторожные* представления о данных, информации и знаниях, которые академичны и обобщенны, причем в первую очередь в силу отсутствия учета непосредственных аспектов данных и их обработки, и поэтому *выглядят* корректными, что, однако, как мы покажем ниже, не так.

Данные обычно понимаются обобщенно — как представления о чем-либо в той или иной форме, пригодной а) для восприятия и понимания человеком и б) для хранения, передачи и обработки (поэтому данные иногда определяются как сведения, расположенные на носителе в форме, пригодной для хранения и обработки, т. е. по сути... вне зависимости от их восприятия или обработки). Иными словами, в науках данные не определены по существу: они понимаются интуитивно, в основном как некоторое выражение определенных представлений, сведений, в том или ином виде, причем очевидна субъективность. Обычно для определенности указывается, что именно благодаря выражению (в том или ином виде) данные становятся пригодными для обработки и передачи. Хотя если они *стали* пригодными для обработки и передачи, то, во-первых, в результате *чего* они такими стали и, во-вторых, *чем* они были до этого? Откуда взялись? Была ли осуществлена обработка чего-то (представлений, сведений), чтобы получились данные, и если «да», то какая?.. Ответов на такого рода вопросы в науках нет и быть не может хотя бы потому, что как только первый из них будет дан, то возникнут вопросы уже к нему, и образуется *дурная бесконечность* вопросов, суть которой была проанализирована и раскритикована Гегелем в его труде «Наука логика» (это одна из важнейших причин, по которой данные в науках и информационных технологиях не могут быть определены).

Для якобы «повышения достоверности» и снятия других острых вопросов (но не их решения) оговариваются многочисленные

способы сбора данных, их обработка, методы и т. п.; но это все операции с нечто неопределенным, поэтому лишь увеличивает объемы описаний, но ясности и главное обоснованности не приносит. Например, обычно говорится о ряде позиций, связанных с формированием данных, из которых пока укажем следующие⁸:

- сбор данных, причем обычно отмечается, что он осуществляется с целью обеспечения получения их достаточной полноты, но, конечно же, не оговаривается, *какой* достаточности и *как* это осуществить, ибо оговорить это в общем, применительно ко всяким конкретным случаям, попросту нельзя;

- отбор и сортировка данных, в том числе отсеивание пиковых и иных необъяснимых значений, что говорит лишь о том, что поскольку в науках данные не определены по существу, то нельзя объяснить многие их проявления и свойства, и поэтому необходимо *сгладить некоторые углы*, что не научно, но зато скрывает многие проблемы понимания и определения данных в науках;

- формализация данных, приведение их к некоторым стандартам, что, однако, относится не к определению данных, а к возможностям их хранения и обработки.

Но способы сбора данных, операции с ними, их обработка, методы и т. п., как и абстрактные определения, например, такие, как «содержательная интерпретация», все равно не позволяют наукам дать корректного определения данных, а лишь обозначают соответствующие конкретные проблемы.

Поэтому и возникают разные парадоксы и двойственности, например, когда данные признаются тем же, что и *информация*, и якобы решение парадоксов определения данных (и информации) имеется в том, что информация — это передаваемые данные, т. е. данные, и становится очевидным парадокс взаимной подмены терминов, а не определение данных или информации. При этом часто называются следующие парадоксальные положения.

⁸ Архивацию, защиту прием, передачу, преобразование данных и иные операции с данными в данной статье мы анализировать не будем, так как и уже приведенных позиций вполне достаточно для проведения анализа определения данных и их обработки в науках.

С одной стороны, информация — это передаваемые данные, т. е. как бы можно ограничиться пониманием информации как передаваемых данных — подготовленных для передачи или непосредственно передаваемых (иногда даже отмечается, что информация не существует сама по себе: для нее обязателен передатчик и приемник), но тогда должны были бы быть определены сами данные. При этом следует отметить, что термин «информация» в большинстве случаев отражает обмен данными, сведениями, т. е. подразумевается динамичный характер информации, но ведь и данные могут изменяться, и это как раз и вносит сумбур в определение как этой пары терминов, так и их по отдельности, однако не рассматривается в науках в принципе.

С другой стороны, данными считаются зафиксированная (зарегистрированная) информация, ее представление или форма ее представления. Но тогда информацию надо однозначно определить саму по себе, и именно это является целью ее определения, но этого не делается, т. е. опять имеется, в лучшем случае, парадокс.

Часто информация определяется как результат анализа или преобразования данных, которые сами... не определены!

Однако, строго говоря, информация должна пониматься качественно отличной от данных, и именно для этого нередко указывается, что она имеет *смысловую нагрузку*, что она является представлением о чем-то, в то время как данные — это лишь восприятие фактов и т. д., т. е. что информация относительно данных является смысловым, более высоким *понятием*... но ведь данные не определены корректно (!); более того, определения терминов «смысл» и «понятие» в науках тоже нет, и это лишь усиливает неоднозначность данных и информации.

Кроме того, часто отмечается, что одни и те же данные могут нести разным людям разную информацию, причем одним людям быть нужными, т. е. быть информацией, а другим не нужными, т. е. не быть информацией, что говорит уже не только о некорректности определения информации, но и о серьезных гносеологических проблемах определения и данных и информации в науках, если не сказать, что о его тупике.

И даже уточнение (определение) информации через форму данных (их передачу, изменение и т. п.) ничего не дает, ибо информация также всегда существует в какой-либо форме.

Итак, в целом данные часто признаются тем же, что и информация, и эти слова часто употребляются как синонимы, т. е. в зависимости от ситуации эти два термина отождествляются или различаются, но не для их определения, а в большинстве случаев для исключения или хотя бы нивелирования очевидной нелогичности определения данных и/или информации...

Но как бы не были существенны трудности и парадоксы с определением данных и информации, они обозначают еще более существенную проблему, ибо определение их и их обработки сталкивается с необходимостью определения ее *результатов*, часто называемых *знаниями*.

Знания в науках обычно понимаются как обоснованный (фактами, проведением анализа, исследований, доказательствами) результат познания (в информационных технологиях — обработки данных), представляемый в некотором формате, отражающий реальное положение дел и который можно проверить (эмпирически, теоретически...). Иными словами, знания — это как бы так или иначе обработанные данные, которые обоснованы и проверены. Однако в силу общности определения знаний нельзя установить, в силу *чего* или *как* они реальны или почему у них имеется (образуется) обоснованность. При этом научное определение знаний не оговаривает правил достижения реального положения дел и не исключает заблуждений (например, когда-то утверждалось, что Земля плоская, и это определялось как знания). Поэтому-то в сфере научного познания нельзя утверждать, что знаниями является нечто окончательно познанное и доказанное, и в философском смысле обычно говорится о стремлении к истине, и даже был сформулирован *критерий фальсифицируемости*. Иными словами, в науках можно говорить лишь о постоянном опровержении и обновлении результатов познания, о неких *текущих* данных, результатах, знаниях, быть может, о постоянно обновляемой информации, что, конечно же, не отрицает научно-технических данных, решений и достижений. Однако если знаниями считать нечто *постоянно изменяющееся*, то научное познание оказывается

тогда уже не фальсифицируемым, а попросту *перманентно* неистинным (не могущим стать истинным, что в целом соответствует обычно указываемым его стремлением к истине, но не достижением ее)...

При этом возникает и такой вопрос: а являются ли данные, полученные в результате обработки, данными, или их все же следует понимать как знания или хотя бы как выводы?

Еще следует отметить то, что знание иногда определяется через... информацию: как зафиксированная, структурированная, интерпретируемая и проверенная на практике информация, что, однако, в связи с неопределенностью информации не дает отчетливого корректного определения знаний, а, наоборот, скорее обозначает проблему с определением знаний хотя бы в том смысле, что нужно для их получения предпринять некие действия, описать которые в общем случае нет возможности, что и составляет одну из серьезных проблем определения знаний.

В силу неопределенности того, *что* по сути интуитивно понимается под знаниями, обычно добавляются критерии, например «реальное положение дел», «обоснованность» и др. Но критерии ничтожны без существа определения знаний, да и вообще могут относиться к другим понятиям, т. е. быть взятыми от них, а вот к знаниям на самом деле не относиться (так как они не определены).

Конечно же, можно говорить о практической проверке знаний, о концептуальных и теоретических основах этого (например, о *принципе верификации*) и т. п., но тогда речь будет идти о *процессе* познания и его проверке, но не о результате, не о *достижении* результата, не о знаниях, и более того, не может быть уверенности, что отражается заявляемое в науках «реальное положение дел».

Интересно, что, как и в случае с определением данных, для «повышения доказательности» и снятия острых вопросов (но не их решения) обычно указываются различные дополнительные сведения (правда, несущественные без определения базового для них понятия), например, виды знания, хотя и они не обосновываются, а просто перечисляются, скорее, в силу исторической привычки: знание определяется как интуитивное, научное, вненаучное, обыденное, религиозное и т. д., что только еще ярче подчеркивает неопределенность

знаний в виду отсутствия определения и их самих и их видов, обозначения их интуитивно, исходя из неких не указываемых соображений.

А можно встретить и такое представление: в науках знания понимаются как научные знания, которые определяются как... объективный вид знаний, удовлетворяющий ряду критериев, т. е. знания определяются через знания — определяемое через само себя, через неопределенное (такое часто встречается в науках, например, бесконечность определяются через бесконечное и т. п.)...

Для полноты объема анализа научных представлений о данных, информации и знаниях следует рассмотреть еще три фундаментальных научных термина, которые активно используются при определении обсуждаемых понятий и процессов обработки данных и познания.

Понятие в науках обычно понимается как мыслимая совокупность свойств объекта, как их отражение и обобщение в некоторой совокупности в мышлении, т. е. субъективно (в отличие от понимания понятия в диалектике), причем «совокупность», «отражение» и другие используемые термины учеными в основном понимаются по-разному. При этом, во-первых, мышление в науках не определено (!); во-вторых, не приводится обоснования того, что мыслимое соответствует реальному положению дел; в-третьих, не приводится описания способа создания этой совокупности, т. е. ее фактически создать нельзя, или каждый будет создавать по-своему, что ведет к субъективности, относительности и неоднозначности; в-четвертых, зачастую используется термин «единство», который, как мы уже много раз отмечали в наших статьях, в науках корректно не определен.

Иногда акцентируется, что имеется в виду существенный признак, который идентифицирует объект, хотя, по сути, при этом идентифицируется *род*, или *класс*, *объектов*, и, что самое важное, осуществляется обобщение, абстракция, т. е. теряется конкретность объекта, что равносильно тому, что в таком случае определять его понятие... бессмысленно⁹.

⁹ Содержание, объем и другие характеристики понятия в данной статье мы анализировать не будем, так как даже приводимых рассуждений вполне достаточно

Категория определяется как предельно общее понятие, обобщение свойств объекта, как наиболее существенный признак (свойство, отношение...).

А вот *определение* (здесь: существительное), наоборот, понимается как *описание* объекта, т. е. фактически как пояснение его свойств и т. п.

Таким образом, всего лишь в зависимости от тщательности рассмотрения объекта используются три разных термина, по сути не имеющих качественного различия: например, можно было бы просто говорить о более общем понятии и менее общем понятии и об описании, а не использовать разные термины, не несущие особых значений; иными словами, в науках игнорируется популярный в них принцип Бритвы Оккамы, используемый, как видно, в них избирательно¹⁰...

Можно сказать, что неопределенность и концептуальная неразличимость указанных фундаментальных терминов («понятие», «определение» и «категория») не позволяют категориально определить обсужденные выше (и многие другие) термины, т. е. в науках имеются существенные гносеологические проблемы, так что *неопределяемость* данных, как в прочем и многих других категориях и терминах, понятна и даже закономерна...

Антитезис: отрицание научного определения данных

По итогам краткого анализа определения в науках данных следует обозначить следующие положения, важные для подведения итогов, осуществления выводов и обозначения основ диалектического решения возникших вопросов. (Отметим, что обозначенные ниже положения, касающиеся и наук, и информационных технологий, содержат моменты эмерджентных аспектов, важных для определения гносеологических особенностей возникших проблем и их решений.)

для проведения анализа некорректности определения данных и их обработки в науках.

¹⁰ Отдельно отметим, что в диалектике все три указанных термина имеют собственные, качественно различные значения, что сыграло важную роль в развитии диалектического познания вообще и при определении данных в современной диалектике в частности.

Во-первых, что касается основного положения — данных: они в науках и информационных технологиях корректно и по существу не определены. Определение и порядки формирования и обработки данных обозначаются, исходя из эмпирических и целевых установок, а иногда и попросту из мнений тех или иных ученых и специалистов, поэтому по существу своему являются субъективными и относительными. Действительно, обычно данные понимаются как сведения о чем-то, представляемые в той или иной форме, однако сведения также не определены, понимаются субъективно и всеми по-разному, да и представления о них являются относительными, случайными, неоднозначными, а то и противоречивыми, и это принципиально не соответствует, по меньшей мере, требованиям, предъявляемым к данным, их обработке и получению результатов (в первую очередь, объективность и возможность обработки безотносительными формальными методами, например, математическими). В частности, оказывается, что данные могут пониматься и как несодержательные, и не столько потому, что их нельзя определить или нет четких критериев их выявления (сбора), сколько в силу того, что не определяется, *как* получить их содержательное представление (например, в силу того, что оно в разных случаях будет разным, а все случаи оговорить нельзя). Однако такого рода разнообразие понимания и определения данных противоречит, по меньшей мере, их всегда декларируемым а) целевому характеру сборки (причем обычно осуществляемой по определенным критериям); б) структурированию, в том числе в виде *баз данных*; в) формализуемой обработке; г) объективности.

Указанные критичные позиции также отражают субъективность в науках и информационных технологиях детерминации сведений (или чего-то иного) для определения, выбора и создания данных, а следовательно их спонтанность и необоснованность, что в частности и приводит к тому, что некоторые сведения (или данные), например, с пиковыми значениями, значительно отличающимися от средних, или не характерные выборке, зачастую попросту откидываются (!), причем это преподносится как решение проблемы некорректности сбора данных, хотя на самом деле показывает невозможность ее решения и лишь усугубляет ее. Однако неочевидные или необъяснимые феномены наоборот должны тщательно анализироваться, так как отражают особенные аспекты и процессы существа и

восприятия данных. Иными словами, речь должна идти не о часто упоминаемой «недоброкачественности» данных и обосновании этим различных предварительных манипуляций с ними, в основном служащих, по сути, подгонке данных под имеющиеся нормативы и методы, а об отсутствии понимания в науках того, *что* данные есть по существу своему и *как* они должны собираться.

Заявляемое в науках и информационных технологиях определение сведений (фактов, мыслей...) в качестве данных и априорно и несостоятельно, причем в первую очередь потому, что, с одной стороны, не определено *то*, из чего сведения или данные «получаются», и *как*, и, с другой стороны, не указывается отличие данных от (воспринимаемых) сведений:

- либо что-то наблюдаемое само должно быть (существующими) данными, но тогда возникают вопросы об их понимании (в том числе об их определении уже в этом случае), не говоря уже о проблеме Кантовской вещи в себе, и об их фиксации (восприятии), т. е. о получении данных;

- либо только воспринятое является данными, но тогда возникает вопрос о его действительности, правильности и т. п., а только потом о его определении в качестве данных.

Во-вторых, следует особо отметить следующий гносеологический момент: указанное выше положение дел обусловлено в первую очередь тем, что науки не могут концептуально определить *начало* (определения) данных; при этом если все же ответ будет дан на этот вопрос, то соответственно возникнут другие — уже к появившемуся началу или посылке и т. д., неминуемо образуя упомянутую выше *дурную бесконечность* вопросов, не имеющую решения в науках, но теперь уже включающую вопрос о начале определения данных, о начале начал, о причинах и следствиях и т. п.

Иными словами, науки не могут даже концептуально определить ни посылку, ни природу данных.

В-третьих, данные, по сути, определяются абстрагированными, т. е. не учитываются ни вопросы адекватного восприятия объекта, тем более аспекты фактически имеющих место субъективных ощущений (даже при использовании технических средств, всего лишь повышающих *чувствительность* восприятия), ни существо

объекта (Кантовская вещь в себе наукам недоступна), ни среда, в которой находится объект, и пр. Конечно же, существуют оговорки об учете факторов среды и о приближениях, уточнениях, усечениях данных и т. п., однако они еще более подчеркивают

а) частичность восприятия исследуемого объекта;

б) поверхностность, неточность восприятия, в том числе потому, что сущностные моменты (в том числе вещь в себе) наукам не подвластны хотя бы по причине отрицания последними *сверхчувственного*;

в) непосредственно абстрактный, случайный, субъективный характер восприятия объекта и значит, данных и их определения.

Иными словами, не учитывается само по себе очевидное (достаточно полно рассмотренное Гегелем) положение, связанное с восприятием объекта (со сбором данных), суть которого в следующем. С одной стороны, то или иное свойство объекта может быть воспринято, если есть *возможность* этого, без которой вообще нельзя говорить о полном, корректном или хотя бы о более или менее адекватном восприятии объекта, что, по всей видимости, и порождает превратные представления о сборе данных, например, о необходимости отсечения «пиковых» или других значений, не укладывающихся в понимание наук, а также говорит о том, что необходимо более глубокое, сущностное изучение феномена. С другой стороны, сам научный подход к восприятию и сбору данных реально представляет собою то, что Гегелем обозначено в его труде «Наука логики» как специфический случай идеализма, когда исследователь а) видит объект именно таким, каким *может* видеть, но не обязательно так, *каким* объект имеется на самом деле, и, главное, б) не может зафиксировать и исправить неистинность, ибо в науках а) нет возможности изучения существа (сущности) объекта и восприятия этого, т. е. того, *что* и *как* воспринимается на самом деле, и б) не известно, что такое мышление и суждение [8], т. е. отсутствуют возможности исправить искажения. Отсюда — обсуждаемые еще со времен Парменида кажимость и мнения, а не сущностные знания...

В-четвертых, отдельным образом нужно отметить, что в науках и информационных технологиях не обсуждаются сущностные основы, определенности и аспекты объекта и, следовательно,

данных и их метаморфоз (в том числе определяющих вопросы обработки данных), и поэтому в науках даже не рассматривается вопрос получения доступными им материалистичными (ограниченными) методами тех данных, которые лежат вне чувственного восприятия объекта, или вне пределов рассудка — по Канту. Иными словами, исследование сущностных позиций — очевидный вопрос, который подлежит отдельному изучению (что облегчается тем, что его основные позиции рассмотрены в философии Гегеля).

А в целом следует сделать вывод о том, что в науках и информационных технологиях нет гарантий адекватности восприятия объекта и тем более точности его описания, *что ставит под сомнение определение данных, возможность их обработки формальными методами и объективность получаемого результата в науках и информационных технологиях.*

В-пятых, следует отметить то, что в науках и в информационных технологиях не установлено однозначное корректное отношение данных к сопутствующим при их определении терминам, в первую очередь к *информации и знаниям* — к понятиям, часто используемым в связи с данными, даже взаимозаменяемым с ними, правда, произвольно, в основном, когда нет возможности что-то обосновать или точно определить (т. е. достаточно часто).

Это в свою очередь, в-шестых, обусловлено, на первый взгляд, схожей проблемой (но на самом деле гносеологическими причинами) — тем, что в науках не определена принципиально важная для обозначенных понятий и соответственно исследуемых феноменов и для проведения исследований вообще следующая (гносеологическая) совокупность терминов: «понятие», «определение» и «категория» (а вот в системе философии Гегеля они определены и вполне могли бы использоваться в науках). Более того, эти термины понимаются и определяются различными учеными в основном по-разному, что не только ведет к субъективности, относительности и неоднозначности этих и других терминов, но и составляет в науках серьезную методологическую проблему, и поэтому, в частности, любые рассуждения о научном обоснованном определении терминов «данные», «информация» и др. вряд ли могут быть корректны.

Все указанное, с одной стороны, является существенной причиной неопределенности данных в науках, ибо нет основы (существа) их определения, а, с другой стороны, ставит вопрос о глубоком философическом осмыслении данных, точнее — о диалектическом, так как для обычных философских наук до сих пор остается потаенной Кантовская вещь в себе, или сущность вещей (хотя они исследованы в труде Гегеля «Наука логики»).

В-седьмых, актуально еще одно важное положение, касающееся данных и их метаморфоз: в науках и информационных технологиях до сих пор не обозначена (или замалчивается) и не решается проблема определения *знаний* и их получения. Дело в том, что:

- знания по существу не определены, и в науках ими, по сути, считаются субъективные мнения ученых (ибо объективность знаний, например, по Платону, отрицается), зачастую противоречащие друг другу и периодически подвергающиеся критике и опровержению, и поэтому актуальны различные приближения, оговорки и правила, которые неизбежно были приняты в науках (например, *принцип фальсифицируемости*);

- результаты обработки данных, скорее всего, следует признавать теми же данными, правда, имеющими дополнительное свойство, характеризующее их получение, однако тогда в науках нужно было бы корректно определить данные и, более того, детально определить познание, которое ведет к получению именно знаний, отличных от первичных данных.

При этом — при обработке данных и получении знаний — обычно говорится о применении методов, причем о большом количестве разнообразных методов, регламентов и т. п., но без обоснования следующего:

- применимости тех или иных методов к предназначенным для обработки данным, т. е. методы, как получается, могут применяться к данным, неопределенным по существу своему, причем лишь к тем данным, к которым они попросту *подходят*, т. е. когда *могут* применяться, или имеются не сущностные, содержательные и необходимые посылки и правила применения методов, а внешние и безотносительные, что, кроме всего прочего, не обеспечивает доказательности истинности получаемых результатов (знаний, познания);

- возможности корректного применения абстрактных по своему существу методов к конкретным данным, к тому же формализованным, т. е. неким образом измененным;

- достижения закономерных, истинных, или хотя бы попросту непротиворечивых результатов.

Однако в силу методологической и содержательной целостности (или хотя бы заявлений ученых и специалистов об объективности и логичности научного познания и информационных технологий) операции и тем более методы должны а) не обозначаться бездоказательно и лишь *прилаживаться* к данным (как очевидные, сами по себе напрашивающиеся), а выводиться вместе с ними из некоторой посылки, в том числе отражающей обсужденное выше «начало» данных; б) быть логически обоснованы (эти вопросы решены в философии Гегеля).

Исходя из сказанного, можно сделать вывод о том, что обработка данных и получение знаний в науках и информационных технологиях не являются, по меньшей мере, настолько корректными, объективными и безотносительными, насколько обычно преподносится, что обуславливает ряд существенных вопросов к реализации познания в науках и к осуществлению информационных технологий, но не обсуждается в науках.

В-восьмых, в связи с вопросом о получении знаний, пониманием этого и оценкой этого крайне важно понятие *решения*, особенно его принятия, которое, следует особо отметить, осуществляется а) с учетом неких установок, внешних для обработки данных, независимых от них, по существу субъективных; и б) в условиях отсутствия в науках определения, или хотя бы понимания, интеллекта [10], без которого принятие решения невозможно. Поэтому очевидна субъективность (произвол) принятия решения, и в результате не только решение оказывается субъективным и случайным, что никак не согласуется со строгостью осуществления познания, тем более применения компьютеров, но и понимание оценки познания и существа процедур принятия решений в науках оказывается необоснованным (ставится под сомнение), а вместе с этим и соответствующая важная функция научного познания и информационных технологий.

Существенны и иные вопросы и проблемы при определении данных и связанных с ними терминов и процессов.

Отдельно следует сказать и о том, что для наук существенна проблема с логикой, лежащей в их основе, — с *обыкновенной логикой*, содержание которой Гегель удостоил *презрения* еще два века назад [3, т. 5, 30], — обуславливающей указанные и иные методологические проблемы, но прежде всего отсутствие в науках понимания и определения суждения [8], необходимого для осуществления обобщенных выводов и реализации познания.

И в итоге можно сделать такой вывод: поскольку данные не могут быть корректно определены, то в науках и в информационных технологиях актуальны проблемы с их реализацией, т. е. по сути с познанием. И этот вывод важен не столько даже для решения обозначенных выше отдельных проблем, сколько для познания в целом...

Определенность: основы диалектического определения данных

Неизбежность определения сущностных основ и аспектов данных и их метаморфоз (в том числе определяющих вопросы обработки данных) и затрагивания таких категорий, как «существо», «восприятие» и «определение», ставит вопросы об отказе от плохо себя зарекомендовавшего в рассмотренном случае объективно-научного познания и о необходимости обращения, как уже было указано выше, к философскому осмыслению проблемы, некоторые моменты которого уже были выявлены выше, точнее — к диалектическому, ибо, с одной стороны, философские науки так до сих пор и не смогли решить обозначенные и другие проблемы, и при этом, с другой стороны, практически все критичные для наук и информационных технологий вопросы рассмотрены в диалектике, прежде всего в философии Гегеля.

Иными словами, обуславливается острая необходимость обратиться к диалектике, отказавшись от неэффективных гносеологических основ, используемых в науках.

Посылками принципиально нового для наук — диалектического — изучения данных и методов их обработки стали вопросы развития диалектического познания и обозначенные выше проблемы.

Для понимания и начинания диалектического процесса определения данных и их обработки (ведущего также и к переосмыслению научного познания и информационных технологий) необходимо

акцентировать следующие положения, которые, по сути, являются и некоторыми выводами настоящей статьи и основаниями для ее пролонгации. Они а) обозначаются критикой научного понимания данных; б) актуальны для решения обозначенных выше проблем научного определения данных и процессов их обработки (что станет предметом ряда наших последующих статей); в) используются в современной диалектике при определении данных, алгоритмизации познания и переосмыслении информационных технологий, в том числе в целях их качественно нового предметного применения, по крайней мере, в современной диалектике.

Многие принципы и инструменты, актуальные для решения обозначенных проблем и задач, указаны в трудах Гегеля, хорошо известных и изучаемых в системе высшего образования, так что их раскрытие и применение не составят большого труда.

Но, исходя из проведенного анализа и выявленных эмерджентных аспектов, важных, как было указано, для определения гносеологических особенностей возникших проблем и их решений, необходимо акцентировать следующие принципы, которыми следует руководствоваться:

- отказ от идеализма (присущего, как показал Гегель, подходу, основанному на обыкновенной логике, т. е. наукам!), причем в первую очередь в таких вопросах, как восприятие объекта, рассмотрение его сущностных аспектов и формирование данных,
- использование понятий знания по Платону и определения по Гегелю;
- применение не только гегелевских спекулятивной логики и системы логики (ее не следует путать с системой философии Гегеля, системой науки и энциклопедией философских наук), но и более развитых представлений, сформированных в рамках недиалектического проекта «Наука логики — 2», в первую очередь возможностей системы логик [9];
- отказ от ничтожных «законов» обыкновенной логики и «законов» Энгельса (известных как «законы диалектики» [7]);
- понимание обработки данных (в том числе применение методов) в качестве частного вида познания (что в корне меняет представление об информационных технологиях и обуславливает переосмысление их определения и применения);

- применение недиалектических представлений об интеллекте и его компьютеризации [10] хотя бы потому, что соответствующие научные представления ведут к неопределенностям, парадоксам и противоречиям, ибо компьютеризированные процессы познания, принятия решения и выполнения интеллектуальных действий (соответствующих понятиям западного *artificial intelligence* и русского *искусственного интеллекта*) являются всего лишь исполнением однозначных алгоритмов, а не реализацией свободного мышления, которое лежит в основе соответствующих человеческих процессов; при этом также нужно осуществить переосмысление понятия *программы*, о чем мы уже говорили в ряде наших статей (см., напр.: [10]), и соответственно информационных технологий (таким образом, переосмысление информационных технологий имеет ряд предпосылок).

Соответственно базовыми положениями качественно нового для наук диалектического определения и исследования данных становятся давно известные в диалектике (в первую очередь из труда Гегеля «Наука логики»):

- исследование сущностных позиций;
- понятие различения, которое следует применить к данным;
- диалектическая определенность знаний, что приводит в том числе к пониманию и определению *метаданных* (активно используемых в программировании, но в нем необоснованных и случайных, как и данные);
- понятие *формы*, которое следует применить к данным, прежде всего в смысле форматов данных (например, база данных);
- диалектическая определенность законов;
- понятие развития (динамика, изменение), которое следует применить к данным, что должно, с одной стороны, пониматься в смысле познания и, с другой стороны, трансформироваться в позиции обработки данных и стать основанием определения информационных технологий.

С учетом обозначенных принципов и базовых положений необходимо обуславливаются исследования:

- сущностных аспектов объекта — того, что он есть по существу своему, причем при понимании того, что им может быть как физический феномен, так и сущностный, а в пределе — трансцендентный ноумен (пусть в науках отрицается понятие сверхчувственности, но речь в данном случае идет о диалектических исследованиях), ибо только такое различие позволит установить вожделенные существенные присущие внутренние признаки (в науках рассматриваются только внешние);

- проблемы субъективности ощущений (в смысле восприятия эта проблема решена в философии Гегеля), что позволит решить упомянутое выше противоречие наблюдаемого объекта и вопрос о том, *что* данные есть по существу своему;

- процессов восприятия объекта, начиная с его *состояния* и заканчивая формированием его образа (что исследовано в философии Гегеля), включая объективные и субъективные аспекты, внешние и сущностные аспекты;

- способов и аспектов описания как самого объекта, так и его отображения, образа;

- различия данных (что еще ни разу не констатировалось в науках);

- процессов изменения образа феномена, но не в силу внешне применяемых к нему математических, статистических и иных научных методов, а исходя а) из его внутренней природы и б) из необходимости.

Основными из пролонгирующих вопросов, определяющих основы алгоритмизации познания и информационных технологий, становятся исследования:

- закономерности (изменений) данных, что крайне важно в первую очередь для исключения произвола сбора данных, принятия решения и др., который обуславливает субъективность, случайность и ошибочность восприятия и сбора данных, их обработки, получения знаний и принятия решения;

- опосредствования данных, в том числе их осмысление а) по отношению к ряду категорий, в первую очередь к знаниям, определениям, информации и метаданным, б) в плане их субъективного изменения;

- политики (методологии) исследований, *выражающих* развитие феномена, т. е. обнаруживающих его (искомые) черты и развитие, включая закономерности и необходимость;

- методов исследования объекта и обработки данных.

Указанные положения обуславливают осуществление принципиально отличного от научного — диалектического — подхода к:

- а) изучению и определению данных и возможностей их обработки;

- б) созданию качественно новых информационных инструментов, что обуславливает переосмысление информационных технологий (ряд других причин которого был обозначен по ходу статьи);

- в) алгоритмизации и развитию познания, по крайней мере, диалектического.

Таким образом, рассмотренная в статье проблема определения данных в науках выходит далеко за свои пределы и при этом обозначает не только до сих пор даже не определенные в науках проблемы научного познания и информационных технологий, но и основы их решений.

Литература

1. Большой энциклопедический словарь. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2000.
2. Бочаров В.А., Маркин В.И. Введение в логику: Учебник. М., 2010.
3. Гегель Г.В.Ф. Соч.: В 14 т. М.; Л., 1929 — 1958.
4. Информационные системы и технологии / Под ред. Ю.Ф. Тельнова. М., 2017.
5. Информационные технологии и вычислительные системы: Обработка информации и анализ данных. Программная инженерия. Математическое моделирование. Прикладные аспекты информатики / Под ред. С.В. Емельянова. М., 2015.
6. Кулаичев А.П. Методы и средства комплексного статистического анализа данных: Учеб. пособие. 5-е изд., перераб. и доп. М., 2017.
7. Молчанов К.В. «Законы диалектики» — не законы диалектики, и некоторые актуальные положения // Философия хозяйства. 2013. № 6.

8. Молчанов К.В. О некоторых из проблем научного понимания и определения суждения // *Философия хозяйства*. 2016. № 2.
9. Молчанов К.В. Кантианская, гегелевская и современная диалектики и программирование: диалектическая система логик, развитие логики и особые форматы современного диалектического познания // *Философия хозяйства*. 2020. № 1.
10. Молчанов К.В. Неопределенность интеллекта и искусственного интеллекта в науках и целевая детерминация интеллекта и киберинтеллекта в современной диалектике // *Философия хозяйства*. 2020. № 2.
11. Паклин Н.Б. Бизнес-аналитика: от данных к знаниям. СПб., 2009.
12. Энциклопедический словарь / Под ред. А.А. Ивина. М., 2000.

Reference

1. Bol'shoj enciklopedicheskij slovar'. 2-e izd., pererab. i dop. M., 2000.
2. Bocharov V.A., Markin V.I. Vvedenie v logiku: Uchebnik. M., 2010.
3. Gegel' G.V.F. Soch.: V 14 t. M.; L., 1929 — 1958.
4. Informacionnye sistemy i tekhnologii / Pod red. YU.F. Tel'nova. M., 2017.
5. Informacionnye tekhnologii i vychislitel'nye sistemy: Obrabotka informacii i analiz dannyh. Programmnyaya inzheneriya. Matematicheskoe modelirovanie. Prikladnye aspekty informatiki / Pod red. S.V. Emel'yanova. M., 2015.
6. Kulaichev A.P. Metody i sredstva kompleksnogo statisticheskogo analiza dannyh: Ucheb. posobie. 5-e izd., pererab. i dop. M., 2017.
7. Molchanov K.V. «Zakony dialektiki» — ne zakony dialektiki, i nekotorye aktual'nye polozheniya // *Filosofiya hozyajstva*. 2013. № 6.
8. Molchanov K.V. O nekotoryh iz problem nauchnogo ponimaniya i opredeleniya suzhdeniya // *Filosofiya hozyajstva*. 2016. № 2.
9. Molchanov K.V. Kantianskaya, gegelevskaya i sovremennaya dialektiki i programmirovaniye: dialekticheskaya sistema logik, razvitie logiki i osobyie formaty sovremennogo dialekticheskogo poznaniya // *Filosofiya hozyajstva*. 2020. № 1.

10. *Molchanov K.V.* Neopredelennost' intellekta i iskusstvennogo intellekta v naukah i celevaya determinaciya intellekta i kiber intellekta v sovremennoj dialektike // *Filosofiya hozjajstva*. 2020. № 2.

11. *Paklin N.B.* *Biznes-analitika: ot dannyh k znaniyam*. SPb., 2009.

12. *Enciklopedicheskij slovar' / Pod red. A.A. Ivina*. M., 2000.

А.И. РАЗУМОВСКИЙ

Дистанционное образование как трагедия личности*

Аннотация. Описываются результаты философского исследования условий обеспечения качественного образовательного процесса, включая проблемы нравственности, ответственности и инициативности студента, а также его психического и физического здоровья. Внимание обращается на изменение динамики образовательной среды при дистанционном обучении. Конечным результатом оказался факт принципиальной невозможности заменить очное или личное образование на отстраненную, безответственную дистанционную форму. Трансформация образовательной среды через отрыв личностей друг от друга ведет не только к истощению возможностей получить качественные знания, но и к камерному одиночеству с катастрофическими последствиями для нравственного, психического и физического здоровья.

Ключевые слова: дистанционное образование, образовательный контекст, нравственность, ответственность, доверие, здоровье.

Abstract. The article describes the results of a philosophical study of the conditions for ensuring the quality of the educational process, including primarily the problems of formation of morality, responsibility and initiative of the student, as well as mental and physical health. Primary

* Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Разумовский А.И. Дистанционное образование как трагедия личности // *Философия хозяйства*. 2021. № 2. С. 194—212.

attention is paid to changes in the dynamics of the educational environment in distance learning. The true end result turned out to be the fact that it is fundamentally impossible to replace face-to-face or personal education with its detached, irresponsible distance form. Transformation of the educational environment through the separation of individuals from each other leads not only to the exhaustion of opportunities to obtain quality knowledge, but also to chamber loneliness with disastrous consequences for moral, mental and physical health.

Keywords: distance education, educational context, morality, responsibility, trust, health.

УДК 111; 378.1

ББК 65в; 74.2

Введение

Вопросы образования и воспитания часто обсуждаются в контексте оценок учащихся, удержания контроля над процессом обучения, а также удовлетворенности достигнутыми целями и полученными результатами. Соответственно в литературе достаточно свидетельств неправомерных, запутывающих или поверхностных оценок тех или иных образовательных процедур, методов и тенденций. Например, часто можно встретить, как по факту лучшей успеваемости студентов делается вывод о высоком качестве преподавательской технологии. Упускаются из виду такие значимые характеристики образованного человека, как личная ценность знаний; удовлетворение приобретением знаний; харизматические роли стимулов знаний; знания, ведущие к лидерству; эмоциональное обогащение; релаксация при понимании; повышение впечатлительности к новому; изменение влияния познания; знания, влияющие на изменение личности; дистанцирование при получении знаний.

Кроме того, слабо изучены сопутствующие обучению феномены: смены настроения, эмпатия, воодушевление, апатия, неуверенности, страхи, непонимание. Мир образовательных текстов, к сожалению, почти не содержит материалов о преподавательской заботе, роли нравственных наставлений, ответственности за поступок и выполненное решение. При этом существует достаточно обширная практика исследований обучения критическому мышлению. В этом

контексте оказывается парадоксальным, что практически отсутствуют тексты о воспитании здравого смысла, который, возможно, представляет собой квинтэссенцию образовательных целей. И здравый смысл имеет гораздо более широкий спектр приложений, нежели критическое мышление, которое представляет собой зачастую просто практику упрощения.

В стремлении изучить образовательные стратегии и смыслы мы не должны упускать из виду динамическое изменение обстановки самого образовательного процесса. А этот контекст за последние несколько лет серьезно изменился и продолжает меняться. Особенно резкие перепады вызваны пандемией COVID-19, которая вынужденно поставила образовательный процесс вверх дном.

Еще несколько месяцев назад, во время второй волны пандемии COVID-19, у некоторых власть имущих структур резко обозначилось, и даже обострилось, желание скорейшего приведения очного (а лучше сказать — личностного) образования к его дистанционной форме. Существуют разные ожидания и представления о наименованиях дистанционной среды обучения: дистанционное, электронное, онлайн-обучение [9; 49]. Здесь мы не станем их различать, для чего введем понятие — удаленный воспитатель, которое впоследствии обсудим и утвердим. Но прежде всего дадим простое определение дистанционной форме обучения. Дистанционное обучение — это совокупность процессов передачи и приобретения знаний, каждый из которых по преимуществу производится безответственным путем. По мере повествования мы станем приоткрывать это его свойство.

К сегодняшнему положению вещей образование и наука шли давно. Уже в 1960-х гг. вопрос механистичного отношения к человеку занимал умы психологов, социологов и педагогов. Например, о свирепствующей тенденции технологизации человеческих проблем, освобождения их от ценностей и превращения в дело техники в сфере воспитания, образования, социальной службы и других профессий писал А. Маслоу [45]. При этом хорошо известно, что разносторонность личности напрямую зависит от степени активности восприятия окружающего мира: «активное восприятие разнообразия мира увеличивает возможности человека создавать новые концептуальные категории и осуществлять дифференциацию и анализ» [31].

Знание о каком-либо предмете не бывает совершенно определенным и выверенным. Оно всегда неоднозначно, а лучше сказать — многогранно, разнопланово. Эта многогранность зачастую располагается в иррациональной области возможного знания [19; 44; 64], косвенного знания [16; 17; 61] и отраженного знания [50], в том числе связанного с изменчивостью поведения [65]. Приобретение знаний и правильная их передача также представляют собой сложную, многослойную задачу. Такая задача — как клубок ниток — сплетает социальные, личностные, методологические, технологические, нравственные, этические связи, каждую из которых нельзя не учесть при выработке образовательного решения. В противном случае получится ущербный результат, способный нанести неожиданный вред психическому, физическому и нравственному здоровью.

Чтобы победить сложность, важно уметь концентрироваться на деталях, целостности и связности, зачастую косвенной. Такое умение — не что иное, как мудрость. Следовательно, первостепенной задачей образования является возвращение мудрости.

Кроме того, мы должны всегда настаивать и подчеркивать, что разговор ведется о людях, а не о технологических модулях и не о формальных участниках образовательных процедур. Обстановка, антураж и контекст определенно важны. Этимология термина «образование» (в плане научения) в русском языке соотносится с деятельностью по формированию, выращиванию, созиданию и воспитанию образа. Это деятельный творческий процесс, в результате которого раскрываются (как лепестки цветка) разносторонние таланты и способности личности. Творческое становление образа определяется также его воспитанием, терминологическая значимость которого в русской этимологии соответствует не только кормлению и выращиванию, но и умственному, и нравственному раскрытию личности. Воспитание — забота, нравственность, ответственность и доверие. Великий русский педагог К.Д. Ушинский полагал воспитание искусством [1].

Воспитание образа. Привлечение к знаниям доверием

Рассмотрим теперь перечисленные выше свойства воспитания в ситуации постепенного отдаления от них, снижения их значимости, в первую очередь — доверия. Удаленным воспитателем назовем пре-

подавателя, осуществляющего обязанность вербального или образно-текстового руководства студентами в условиях ограниченного или отсутствующего взаимного доверия отвлеченным способом. И далее испытаем вблизи сущность, деятельность, порядок, мощь и изменения доверия.

Коммуникации, в том числе образовательные, получившие в последнее десятилетие мощный импульс ИТ-возможностей, подыскивают подтверждения улучшению и повышению качества взаимодействия людей и приобретения знаний. Поскольку взаимосвязанность человека с человеком происходит на фундаменте доверия, то можно наблюдать, как доверие подвергается все более серьезному натиску со стороны исследователей удаленных коммуникаций. Вот, что они порой пишут: «...факторы доверия дают ключ к тому, как улучшить коммуникацию в социальных сетях и улучшить функциональные возможности платформы взаимодействия. Например, удобство оказывается важным фактором в отношении группового общения с помощью вычислительных возможностей. Удобство предполагает, что инструмент дешев, прост в использовании и быстр в действии» [7]. Иначе говоря, дешевизна, простота и скорость использования некоей ИТ-функциональности влечет за собой удобство и доверие. С точки зрения жизнедеятельности человека это вызывает серьезные сомнения. Но таких текстов сегодня появляется все больше, особенно когда мерой качества взаимодействия остается лишь условная удовлетворенность: «...более низкая удовлетворенность руководителей проекта проистекает из их разочарования в общении с другими людьми, находящимися в удалении» [30].

Доверие как канал не столько передачи знаний, сколько тесного этического, личностного общения по-прежнему отмечается необходимым: «сообщество исследователей меняет этические отношения обучения существенно по-разному, потому что для развития образования оно ценит этическое доверие более высоко, чем стратегическое доверие к логическому принципу, долгу, истине или анализу затрат/выгод» [28]. Можно говорить о доверии как о пути к расположению с последующим узнаванием, эмоциональной реакцией и усвоением. Иначе говоря, доверие — это путь к заданной цели, искомому

результату. И это также отмечается многими: «Доверие — это фундаментальный фактор, определяющий успех или неудачу проектов» [48].

Доверительное образование можно трактовать как сотрудничество, кооперацию, единомыслие. Хорошим примером доверительной совместной деятельности, направленной на выработку и распространение новых идей и знаний, является распределенная разработка программного обеспечения (ПО). Некоторые исследователи указывают на риски взаимодействия, непосредственно связанные с доверием: проблема обмена знаниями; проблемы координации общей деятельности; коммуникационные личностные барьеры [52]. Однако положительная корреляция между доверием и успехом сотрудничества, между доверием и передачей знаний однозначно имеет место [33; 40; 41].

Познание через творчество

Концентрируясь на передаче и восприятии знаний, исследователи забывают об изменении поведения, которое не только сообразуется со здравым смыслом, но и обуславливается вовсе нерациональными причинами. Здесь уместно будет вспомнить, что писал А. Маслоу о невербальном воспитании, указывая на основные ценности его результата: человек, находящийся в движении, творческий, импровизирующий, доверяющий себе, мужественный, самостоятельный [43]. Вот бесценная сосредоточенная мысль! Человек, его образ, при должном воспитании становится творческим, склонным к импровизации, нестандартному поступку и мысли. А это прямо и косвенно связано с доверием как между наставником и учеником или между учениками, так и внутри комфортных отношений, дружественной среды, общей эмоции выражения понимания и отклика.

Итак, воспитуемый образ ученика должен иметь несколько фундаментальных основ, среди которых выделим понимание, опирающееся на «чувство дома» [18], ситуативную конкретизацию с контекстом [38] и жизненный опыт [62]. Кроме того, сегодня существует осознание связующей нити понимания в контекстах конкретных ситуаций и живого непосредственного опыта [14].

О творчестве со стороны учителя, выстраивающего целостный образ ученика, сегодня остается, пожалуй, только мечтать. Впрочем,

некоторые исследователи по-прежнему настаивают на центральной роли творчества в образовании и воспитании [6]. А групповая творческая активность, безусловно, связана с поддержкой друг друга. Существуют специальные выражения такой поддержки: плечом к плечу, бок о бок, рука об руку, рядом, совместно. Выражение «рядом», например, этимологически имеет значение судить или управлять, что непосредственно указывает на целеустремленную динамику воспитания образа. Творчество и нахождение людей плечом к плечу обеспечивают связующие нити невидимого взаимодействия студентов и учителей. Этот сплав творчества, эмоций, сопереживаний, сомнений и взаимных интересов устанавливает уникальную (но не универсальную) среду познавательных, интерактивных, сочувственных поступков и откликов, которые определяют ткань неповторимого образа личности. А для того, чтобы прикоснуться и углубиться в природу этих тонких психологических, социальных, информационных элементов воспитания, необходимо взглянуть на них в общем контексте сосуществования и изменчивости. Сегодня можно найти исследования поведенческой регуляции, например, эмоциональной [39], которая непосредственно связана с жизнеспособностью контекста воспитания. Однако нет исследований, в первую очередь психологических, которые собрали бы вместе всевозможные реакции и отклики доверительных, эмоциональных, когнитивных, телесных, социальных, информационных, корпоративных, управленческих и нравственных факторов в целостном контексте воспитания личности.

Динамика и трансформация образовательных контекстов

Детали, составляющие устройство образовательной среды, хорошо изучены и известны. Предполагая их разрозненность, добавим к ним для полноты некоторые дополнительные элементы, которые, по нашему мнению, нельзя сбрасывать со счетов, иначе картина образовательного контекста исказится. Итак, важно непременно учесть следующие элементы образовательного контекста: эмоции, обзорность, поведенческие реакции, запах, звуковой фон, «чувство локтя». Следует также понимать, что образовательный контекст сам по себе динамичен и изменчив. Его уместно сравнить с протекающей жиз-

нию, в которой присутствуют как управляемые компоненты, так и неопределенные, неявные, сотканые самой жизнью. Динамика образовательного контекста также соотносится с восприятием и переживанием личности как откликом на жизненную изменчивость. Но, разумеется, на динамику среды можно влиять и извне, вводя в него технологические (например, кликеры) и человеческие (например, игры) средства взаимодействия и соучастия в едином процессе обучения.

Существует понятие общей эмоции, которая усиливает восприятие материала. Авторы работы [47] основывают свой вывод на теории ритуала взаимодействия Р. Коллинза [11]: «мы определяем, как развивается взаимная фокусировка внимания через наличие объема задач, который фокусирует внимание, создавая барьеры для посторонних и эффективно используя артефакты, связанные с решениями. Общая эмоция является результатом обоюдного сосредоточения внимания и усиливает его». Также они определяют взаимный фокус внимания, который студенты развивают и поддерживают и который необходим для достижения коллективного прогресса в решении задачи. В работе [37] утверждается, что в основе такого усиливающего эффекта общей эмоции лежит естественное взаимодействие между детьми с самого их раннего возраста, а положительная эмоция основывается на совместных переживаниях. В контексте общих эмоций говорят о групповой эмоции радости и групповой эффективности [53], а также о предсказуемости поведения [57].

Любое изменение сложившегося образовательного контекста, особенно внешне навязанное и безапелляционное, не только влечет за собой трансформацию самого процесса приобретения навыков и знаний, но и меняет саму глубинную структуру отношений между людьми, их социальную насыщенность, творческую активность и целеустремленность. Снижается удовлетворенность, а с ней восприятие, понимание и усвоение представляемой информации.

Предположим, что, пригласив читателя к конструктивному представлению, нам удастся изобразить детали таким образом, чтобы сделать очевидным трансформационные издержки контекстов обучения. Мы опишем несколько воображаемых ситуаций, в которых релевантные черты могут быть отделены от тех, которые несущественны для рассматриваемого предмета.

Первая трансформация будет пространственной. Представим такую картину: ученики собраны в аудитории, которая вдруг теряет стены. Они оказываются на берегу небольшой, но бурной и глубокой реки. Преподаватель же перемещен на другой ее берег и оттуда пытается докричаться до своих учеников. Ему с усилием это удастся, и, допустим, информация учениками воспринимается и даже понимается. Однако качество усвоения этих знаний, вероятно, не станет выше аудиторного. Кроме того, в такой ситуации нет ни аудиторной атмосферы, ни общего огня инициативы, а общая эмоция и телесное познание снижаются из-за усилий, растрчиваемых на дополнительное старание услышать преподавателя с другого берега реки.

Теперь усугубим пространственную обстановку. Преподаватель теперь не только находится на другом берегу, а вдобавок перед ним барьер, и теперь он учеников не видит вовсе. Каков уровень его творческого комфорта теперь? Можно с уверенностью предположить, что не найдется учителя, желающего общаться с учениками через стену, не видя их, почти не слыша, не чувствуя присутствия, вне разнообразия запахов и эмоций. Равнозначно и ученики вряд ли окажутся довольны таким поворотом дел, хотя они все еще могут общаться друг с другом, обсуждать предмет и иметь возможность коллективного познания.

Тогда мы сделаем небольшую поправку: вырежем из разъединяющей стены окно. В это окно преподаватель снова может передавать информацию на другой берег и видеть издали реакцию слушателей.

Однако после упрощений вновь усилим трансформацию контекста обучения. Пусть каждый ученик теперь заключен в короб-кабинет индивидуального пространства, так что совместные телесные ритуалы, эмоции, инициативы и запахи оказались бы невозможны. При этом все же оставлено окно для того, чтобы видеть через него преподавателя. Для полноты картины пусть в таком же коробе-кабинете находится и сам преподаватель. Итак, у всех студентов есть теперь вырезанные окна, через которые они могут слышать преподавателя, и немного своих соседей. Удивительно безрадостная картина. Даже если допустить, что в коробах-кабинетах есть питание, удобное

кресло или диван, способствующий отдыху уставшего человека. Студенты и преподаватель оказались в автономном положении, разобщены и одиноки в своих камерах.

В завершении сценария заменим окно короба-кабинета компьютером с возможностью через дисплей, микрофон и камеру осуществлять взаимодействие студента с преподавателем. После этого картина становится, казалось бы, вполне дружественной и комфортной. Но вот мы и получили дистанционную технологию.

Часто внедрение некоей технологии обуславливается ее эффективностью. Например, «эффективность электронного обучения повышается за счет создания эффективной инфраструктуры электронного обучения и постоянных усилий по стандартизации, в то время как социальная легитимность достигается за счет создания надежной системы регулирования, применения социально приемлемой онлайн-педагогике, повышения осведомленности общественности и создания сообществ электронного обучения» [60].

Кроме того, качество внедряемой технологии описывают в терминах позитивного/негативного отношения ее объектов. Общее позитивное отношение студентов и профессорско-преподавательского состава к использованию дистанционных методов отмечается, например, в работе [20]. Указывают на более высокие оценки студентов в дистанционных формах обучения в [24], правда, говорится о большей при этом неудовлетворенности.

В целом, польза дистанционных методов обучения включает технологические и технические преимущества. Некоторые исследователи по-прежнему получают результаты о предпочтительности очного обучения, однако они также апеллируют к технологической стороне обучения, лучшим оценкам и показателю общей удовлетворенности [5; 63].

Всякая удовлетворенность основывается на внутренних, неявных ощущениях, трудных в их квалификации, для чего обычно используют шкалы [13]. Иначе говоря, ссылки на удовлетворенность часто не релевантны объективной действительности, и ими можно манипулировать. Зато есть настоящий фактор верности или отчетливой сомнительности того или иного подхода. Речь идет о здоровье, качество которого возможно будет адекватно оценено и недвусмысленно связано с контекстными характеристиками. Более того, когда

исследуются трансформации контекстов, связанных с социальной, образовательной, деятельной средой, попечение о здоровье участников таких контекстов должно быть первенствующим фактором внимания. Иными словами, любая модификация образовательного контекста должна быть под пристальным взором специалистов по охране здоровья и окружающей среды, психологов, терапевтов и психиатров.

Вернемся к вышеописанному последнему эпизоду сценария трансформации образовательного контекста. Рассмотрим пристально факторы риска здоровью студента, заключенного в отдельном боксе-кабинете или камере, где всякое взаимодействие с внешним миром ограничено дисплеем с камерой и микрофоном.

Очевидно, первым фактором является дефицит социальных отношений. Вот как о результатах такого дефицита пишут специалисты: «результаты включают депрессию, плохое качество сна, нарушение исполнительской функции, ускоренное снижение когнитивных способностей, неблагоприятную сердечно-сосудистую функцию, нарушение иммунитета, изменение гипоталамической гипоталамо-адренкортикальной активности, профиль экспрессии провоспалительных генов и более раннюю смертность» [26].

Эти же авторы уточняют, что регуляция и функция гипоталамо-гипофизарно-адренкортикальной оси «вливают на широкий спектр физиологических функций, которые включают регуляцию глюкозы, метаболизм, контроль воспаления, а также сердечно-сосудистые, репродуктивные и неврологические эффекты» [27].

Восприятие социальной изоляции усиливает настороженность и тревогу в отношении неявных угроз, а также чувство уязвимости, одновременно повышая желание находиться в коллективе. Эти психологические процессы влияют на физиологическое функционирование, снижают качество сна и увеличивают заболеваемость и смертность [25]. Человеческий опыт — «чувствовать себя успокоенным в присутствии близких людей и чувствовать себя подавленным, когда оставляют одного» [15].

Есть подтверждения, что повышенное восприятие одиночества сопровождается депрессивными симптомами [3, 224; 51]. Но риски распространяются и дальше. «В настоящее время имеются существенные данные, свидетельствующие о том, что лица, лишённые

социальных связей (как объективной, так и субъективной социальной изоляции), подвергаются риску преждевременной смертности» [32]. «Одиночество является фактором риска смертности от всех причин» [54]. Смертность от создания дистанционного контекста обучения? Не велика ли цена такой трансформации?! Но и это еще не все. В своей книге [8] автор пишет: «Разлука и отчуждение причиняют боль, а общество близких людей приносит удовольствие; реагируя на чувство социальной боли и удовольствия, мозг приспособливает свои схемы к местным обычаям. Таким образом, забота распределяется, формируется совесть, и прививаются моральные интуиции». И далее: «Ключевой частью истории является окситоцин — древняя молекула тела и мозга, которая, снижая стрессовую реакцию, позволяет человеку развивать доверие друг к другу, необходимое для развития тесных связей, социальных институтов и морали. Новое важное свидетельство того, что действительно делает нас нравственными». На окситоцин, связывающий мозговую деятельность, социальное участие и нравственность, указывается во многих работах (например: [29; 36; 55]).

Таким образом, участие, забота, доверие и нравственность, о которых много говорилось в начале статьи, являются антагонистами удаленного обучения. Готовы ли мы воспитание нравственности принести в жертву дистанционному образованию?

Но образовательная изоляция ведет еще и к серьезным психиатрическим проблемам. Среди таковых разными исследователями указываются общий различимый психиатрический синдром [21], синдром дефицита внимания [35], депрессия и неврозы [46].

Даже у здоровых людей провоцируются серьезные психические и физические нарушения [4, 90, 741]. Некоторые авторы ассоциируют социальную изоляцию с тюремным заключением и указывают, что одиночное заключение само по себе является жестоким наказанием [12], последствия которого существенны [59], и называют одиночное заключение социальной смертью [22].

И наконец, мы получили обширную литературу по проблемам психики и психиатрии при социальной изоляции из-за COVID-19 [2; 10; 23; 34; 42; 56; 58]. По свидетельству этих исследований не названо ни одного положительного результата для психического и

физического здоровья при создании для человека искусственного одиночества.

Итак, чего же можно добиться, трансформируя контекст, — контекст бытия, контекст общения, контекст образования? Многочисленные результаты проведенных исследований в совершенно разных областях показывают однозначно негативные последствия здоровью, психике, нравственности студентов в условиях лишения их жизненных сил, вырывая из объятий друг друга, заставляя нервничать и переживать отсутствие полнокровного общения, лишая заботы друг о друге и возможности оказания помощи.

Заключение

Во многих изученных здесь работах делаются попытки разобраться с решением проблем физического, психического, нравственного здоровья человека: депрессией, смыслом, эмоциями, доверием, знаниями, заботой, общением. Но почти не задаются вопросом причинности этих проявлений личности. Именно эта незаинтересованность, по нашему мнению, и приводит к появлению ущербных практик отношения к человеку в образовании, воспитании, лечении, заботе. Это равнодушие заодно с бездушием расчета и стремлением к численным оценкам приводит — и уже привело — к чудовищным практикам дистанционного образования. В этом отстранении, дистанцировании от личности присутствует знак полного безразличия и безответственности, выражающийся в форме отсутствия внимательности, заботы, отрицания чувствительности и личной эмпатии. Таким образом, отчетливо виден мультипликативный эффект нравственного умерщвления и полного человеческого вырождения. Трагедия дистанционного обучения в том, что явный ущерб личностному психическому и физическому здоровью окружен прекраснодушными призрачными облаками счастливого электронного обучения, окружаемого улыбками радостных родителей, благополучных учителей и преуспевающих студентов.

Литература

1. Ушинский К.Д. Педагогика. Избранные работы. М.: Юрайт, 2017. 284 с.

2. *Banerjee D., Rai M.* Social isolation in Covid-19: The impact of loneliness. 2020.
3. *Bedard M., Woods R., Crump C., Anisman H.* Loneliness in relation to depression: The moderating influence of a polymorphism of the brain derived neurotrophic factor gene on self-efficacy and coping strategies // *Frontiers in Psychology*. 2017. No. 8. Art. 1224.
4. *Bennion E.* Banning the binge: Why extreme solitary confinement is cruel and far too usual punishment. *Ind. LJ*, 2015.
5. *Callister R.R., Love M.S.* A comparison of learning outcomes in skills-based courses: Online versus face-to-face formats. *Decision Sciences // Journal of Innovative Education*. No. 14 (2). P. 243—256.
6. *Chappell K., Craft A.* Creative learning conversations: producing living dialogic spaces // *Educational Research*. 2011. No. 53 (3). P. 363—385.
7. *Cheng X., Fu S., de Vreede G.J.* Understanding trust influencing factors in social media communication: A qualitative study // *International Journal of Information Management*. 2017. No. 37 (2). P. 25—35.
8. *Churchland P.S.* *Braintrust: What neuroscience tells us about morality*. Princeton University Press, 2018.
9. *Cinquin P.A., Guitton P., Sauzéon H.* Online e-learning and cognitive disabilities: A systematic review // *Computers & Education*. 2019. No. 130. P. 152—167.
10. *Clerici M., Durban, F., Spinogatti F., Vita A., De Girolamo G., Micciolo R.* Psychiatric hospitalization rates in Italy before and during COVID-19: did they change? An analysis of register data // *Irish journal of psychological medicine*. 2020. No. 1—8.
11. *Collins R.* *Interaction ritual chains*. Princeton university press, 2014.
12. *Coppola F.* The brain in solitude: an (other) eighth amendment challenge to solitary confinement // *Journal of Law and the Biosciences*. 2019. No. 6 (1). P. 184—225.
13. *Diener E.D., Emmons R.A., Larsen R.J., Griffin S.* The satisfaction with life scale // *Journal of personality assessment*. 1985. No. 49 (1). P. 71—75.
14. *Du Plessis A.E.* *Professional support beyond initial teacher education*. Singapore: Springer, 2018.

15. Eisenberger N.I., Lieberman M.D., Williams K.D. Does rejection hurt? An fMRI study of social exclusion // *Science*. 2003. No. 302. Art. 5643. P. 290—292.
16. Eraut M. Non-formal learning and tacit knowledge in professional work // *British journal of educational psychology*. 2000. No. 70 (1). P. 113—136.
17. Fershtman C., Gandal N. Direct and indirect knowledge spillovers: the «social network» of open-source projects // *The RAND Journal of Economics*. 2011. No. 42 (1). P. 70—91.
18. Gadamer H. *Truth and method*. N.Y.: Seabury Press, 1975.
19. García M.L. Closed Groups, Hidden Knowledge // *Anthropological Perspective*. 2008.
20. Gerasimova V G., Melamud M.R., Tutaeva D.R., Romanova Y.D., Zhenova, N.A. The adoption of e-learning technology at the faculty of distance learning of plekhanov russian university of economics // *Journal of Social Studies Education Research*. 2018. No. 9 (2). P. 172—188.
21. Grassian S. Psychopathological effects of solitary confinement // *American Journal of Psychiatry*. 1983. No. 140 (11). P. 1450—1454.
22. Guenther L. *Solitary confinement: Social death and its afterlives*. U of Minnesota Press, 2013.
23. Guessoum S.B., Lachal J., Radjack R., Carretier E., Minassian S., Benoit L., Moro M.R. Adolescent psychiatric disorders during the COVID-19 pandemic and lockdown // *Psychiatry research*. 2020. No. 291. Art. 113264.
24. Guo P.J., White J., Zanelatto R. Codechella: Multi-user program visualizations for real-time tutoring and collaborative learning // *IEEE Symposium on Visual Languages and Human-Centric Computing (VL/HCC) (2015, October)*. IEEE. 2015. P. 79—87.
25. Hawkley L.C., Cacioppo J.T. Loneliness matters: A theoretical and empirical review of consequences and mechanisms // *Annals of behavioral medicine*. 2010. No. 40 (2). P. 218—227.
26. Hawkley L.C., Capitanio J.P. Perceived social isolation, evolutionary fitness and health outcomes: a lifespan approach // *Philosophical Transactions of the Royal Society: Biological Sciences*. 2015. No. 370. Art. 1669.
27. Hawkley L.C., Cole S.W., Capitanio J.P., Norman G.J., Cacioppo J.T. Effects of social isolation on glucocorticoid regulation in

- social mammals // *Hormones and behavior*. 2012. No. 62 (3). P. 314—323.
28. *Haynes F.* Trust and the community of inquiry // *Educational Philosophy and theory*. No. 50 (2). P. 144—151.
29. *Heinrichs M., Baumgartner T., Kirschbaum C., Ehlert U.* Social support and oxytocin interact to suppress cortisol and subjective responses to psychosocial stress // *Biological psychiatry*. 2003. No. 54 (12). P. 1389—1398.
30. *Henderson L.S., Stackman R.W., Lindekilde R.* The centrality of communication norm alignment, role clarity, and trust in global project teams // *International Journal of Project Management*. 2016. No. 34 (8). P. 1717—1730.
31. *Hendrick H.W.* Human Factors in Organizational Design and Management // *Advances in Psychology*. 1987. No. 47. P. 347—398.
32. *Holt-Lunstad J., Smith T.B., Baker M., Harris T., Stephenson D.* Loneliness and social isolation as risk factors for mortality: a meta-analytic review // *Perspectives on psychological science*. 2015. No. 10 (2). P. 227—237.
33. *Humayun M., Jhanjhi N.Z.* Exploring The Relationship Between GSD, Knowledge Management, Trust And Collaboration // *Journal of Engineering Science and Technology*. 2019. 14 (2). 820—843.
34. *Killgore W. D., Cloonen S. A., Taylor E.C., Dailey N.S.* Loneliness: A signature mental health concern in the era of COVID-19 // *Psychiatry Research*. 2020. P. 113—117.
35. *Kim S.G., Park J., Kim H.T., Pan Z., Lee Y., McIntyre R.S.* The relationship between smartphone addiction and symptoms of depression, anxiety, and attention-deficit/hyperactivity in South Korean adolescents. *Annals of general psychiatry*. 2019. No. 18 (1).
36. *Kosfeld M., Heinrichs M., Zak P.J., Fischbacher U., Fehr E.* Oxytocin increases trust in humans // *Nature*. 2005. No. 435. Art. 7042. P. 673—676.
37. *Krueger J.* Merleau-Ponty on shared emotions and the joint ownership thesis // *Continental Philosophy Review*. 2013. No. 46 (4). P. 509—531.
38. *Lave J., Wenger E.* *Situated learning: Legitimate peripheral participation*. Cambridge university press, 1991.
39. *Leroy T., Delelis G., Nandrino J. L., Christophe V.* Endogenous and exogenous emotion regulations: Complementary and indivisible processes // *Psychologie Francaise*. 2014. No. 59 (3). P. 183—197.

40. *Levin D. Z., Cross R.* The strength of weak ties you can trust: The mediating role of trust in effective knowledge transfer // *Management science*. 2004. No. 50 (11). P. 1477—1490.
41. *Li L.* The effects of trust and shared vision on inward knowledge transfer in subsidiaries' intra-and inter-organizational relationships // *International Business Review*. 2005. No. 14 (1). P. 77—95.
42. *Li L.Z., Wang S.* Prevalence and predictors of general psychiatric disorders and loneliness during COVID-19 in the United Kingdom // *Psychiatry research*. 2020. No. 291. Art. 113267.
43. *Lindenberg S.* It takes both trust and lack of mistrust: The workings of cooperation and relational signaling in contractual relationships // *Journal of management and governance*. 2000. No. 4 (1—2). P. 11—33.
44. *Madsen E S., Riis J.O., Waehrens B.V.* The knowledge dimension of manufacturing transfers. *Strategic Outsourcing // International Journal*. 2008. No. 1(3). P. 198—209.
45. *Maslow A. H.* The psychology of science a reconnaissance. 1966.
46. *Mengin A., Allé M.C., Rolling J., Ligier F., Schroder C., Lalanne L., ... Brunault P.* Psychopathological consequences of confinement. *L'Encephale*, 2020.
47. *Metiu A., Rothbard N.P.* Task bubbles, artifacts, shared emotion, and mutual focus of attention: A comparative study of the microprocesses of group engagement // *Organization Science*. 2013. No. 24 (2). P. 455—475.
48. *Moe N.B., Šmite D.* Understanding a lack of trust in Global Software Teams: a multiple-case study // *Software Process: Improvement and Practice*. 2008. No. 13 (3). P. 217—231.
49. *Moore J.L., Dickson-Deane C., Galyen K.* E-Learning, online learning, and distance learning environments: Are they the same? // *The Internet and Higher Education*. 2011. No. 14 (2). P. 129—135.
50. *Mortensen M., Neeley T.B.* Reflected knowledge and trust in global collaboration // *Management Science*. 2012. No. 58 (12). P. 2207—2224.
51. *Mwilambwe-Tshilobo L., Ge T., Chong M., Ferguson M.A., Mistic B., Burrow A. L., ... Spreng R.N.* Loneliness and meaning in life are reflected in the intrinsic network architecture of the brain // *Social cognitive and affective neuroscience*. 2019. No. 14 (4). P. 423—433.

52. *Nicolas J., De Gea J.M. C., Nicolas B., Fernandez-Aleman J.L., Toval A.* On the risks and safeguards for requirements engineering in global software development: Systematic literature review and quantitative assessment. // *IEEE Access*. 2018. No. 6. Art. 8482263.
53. *Rhee S.Y.* Shared emotions and group effectiveness: The role of broadening-and-building interactions // *Academy of Management 2006 Annual Meeting: Knowledge, Action and the Public Concern*. AOM, 2006.
54. *Rico-Urbe L.A., Caballero F.F., Martín-María N., Cabello M., Ayuso-Mateos J.L., Miret M.* Association of loneliness with all-cause mortality: A meta-analysis // *PLoS ONE*. 2018. No. 13 (1). Art. Y.
55. *Riedl R., Javor A.* The biology of trust: Integrating evidence from genetics, endocrinology, and functional brain imaging // *Journal of Neuroscience, Psychology, and Economics*. 2012. No. 5 (2). P. 63—91.
56. *Norremark B., Danielsen A.A., Ostergaard S.D.* Psychiatric Symptoms Related to the COVID-19 Pandemic. // *Acta Neuropsychiatrica*. 2020. No. 32 (5). P. 274—276.
57. *Salmela M., Nagatsu M.* How does it really feel to act together? Shared emotions and the phenomenology of we-agency // *Phenomenology and the Cognitive Sciences*. 2017. No. 16 (3). P. 449—470.
58. *Shrira A., Hoffman Y., Bodner E., Palgi Y.* COVID-19 Related Loneliness and Psychiatric Symptoms among Older Adults: The Buffering Role of Subjective Age // *The American Journal of Geriatric Psychiatry*. 2020. No. 28 (11). P. 1200—1204.
59. *Smith P.S.* The effects of solitary confinement on prison inmates: A brief history and review of the literature // *Crime and Justice*. 2006. No. 34 (1). P. 441—528.
60. *Teo T.S., Kim S.L., Jiang L.* E-learning implementation in south Korea: Integrating Effectiveness and Legitimacy Perspectives // *Information Systems Frontiers*. 2020. No. 22 (2). P. 511—528.
61. *Toivonen S., Lenzini G., Uusitalo I.* Context-aware trustworthiness evaluation with indirect knowledge // *Proc 2nd International Semantic Web Policy Workshop (SWPW)*. 2006. November.
62. *Van Manen M.* *Researching lived experience: Human science for an action sensitive pedagogy*. Routledge, 2016.
63. *Weidlich J., Bastiaens T.J.* Technology Matters — The impact of transactional distance on satisfaction in Online Distance Learning // *International Review of Research in Open and Distributed Learning*. 2018. No. 19 (3).

64. Wood J., Backwell J. harnessing hidden knowledge for paradigm change // Journal of Writing in Creative Practice. 2012. No. 5 (3). P. 477—497.

65. Wright J.C., Mischel W. Conditional hedges and the intuitive psychology of traits // Journal of personality and social psychology. 1988. No. 55 (3). Art. 454.

References

1. Ushinskij K.D. Pedagogika. Izbrannye raboty. M.: YUrajt, 2017. 284 s.

IV

АКТУАЛЬНЫЙ МЕНЕДЖМЕНТ

Д.М. КАМАРИ

Эффективная модель развития науки в России сквозь паутину глобальных интересов*

Аннотация. Вопрос о том, в каком направлении движется российская наука в условиях глобализации, волнует многих ведущих ученых на постсоветском пространстве. Однако консенсуса относительно стратегии развития науки нет, так как глобальная наука и национальные интересы с трудом сочетаются друг с другом. Об этом свидетельствуют результаты реформ в странах СНГ. Они показывают, насколько тяжело навязанная модель управления наукой приживается в этих странах. Поставленные цели достигаются с трудом или вовсе не достигаются. Причиной считается недофинансирование научно-исследовательских работ. Однако забывают о том, что структурные изменения в научной среде, в том числе и форсированное омоложение научных кадров и гарантии выполнения целей, являются также важнейшими условиями научно-технического прорыва и конкурентоспособности российской науки на мировой арене.

Ключевые слова: глобализация, модель науки, омоложение, эффективность, конкурентоспособность

Abstract. How Russian science is moving during globalization has long been discussed by scientists in the post-Soviet space. But there is no consensus on the strategy for the development of science. Global science and national interests are difficult to combine. This is confirmed by the results of reforms in the CIS countries. They show how difficult it is for the imposed science management model to develop in these countries. The set goals are achieved with difficulty or not at all. The reason is the underfunding of research projects. However, they forget that structural changes in the scientific environment, including the forced rejuvenation of scien-

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Камари Д.М. Эффективная модель развития науки в России сквозь паутину глобальных интересов // Философия хозяйства. 2021. № 1. С. 215—227.

tific personnel and guarantees of achieving goals, are also the most important conditions for a scientific and technological breakthrough and the competitiveness of Russian science in the world.

Keywords: globalization, science model, rejuvenation, effectiveness, competitiveness/

ББК 72.4
УДК 001

Глобальные интеграционные процессы, начавшиеся после распада СССР, положили начало новому этапу развития науки. Этот этап ознаменовался улучшением связей между учеными разных стран мира, привел к диффузии научных знаний и академической мобильности. В то же время научно-технический прогресс, который весь XX в. подпитывался необходимостью защиты национальных интересов, затормозился. Наука принудительно перешла на рельсы коммерциализации. Ее главной целью стало улучшение условий жизни человека и среды его обитания. Из-за этого число ученых по всему миру постепенно сократилось в несколько раз. Особенно в бывших республиках СССР.

В 1992 г. в России после рыночных преобразований попали под сокращение 175 тыс. работников научно-исследовательских учреждений. В США сокращение расходов на науку началось значительно раньше. Любопытно, что в 1965 г. США и СССР вкладывали в науку 2,8% от объема ВВП [12, 6]. В последующие годы США начали сокращать государственное финансирование, тогда как СССР, наоборот, продолжал наращивать. Поэтому после перехода к рыночной экономике научно-исследовательские институты и научные учреждения стран СНГ оказались не готовы к преобразованиям. Только по программе Фонда Дж. Сороса из России из-за трудных условий работы уехало около 100 тыс. специалистов. Престиж науки в СНГ резко упал.

С тех пор восстановить роль науки на постсоветском пространстве не удалось. И свою актуальность эта проблема не утратила и сегодня. С ускорением регионализации торговли после мировых финансовых кризисов 2008—2009 и 2014—2015 гг. встал вопрос о том, какое место займет ЕАЭС в новом мировом раскладе. Превзойти

АСЕАН, Евросоюз, НАФТА или другие экономические союзы по уровню производства и внутриторгового и внешнеторгового оборота — задача трудновыполнимая. В последнее время стало популярным мнение, согласно которому Россия и другие страны — участники ЕАЭС нуждаются в техническом и промышленном прорыве для перехода на новый качественный уровень развития производства и роста уровня экономического развития. В то же время никто точно не знает, как это сделать и насколько инновационный прорыв можно осуществить на деле.

Попробуем разобраться. Начнем с того, что пока в России и в других странах СНГ идут споры об оптимальном пути развития, такие страны, как Китай, Япония и Германия, за счет эффективного распоряжения средств, направленных на укрепление науки, в частности, на подготовку научных кадров, смогли добиться высоких результатов в модернизации экономики. Об уровне заинтересованности государств в научных исследованиях и разработках могут нам рассказать расходы государств на этот сектор. Исследование ИСИЭЗ НИУ ВШЭ относительно объемов внутренних затрат на исследования и разработки за 2016 г. показало, что вложения США в научно-исследовательскую работу составили 511,1 млрд дол., что в 12 раз больше, чем вложения России (39,9 млрд дол.) [4]. На второй и третьей позициях по объему расходов на научно-исследовательскую работу за этот год оказались Китай и Япония. В 2018 г. позиция России среди стран, лидирующих по объему вложений в науку, поднялась с 10-го места до 8-го, а вложения в денежном эквиваленте соответствовали 61,94 млрд дол. [4]. Согласно глобальному докладу инновационной активности (Global Innovation index), страны — участники ЕАЭС занимают вторичные, а то и третичные позиции: Россия — 47-е, Армения — 61-е, Беларусь — 64-е, Казахстан — 77-е, Киргизия — 94-е [11, xxxii]. За несколько лет странам ЕАЭС удалось улучшить позиции, но статистические данные не в пользу этих стран. По-прежнему более высокие позиции занимают такие страны, как Франция, Южная Корея и Индия, а в США в 2018 г. на зависть всем развитым странам расходы на научно-исследовательскую работу достигли немислимых 581 млрд дол. [14].

В каком состоянии находится наука в России?

Все эти цифры и позиции свидетельствуют об уровне конкурентоспособности стран. Остановимся на состоянии науки в России. Крики о помощи отечественной науке слышны уже давно, еще до распада СССР (конец 1980-х гг.), но переломным годом считается 2013 г. Тогда началась реформа РАН. Изначально она предполагала сокращение государственного финансирования за счет увеличения участия частного капитала, передачу управления финансами и имуществом Академии ФАНО, а также превращение столичных и региональных вузов в крупные научно-исследовательские центры. Прошло семь лет, но доля привлекаемых от бизнеса средств по-прежнему ничтожно мала, а наука страдает от хронического недофинансирования. Многие авторитетные ученые РАН полагают, что нехватка коммерциализации научно-исследовательских разработок и неотлаженный механизм работы с венчурными и инвестиционными фондами — причины всех бед. Что касается задачи по интеграции науки и образования, то наука с большим трудом приживается в университетах. Об этом свидетельствует количественный и качественный анализ публикуемых материалов за последние несколько лет.

Последствия реформы РАН не заставили себя ждать. Численный состав исследователей НИИ начал уменьшаться. За два года число исследователей сократилось на 20 тыс. человек (2015—2017) [4, 42]. Стоит отметить, что этот процесс начался намного раньше. В 1995 г. число исследователей составлял 518,6 тыс. человек [3, 104]. В 2017 г. их число сократилось до 359,793 [4, 42]. За двадцать два года почти на 160 тыс. человек (158, 8 тыс.) стало меньше.

Реформа РАН произошла одновременно с модернизацией системы подготовки научных кадров, которую также нельзя назвать успешной. О том, что «недоработки» тормозят и пагубно влияют на научно-технический потенциал России, свидетельствуют события, происходящие в науке в последние годы. С 2013 г. заметно сократилось число исследователей с научными степенями из-за роспуска половины диссертационных советов. С начала реформ количество защит кандидатских диссертаций в год уменьшилось более чем в 2,5 раза и приблизилось к количеству защит такой маленькой страны, как Испания (табл. 1). По данным архива Высшей аттестационной

комиссии (ВАК), в 2019 г. 10232 исследователя получили степень кандидата наук. Общее же число кандидатов в стране, согласно данным того же ИСИЭЗ НИУ ВШЭ за 2017 г., — 77251 [4, 49]. Для сравнения напомним, что в РСФСР в 1970 г. число исследователей, имеющих степень кандидата наук, составляло около 145 тыс. человек.

Таблица 1

**Число защищенных кандидатских диссертаций (PhD)
в мире (2012 — 2019)**

Год	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Страна								
Россия	15730	24054	13038	16016	13190	11214	10759	10232
США	62276	65020	67438	68923	69525	71042	—	—
Япония	16286	16471	—	15714	15804	15674	—	—
Германия	—	27707	28147	29218	29303	28404	—	—
Испания	10504	10889	11316	14694	20049	17286	8483	—
Франция	13278	13419	13729	13774	13016	13583	—	—
Мексика	5119	5013	5782	6050	9268	9310	—	—
Южная Корея	12243	12625	12931	13077	13882	14316	—	—
Великобритания	20438	25896	25020	26636	27636	28143	—	—
Канада	6396	7059	7190	7546	7768	8003	—	—

Источники: материалы Архива ВАК, ОЭСР (OECD), Министерства образования и профессионального развития Испании (MEFP).

Похожая ситуация с кадрами сложилась и в других странах СНГ, таких как Казахстан, Армения и Белоруссия. Белорусская наука после развала СССР погрузилась в глубокий кризис. С тех пор коли-

качественный и качественный состав кандидатов и докторов наук изменился. С 2005 по 2019 г. их число уменьшилось почти на 20% [6, 30; 7, 44]. Как и в случае с наукой в России, причиной стало сокращение финансирования научных разработок. Большой урон понесла и наука в Казахстане после реформ 1996 — 1999 гг. Национальной академии наук РК. Если в 1997 г. доля ВВП, идущая на финансирование науки, составляла 0,293%, то к 2017 г. — 0,133% [15, 85]. Еще хуже дела обстоят в Армении. По данным Статистического комитета страны, в стране 410 докторов наук и около 1,4 тыс. кандидатов наук (2018) [9, 156]. Число же исследователей со степенью из года в год снижается. Прием в аспирантуру сокращается. Из-за отсутствия условий, оборудования и управленческих кадров реформирование армянской науки окончательно не завершено.

Еще одной задачей реформы было омоложение научных кадров. С 1994 по 2014 г. в России, так же как и в США, средний возраст исследователя увеличился с 45 до 48 лет. Западноевропейские страны этот процесс затронул в меньшей степени (Испания, Германия). Например, в Испании 1/3 часть защитившихся исследователей в 2017 г. относится к возрастной категории 30—34 лет [10]. В России же этот процесс идет по нарастающей траектории. В 2017 г. число исследователей со степенью кандидата наук в возрастной группе до 39 лет составило 23925 чел., а в группе от 40 и дальше — 53326 человек [4, 49]. Средний возраст кандидата наук в России достиг 52-х лет. Согласно исследованию американских психологов Джошуа Хартсхорна и Лоры Жермайн, когнитивные способности человека по многим показателям снижаются в 55 лет. Поэтому период активной научной деятельности больше половины кандидатов наук не превышает и десяти лет, а значит, шансы на открытия или создание прорывных технологий снижаются [13, 433—443]. Подтверждающим фактом является то, что все известные научные открытия были сделаны в СССР учеными, возраст которых не превышал 45 лет (П.Л. Капица, И.Е. Тамм, П.А. Черенков, И.М. Франк, Н.И. Вавилов, А.Д. Сахаров, Л.Д. Ландау, В.П. Гинзбург и др.).

23 мая 2016 г. Президент РФ В.В. Путин подписал закон «О науке и государственной технической политике». Согласно новому закону, МГУ имени М.В. Ломоносова и СПбГУ имеют право независимо от ВАК РФ присуждать ученые степени [1]. С 2017 по

2019 г. список учреждений, имеющих право присуждать ученые степени, расширился до 25-ти вузов и 4-х НИИ. Это напоминает 1930-е гг. Тогда была учреждена ВАК. Кстати, она была не единственным органом, имеющим право присуждать степени. В постановлении СНК Союза ССР от 13 января 1934 г. об ученых степенях и званиях приведен список учреждений, имеющих право самостоятельно присуждать ученые степени: президиумы Академии Наук ССР и академий наук союзных республик, Президиум Коммунистической академии, Президиум академии сельскохозяйственных наук [5]. Контроль над качеством и содержанием научно-исследовательской деятельности был крайне важен для молодого советского государства, которое стремилось опередить все ведущие страны мира. Эти меры зародили тенденцию усиления связей между разными звеньями — начиная с зарождения научных идей и инновационных разработок до организации внедрения новой техники и технологий в производство. Через 20 лет произошел научно-технический прорыв (1950—1970).

Сегодня многие ведущие университеты страны уже получили статус научно-исследовательских учреждений. При них создаются кафедры крупных госкорпораций, лаборатории и научно-исследовательские центры, что должно обеспечивать связь между наукой и производством. Но по-прежнему времени, отведенного на научно-исследовательскую работу в университете, меньше, чем в других странах. Основная доля времени приходится на учебную и учебно-методическую работу. После защиты кандидатской диссертации основная масса преподавателей университетов чуть ли не вдвое сокращает свою публикационную активность, в отличие от сотрудников НИИ. Эффективными мерами по улучшению качества научно-исследовательских работ в университетах могли бы стать:

- закрепление соискателей ученой степени кандидата наук и 50% от действующих кандидатов наук, работающих в университете, за научно-исследовательскими институтами или центрами, созданными на базе университетов или других академических центров, для дальнейшей защиты и продолжения научно-исследовательской работы;
- создание новых научных школ;

- повышение требований к публикационной активности и качеству публикаций;
- материальное стимулирование научных руководителей.

Требуется ли западная модель управления наукой?

В настоящее время наука в России и в других странах — участниках ЕАЭС переживает не лучшие времена. Тем не менее эта тенденция берет свое начало вовсе не с реформ национальных академий наук, а намного раньше. Сокращение числа научных сотрудников, проблемы с материально-техническим обеспечением научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (НИОКР) и старение научных кадров — все это началось в 1980-х — начале 1990-х гг. Казалось бы, всему пришел конец, но глобальные технологические трансформации и мировые финансовые кризисы последнего десятилетия сильно пошатнули существующую систему. Эти изменения во многом привели и к смене расстановки политических сил в мире, где нет необходимости в однополярной системе и милитаристской глобализации, о чем свидетельствует увеличение числа стран с ядерным оружием. Ответом на мировые финансовые кризисы стал и возврат к национальному стратегическому планированию. В России это выразилось в появлении национальных проектов в разных отраслях, в том числе и в науке. Но рассчитывать на многое не стоит, так как глобализация продолжается.

И все-таки американская модель управления наукой тяжело приживается в странах — участниках ЕАЭС. Препятствием являются традиционные институты. Идти против традиционных институтов означает «спуститься до самого низа» и начать все сначала. В этом случае весь научный потенциал России сойдет на нет. Чтобы этого не произошло, потребуется создание региональной модели развития и управления наукой, которая будет учитывать национальные и глобальные интересы. Такая модель должна быть построена на старом фундаменте и решать актуальные для науки проблемы: 1) возраст исследователя с научной степенью; 2) необходимость подготовки управленческих кадров в науке; 3) слабое развитие науки в провинции; 4) потребность в создании условий для развития науки: повышение зарплат научных работников, решение вопроса материально-

технического обеспечения; 5) необходимость финансирования фундаментальной науки;

Научно-территориальное управление наукой в России

Очевидно, что нынешняя модель управления наукой не дает ожидаемых результатов. Причин, как уже было сказано, много, но стоит обратить внимание на следующие моменты.

Во-первых, часто поставленные цели не соответствуют реальным финансовым возможностям. Стоит напомнить, что в России большинство целей науки, которые ранее ставились, не были достигнуты. Зачастую это происходило и из-за отсутствия координации действий и поддержки слаженной связи.

Во-вторых, в российском национальном проекте «Наука» обозначены лишь общие цели и контуры развития, а в стратегических планированиях субъектов внимание к науке недостаточное. Не предусмотрены варианты в случае возникновения трудностей с выполнением поставленных целей. Более того, субъекты по научному развитию сильно отличаются друг от друга. Научные образовательные центры (НОЦы), которые были созданы для обеспечения инновационного и технологического развития регионов, кардинально не изменили ситуацию. Согласно индексу научно-технологического развития субъектов России за 2019 г., первые три места по-прежнему занимают Москва, Санкт-Петербург и Нижегородская область. Среди лидеров — Татарстан, Самарская и Ульяновская области. Томская область, где потенциал научно-технического развития самый высокий, занимает 12-е место [2]. Еще дальше от первых мест находится Новосибирская область, где располагается крупнейший научный центр в России. И все это из-за слабого финансирования науки в этих субъектах [8]. За последние годы показывает результаты лишь Нижегородская область, где действует один из пяти НОЦ, объединивший 27 ведущих научных организаций и предприятий.

В-третьих, в настоящий момент существующая территориальная модель развития науки неэффективна. Новая модель развития науки обязательно должна предусматривать возможность нового научно-территориального деления России на зоны, охватывающие несколько субъектов, так как территория страны слишком большая.

При такой модели каждая территория или зона будет иметь собственное приоритетное направление и стратегический план. Более того, такая модель даст реальную возможность ускорить процесс выполнения поставленных задач. Это означает, что такие зоны смогут обеспечивать свою территорию конкурентоспособной научной продукцией. Ядрами этих зон могут стать крупные территориальные научные центры РАН и национальных академий наук, которые будут подчиняться более крупным органам, находящимся в столицах республик. При всем этом источниками финансирования таких центров могут быть как научные фонды страны, так и международные. Российский научный фонд выдал порядка 21 млрд р. в 2020 г. Это крайне мало в масштабах такой страны, как Россия. По неизвестным причинам, Евразийский фонд стабилизации и развития не участвует в выдаче грантов на развитие науки. Он ограничивается лишь инфраструктурными, образовательными и другими проектами.

В-четвертых, развитие науки должно идти и за счет инициативных ученых, которые предпочитают работать самостоятельно, но не на кабальных условиях инновационных центров.

В заключение еще раз подчеркнем — модель управления наукой, навязанная после развала СССР, тяжело приживается на постсоветском пространстве. Она не только не эффективна, но и весьма тормозит процесс создания условий для развития науки. Самый острый вопрос все-таки связан с подготовкой научных кадров и управленческих кадров в науке, а также с выполнением, поставленных целей научно-технологического и инновационного развития. При их отсутствии о реальном прорыве придется забыть. Развитие инфраструктуры может привести к частичному увеличению зарплат в регионах, но качество исследований может остаться на том же уровне. Необходимо определить, что нам нужно больше: дорогостоящие пустые помещения или научные открытия.

Литература

1. Внесены изменения в закон о науке и государственной научно-технической политике: [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/acts/news/51971>.

2. Индекс научно-технологического развития субъектов РФ — итоги 2019: [Электронный ресурс]. URL: http://vid1.rian.ru/ig/ratings/regions_R&D_20.pdf.

3. Индикаторы науки: статистический сборник 2009 / Н.В. Городникова, С.Ю. Гостева, Л.М. Гохберг. М.: НИУ ВШЭ, 2009: [Электронный ресурс]. URL: https://www.gks.ru/storage/mediabank/ind_nauki2009.pdf.

4. Индикаторы науки: статистический сборник 2019 / Л.М. Гохберг, К.А. Дитковский, Е.Л. Дьяченко. М.: НИУ ВШЭ, 2019: [Электронный ресурс]. URL: <https://www.hse.ru/data/2019/05/07/1502498137/in2019.pdf>.

5. Инструкция Комитету по высшему техническому образованию при ЦИК Союза ССР о порядке применения постановления СНК Союза ССР от 13 января 1934 г. «Об ученых степенях и званиях»: [Электронный ресурс]. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_3998.htm.

6. Наука и инновационная деятельность в Республике Беларусь — 2012. Статистический сборник / Под ред. В.А. Богуш. С. 30: [Электронный ресурс]. URL: <https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/realny-sector-ekonomiki/nauka-i-innovatsii/statisticheskie-izdaniya>.

7. Наука и инновационная деятельность в Республике Беларусь — 2020. Статистический сборник / Под ред. И.В. Медведевой. С. 44: [Электронный ресурс]. URL: <https://www.belstat.gov.by/upload/iblock/286/28661e488bc09e69ea4febfdab353c7c.pdf>.

8. Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации. Вып. 6 / Г.И. Абдрахманова, С.В. Артемов, П.Д. Бахтин и др. / Под ред. Л. М. Гохберга. М.: НИУ ВШЭ, 2020.

9. Статистический ежегодник Армении — 2019: [Электронный ресурс]. URL: <https://armstat.am/file/doc/99520903.pdf>.

10. Estadística de tesis doctorales 2018: [Электронный ресурс]. URL: https://www.ciencia.gob.es/stfls/MICINN/Universidades/Ficheros/Estadisticas/Principales_resultados_tesis_doctorales_2018.pdf.

11. Global Innovation Index 2020. Who Will Finance Innovation? Soumitra Dousta, and Sacha Wunsch-Vincent (ed.): [Электронный ресурс]. URL: https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/wipo_pub_gii_2020.pdf.

12. Intelligence Report. Rubles for Research: Trends in Soviet R&D Expenditures. 1967: URL: https://www.cia.gov/library/reading-room/docs/DOC_0000309798.pdf.

13. *Joshua K. Hartshorne, Laura T. Germine* When does cognitive functioning peak? The asynchronous rise and fall of different cognitive abilities across the lifespan // *Psychol. Sci.* 2015. 26 (4). P. 433—443: [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC4441622/>.

14. Leading countries by gross research and development (R&D) expenditure worldwide in 2019 // *Statista*: [Электронный ресурс]. URL: <https://www.statista.com/statistics/732247/worldwide-research-and-development-gross-expenditure-top-countries/>.

15. *Reforming Kazakhstan: Progress, Challenges and Opportunities* — 2017. OECD. P. 85: [Электронный ресурс]. URL: <https://www.oecd.org/eurasia/countries/OECD-Eurasia-Reforming-Kazakhstan-EN.pdf>.

16. U.S. R&D Spending all time High Federal Share Reaches Record Low. 2016: [Электронный ресурс]. URL: <https://www.aip.org/fyi/2016/us-rd-spending-all-time-high-federal-share-reaches-record-low>.

References

1. Vneseny izmeneniya v zakon o nauke i gosudarstvennoj nauchno-tehnicheskoy politike: [Elektronnyj resurs]. URL: <http://krem-lin.ru/acts/news/51971>.

2. Indeks nauchno-tehnologicheskogo razvitiya sub"ektov RF — itogi 2019: [Elektronnyj resurs]. URL: http://vid1.rian.ru/ig/ratings/regions_R&D_20.pdf.

3. Indikatory nauki: statisticheskij sbornik 2009 / N.V. Gorodnikova, S.YU. Gosteva, L.M. Gohberg. M.: NIU VSHE, 2009: [Elektronnyj resurs]. URL: https://www.gks.ru/storage/mediabank/ind_nauki2009.pdf.

4. Indikatory nauki: statisticheskij sbornik 2019 / L.M. Gohberg, K.A. Ditkovskij, E.L. D'yachenko. M.: NIU VSHE, 2019: [Elektronnyj resurs]. URL: <https://www.hse.ru/data/2019/05/07/1502498137/in2019.pdf>.

5. Instrukciya Komitetu po vysshemu tekhnicheskomu obrazovaniyu pri CIK Soyuzha SSR o poryadke primeneniya postanovleniya

SNK Soyuzа SSR ot 13 yanvarya 1934 g. «Ob uchenyh stepenyah i zvaniyah»: [Elektronnyj resurs]. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_3998.htm.

6. Nauka i innovacionnaya deyatel'nost' v Respublike Belarus' — 2012. Statisticheskij sbornik / Pod red. V.A. Bogush. С. 30: [Elektronnyj resurs]. URL: <https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/realny-sector-ekonomiki/nauka-i-innovatsii/statisticheskie-izdaniya>.

7. Nauka i innovacionnaya deyatel'nost' v Respublike Belarus' — 2020. Statisticheskij sbornik / Pod red. I.V. Medvedevoj. S. 44: [Elektronnyj resurs]. URL: <https://www.belstat.gov.by/upload/iblock/286/28661e488bc09e69ea4febfdab353c7c.pdf>.

8. Rejting innovacionnogo razvitiya sub"ektov Rossijskoj Federacii. Vyp. 6 / G.I. Abdrahmanova, S.V. Artemov, P.D. Bahtin i dr. / Pod red. L. M. Gohberga. M.: NIU VSHE, 2020.

9. Statisticheskij ezhegodnik Armenii — 2019: [Elektronnyj resurs]. URL: <https://armstat.am/file/doc/99520903.pdf>.

В.В. ВЕЛИКОРОССОВ, С.А. ФИЛИН, Л.Ф. НИКУЛИН

Формирование парадигмы менеджмента для условий деятельности комплексов роботов и суперкомпьютеров, оснащенных искусственным интеллектом*

Аннотация. В статье предпринята попытка показать причины и обстоятельства снижения эффективности менеджмента. Предлагается рассмотреть основные смыслы для менеджмента. Обоснована объективность появления интересов и прототипов искусственного интеллекта, комплексов роботов, суперкомпьютеров. Отмечается, что играмания становится занятием поколения Z. Анализируются

* Публикация посвящается памяти Л.Ф. Никулина (1929—2020), идеи которого использовались при проведении данного исследования.

Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Великороссов В.В., Филин С.А., Никулин Л.Ф. Формирование парадигмы менеджмента для условий деятельности комплексов роботов и суперкомпьютеров, оснащенных искусственным интеллектом // Философия хозяйства. 2021. № 1. С. 227—243.

причины продолжающейся неполной парадигмальности современного менеджмента. Предлагаются рекомендации по формированию парадигмы менеджмента для условий создания комплексов роботов и суперкомпьютеров, оснащенных искусственным интеллектом. Для преодоления негативных тенденций в менеджменте в будущем необходимо изменение отношения поколения Z к госуправлению и России в целом посредством педагогического воспитания и проведения соответствующей идеологической работы и совершенствования системы образования в целом. Также необходимо использование социально-психологических и экономических портретов населения и/или сотрудников для повышения эффективности менеджмента в организации, виде деятельности, муниципалитете, субъекте РФ и в России в целом. Делается вывод, что парадигма менеджмента, основанного на тейлоризме, в настоящее время завершается в условиях нарастающей одновременности и неопределенности проявления разных технологических укладов в XXI в. при нарастании все менее полной своей парадигмальности и все большей своей беспарадигмальности.

Ключевые слова: менеджмент, тейлоризм, парадигма, когнитивность, самоорганизация, робот, суперкомпьютер, технологический уклад, поколение Z.

Abstract. The article attempts to show the reasons and circumstances of the decrease in management efficiency. It is proposed to consider the main meanings for management. The objectivity of the appearance of interests and prototypes of artificial intelligence, robot complexes, supercomputers is justified. It is noted that gambling becomes the employment of generation Z. The reasons for the ongoing incomplete paradigmality of modern management are analyzed. Recommendations on the formation of a management paradigm for the conditions for the creation of complexes of robots and supercomputers equipped with artificial intelligence are proposed. To overcome negative trends in management in the future, changes in the attitude of generation Z towards public administration and Russia as a whole are necessary through pedagogical education and relevant ideological work and improvement of the education system as a whole, and it is also necessary to use socio-psychological and economic portraits of the population and/or employees to increase the effectiveness of management in the organization, type of activity, municipality, subject of the Russian Federation and in Russia as a whole. It was concluded that the paradigm of management based on Taylorism is currently

ending in conditions of increasing concurrency and uncertainty of the manifestation of different TUs in the XXI century. with the growth of less and less complete its paradigmality and increasingly its nonparadigmality.

Keywords: management, taylorism, paradigm, cognitive, self-organization, robot, supercomputer, technological approach, Generation Z.

УДК: 159.9.01, 330.34.01
ББК 32.97

Введение

Как известно, регулятивным понятием, в том числе и системы менеджмента, парадигмально является смысл. Как следствие, парадигма менеджмента, основанного на тейлоризме, должна соответствовать одновременно смыслам: 1) буквальному; 2) моральному; 3) аналогическому и 4) аллегорическому. Однако парадигма менеджмента, основанного на тейлоризме, конкретизирует истинность либо эмпирически (учитывает буквальный смысл, не «замечая» его моральный аспект), либо только логико-лингвистически через борьбу релятивистов и универсалистов в понимании неопределенности единой «языковой картины мира», в том числе в «гибридных войнах за таланты» (учитывает аналогичность смысла без его аллегоричности). Следовательно, изначально парадигма менеджмента, основанного на тейлоризме, не полностью отражала истинность результатов менеджмента, что снижало его эффективность по мере изменений отношений к опыту (резко снижая к нему интерес¹), появлению суперорганизации в киберпространстве, роботизации в комплексе машин, суперкомпьютеризации, характеру понимания и использования человеческого фактора и т. д. в условиях параллельно-последовательного когнитивного процессинга по законам дополнительности Н. Бора и современного незавершенного 5-го технологического уклада (ТУ). Его завершением считается создание комплексов роботов и суперкомпьютеров, оснащенных искусственным интеллектом (разумом), вытесняющих «живую» деятельность менеджера или трансформирующих данную деятельность, например, на менеджмент роботов и т. п. [6].

¹ На уровне менеджмента, основанного на тейлоризме, прежний опыт работы людей по-прежнему ценится.

В результате уже к 2000 г. стало ясно, что великий научно-инженерный проект всемирного масштаба — тейлоризм — как основа теории и методологии менеджмента скорее всего завершается, во-первых, вследствие своей неполной парадигмальности, т. е. неадекватного функционирования при непрерывном снижении эффективности своей деятельности на рынке, и, во-вторых, из-за того, что менеджмент, основанный на тейлоризме, от функции координации внешних отношений трансформировался в настоящее время к административно и повсеместно жесткой вертикальной иерархии бюрократического воздействия лишь «силовым образом» соподчинения. Иначе говоря, имеет место неполная парадигмальность менеджмента, периодически самоорганизующаяся, во многом неопределенная, нечеткая ситуация.

В настоящее время менеджмент, основанный на тейлоризме, подошел к критической точке признания реальности клиента, который может быть «искусственным интеллект», по возможностям заметно выше человеческого². В частности, конструкторы и технологи подошли вплотную к размерам единичного транзистора, являющегося основным элементом полупроводникового чипа, до 5—6 слоев³ атомов кремния. В оборонной сфере условная задача вычисления правильной аэродинамики истребителя 5-го поколения будет решена на процессоре Ryzen (США) последнего поколения всего за три дня. По суммарной производительности суперкомпьютеров в рейтинге Top500 США занимают 1-е место (644 пф (квадриллионов операций)), КНР — 565, Япония — 530 пф⁴).

² К настоящему времени уже по крайней мере 4000 шведов и 3500 немцев имеют встроенные (вживленные) между большим и указательным пальцами микрочипы размером до рисового зерна в условиях еще программируемой человеком системой роботизации.

³ Определяется размером единичного шага решетки кристаллического кремния, используемого в производстве микросхем: в затворе современного транзистора, созданного по «технологии переднего края», с учетом того, что два соседних атома кремния отстоят друг от друга в кристалле на расстоянии 0,354 нм.

⁴ OP500 LIST-JUNE 2020 (<https://www.top500.org/lists/top500/list/2020/06/?page=1>).

В России в настоящее время, хотя и при существенной доле комплектующих Запада, действует топологическая норма в 16 нм⁵, в банке «Сбер» используется суперкомпьютер «Кристофари»⁶ (29-е место из Top500): за 100 мин. анализирует 9 млрд изображений при производительности 6,7 пф и ее «пике» — 8,8 пф⁷. Представление ресурсов суперкомпьютера «Кристофари» в облачных технологиях дает возможность использования инструментария искусственного интеллекта, в том числе для малого и среднего бизнеса.

В современной экономике *менеджмент* — это управление человеческим, материальным, финансовым и другими видами капитала в социально-экономических, организационно-управленческих и технико-технологических процессах на уровне организации, обеспечивающее максимальное/оптимальное использование капитала, прежде всего интеллекта и труда, для достижения целей организации.

Современный менеджмент вступил в этап «посттейлоризма», который характеризуется в настоящее время все менее полной своей парадигмальностью и все большей беспарадигмальностью и отсутствием новой парадигмы менеджмента для сотрудников поколения Z⁸ и программистов, разрабатывающих программы для роботов. Предположительно, до 2025 г. должна будет произойти смена парадигмы менеджмента, в частности, самоменеджмента каждого человека-менеджера, прежде всего для менеджмента сотрудников поколения Z (родившиеся в период с 1997 по 2012 г.⁹). Для них предложения HR-менеджмента на рынке труда в основном уже не работают: у них повышенное свободолобие и, как следствие, склонность к неподчинению и часто неуважению, обостренное чувство справедливости и эмоциональность в отношении властного давления, они часто слабо мотивированы¹⁰. Как следствие, получается набор противоречивых качеств и отличительных черт таких сотрудников, вследствие

⁵ Для сравнения топологическая норма для транзисторов компании «Samsung» в настоящее время составляет 7 нм (11 слоев).

⁶ Несколько десятков компаний начали работу на запущенном Сбербанком суперкомпьютере. 19.12.2021 г. (<https://tass.ru/ekonomika/7356311>).

⁷ В мировой рейтинг Top500 (495-е место) входит и суперкомпьютер «Ломоносов-2» (1,85 пф).

⁸ П. Друкер назвал это «эпохой без закономерностей».

⁹ По трактовке исследовательского центра Pew.

¹⁰ Поколение X, Y, Z (<https://delovoymir.biz/pokolenie-x-y-i-z.html>).

чего HR-экспертам сложно составить их законченный «портрет», привести к единому «стандарту».

У них нет своих героев, они меньше встречаются с друзьями и рассчитывают на помощь роботов. Хотя они не представляют себя без соцсетей, но скорее всего не будут иметь соцзащиты и взаимовыручки в будущем. Их восприятие любых явлений, как правило, клиповое. Картинки убедительнее текста (чем текст короче, тем лучше он усваивается), сложное отсекается, им трудно долго на чем-то фокусироваться. В том числе отсюда и предпочтение презентациям в процессе обучения.

Хотя запоминание и заучивание у них не в приоритете — вся информация есть в интернете (они не представляют себя без смартфона), необходимы лишь навыки ее эффективного поиска при желательном для соответствующей личности интерпретировании данных, — поколение Z нацелено на получение действительно полезных знаний и в значительной степени высокообразовано. Они хотят «вечно учиться», быть у компьютера, а не стоять у станка и т. д. [9].

Вследствие ряда характерных черт в поколении Z следует различать категории Z_{inf}^{11} и Z_{int}^{12} . Последних часто оценивают как ярких личностей: целеустремленных и творческих, стремящихся проявить себя, супер- и самоорганизоваться, показать свою индивидуальность. У них рано формируются четкие посылы о необходимости стремиться к технологиям и науке. Для них крайне важно найти возможность для реализации/самореализации, среди приоритетов — собственный бизнес, который они начинают строить в школе или в вузе, в том числе с помощью соцсетей; не зависимо от возраста каждый, если создаст интересный контент, может стать знаменитым и материально успешным, иметь ранние, часто «легкие», заработки. Для них Snapchat/Facebook — это инструмент. При этом, согласно консалтинговой фирме Robert Half, 77% из них ожидают, что им придется работать усерднее, чем предыдущим поколениям.

Представители категории Z_{inf} , как правило, — домоседы, зависят от близких и жить отдельно не торопятся: многие выпускники, даже не пробуя устроиться на работу, ведут безработный образ жизни дома, много времени проводя под присмотром родителей. Это

¹¹ От англ. *infantile* — инфантильный.

¹² От англ. *intelligent* — интеллигентный.

состояние характеризуется как «экономическая инфантильность» [9]. Факторы, влияющие на развитие представителей поколения Z_{inf} : 1) экономический: наличие собственного жилья и достаточная финансовая обеспеченность, в том числе вследствие материальной помощи родителей; 2) духовный: нивелирование традиционных ценностей и норм труда, в качестве нравственных ориентиров: «стадность», нетерпимость к чужому мнению, потребительское отношение к жизни; 3) возможность в семье принимать решения самостоятельно [9].

Однако, согласно психологам, любой инфантильный индивид рано или поздно встанет перед выбором: продолжать зависеть от других людей/обстоятельств или брать ответственность за собственную жизнь на себя и стать независимым. Поэтому, несмотря на инфантилизм, порой только внешний, представители поколения Z рано задумываются о карьере: они нацелены на успешную карьеру и не всегда в офисе (работать удаленно комфортнее, учитывая свойственный поколению Z индивидуализм). При этом вознаграждение за работу для категории Z_{inf} часто второстепенно: их обеспечивают родители или они имеют другие источники дохода. Представители категории Z_{inf} поступают на работу часто не для реализации своих профессиональных умений и знаний, а чтобы продолжать вести привычный образ жизни. При этом среди них, как правило, формируются неадекватно завышенные ожидания и самооценка [9].

При всем своем прагматизме поколение Z острее переживает тревожные новости: вследствие того, что они выросли во времена финансовых кризисов, терроризма, в том числе в школах, новостей о маньяках и педофилах и быстрого развития высоких технологий, они много внимания уделяют вопросам безопасности и плохо адаптированы к состоянию неопределенности. Они склонны верить в приближение глобальной катастрофы (среди основных страхов — экологические вызовы и коррупция, проблемы в экономике не особенно их беспокоят). Они чаще страдают от депрессии и тревожности, в том числе вследствие бессонницы как результата длительного времени, проводимого в интернете; они плохо высыпаются из-за негативного влияния яркого света экрана на засыпание. Согласно исследованию компании Pew, респонденты в возрасте 13—17 лет подтвердили, что слишком много времени проводят с телефоном в руках, причем 9 из 10-ти отметили это как серьезную проблему, т. е. многие осознают

свою зависимость. В том числе поэтому они значительное внимание уделяют своему здоровью, в среднем меньше курят и употребляют алкоголь, и, как правило, уверены, что будут жить «вечно», рассчитывая не только на медицину, но и на искусственный интеллект роботов и компьютеров. Согласно исследованию фонда Well Being Trust и некоммерческой организации Hope Lab, практически 2/3 молодых людей и подростков используют мобильные ЗОЖ-приложения.

Социологи сходятся во мнении, что поколение Z проявляет большую, чем предшественники, толерантность, ведет себя осознаннее в отношениях, реже ходит на свидания и осторожно подходит к институту брака. Они рациональны в финансовых вопросах, являются активными потребителями упрощающих жизнь «умных» товаров [1], прекрасно разбираясь в тенденциях развития последних и в моде.

Предполагается, что на выполнение работы 40-часового объема в 1950 г. при смене доминирующего в настоящее время 5-го ТУ потребуется только 11 часов, т. е. для поколения «Z» базовым критерием должно стать в первую очередь эффективное использование своего свободного времени¹³. Однако в настоящее время основой занятости становятся прежде всего игры и их носители — «геймеры»: каузальщики (простые геймеры — случайные игроки); хардко-геймеры (игроки сложных многочасовых соревновательных игр, именно они обеспечивают целенаправленность действий хендхантеров для игр в армии с беспилотными летательными аппаратами и др.); прогеймеры (профессионалы за гонорар в киберспорте и производителей игр); эксгеймеры (для будущих боев).

В «цифровой» экономике управление человеческим капиталом трансформируется в менеджмент роботов и программистов, разрабатывающих для них программы, при этом смысл деятельности менеджера и менеджмент в целом, по мнению авторов, остается, так как зависит все же от человека-менеджера! Однако при этом должна сформироваться новая предметная область менеджмента.

¹³ В Древней Греции это предполагало самосовершенствование и гармоничное развитие. Основной первопричиной (causa) россиянина является духовность (logos), размышления.

Согласно В. Кутыреву [5], «любая вещь существует, чтобы скорее исчезнуть», т. е. не обеспечивается эффективная корреляция инжиниринга (в том числе инженеров, менеджеров и остального персонала организации) и инноваций. Следствием этого может стать то, что в дальнейшем, когда, возможно, в более высоких ТУ будут созданы «когнитивные роботы», «технологический императив» (в том числе разумов) которых не будет допускать диалогового режима отношений между ними и человеком, смысл деятельности менеджера и менеджмента в целом претерпит дальнейшую трансформацию [10]. То есть предметная область менеджмента вновь должна измениться.

Искусственный интеллект предполагает ряд понятийных описаний саморазвивающихся (природоподобных, думающих) технологий и инструментов, которые могут применяться во всех сферах жизни при использовании суперкомпьютеров. С одной стороны, считается, что искусственный интеллект скоро превзойдет человеческий разум по всем параметрам, с другой — Р. Пенроуз утверждает, что «без человеческого разума мир не мог бы быть причиной “самого себя”» [8]. Иначе говоря, именно сознание превращает мир как целое в реальность.

Наука стала фактором конкурентной глобальной борьбы и в первую очередь — за таланты, в том числе вследствие этого было введено понятие «эффективный менеджер». Тем не менее многое в человеке-менеджере (или «эффективном менеджере») вызвано асимметрией мозга и сферы специализаций полушарий головного мозга для HR-менеджера: левое полушарие отвечает за логическое мышление, контроль речи, способности к чтению, письму, овладению иностранными языками, запоминанию дат, имен, фактов, а также анализу математических задач; правое — за интуицию, пространственную ориентацию, музыкальные и художественные способности, воображение, музыку и религиозность. Поэтому HR-менеджеры в принципе субъективны вследствие сочетания проявления конкретных полушарий их головного мозга и тестового характера проводимых ими исследований в процессе их профессиональной деятельности.

При этом, согласно нейронауке, культура оказывает существенное влияние на биохимические процессы в мозге с последующим влиянием на формирование социально-спортивно-политической среды и ее результативность [2]. Это придает дополнительную

тревожность HR-менеджменту в России вследствие демографической и духовно-нравственной проблематики (сложности выявления одаренностей, талантов и их креативности при переходе от менеджмента капитала, человека и природных ресурсов к когнитивной самоорганизации) [7]. При этом когнитивная деятельность HR-менеджеров часто выступает как ограничитель талантов, обеспечивающих программирование (перепрограммирование) комплекса роботов при их суперкомпьютеризации. Здесь актуальны не только и, возможно, не столько возможности человека — психологического алгоритмиста и программиста, но и возможности искусственного интеллекта посредством учета и сдерживания страстей и эмоций, сочетаемых с суперорганизацией (использованием «облачных» и аддитивных технологий и супервычислений) и суперорганизацией сетевых временных структур в киберпространстве (их «самосборка» или «самосхлопывание»).

В условиях ускоренного развития искусственного интеллекта, роботизации, в том числе комплексной, сверхвычислений Big Data в России продолжает доминировать «живой» человеческий фактор: под прикрытием уже понятия «эффективный менеджер» (в управляющих системах) российский менеджмент продолжает сохранять мышление, образованность, запоминание, трудоспособность и программирование необходимых целевых функций [4]. При этом сложности с поколением Z в части неадекватности принимаемых решений и их интересов во многом не учитываются. Ассоциативность как связь идей акторов любого бизнес-процесса в достаточной степени не обеспечена.

По мере развития неопределенность предметной области для менеджмента повышается. В частности, после 2000 г. траекторные изменения характеристик предметной области менеджмента проходят по нескольким векторам одновременно, но с разной скоростью и различными значениями критических точек своих бифуркаций. В них каждый из векторов «расщепляется» надвое: самодернизированная базовая тенденция, развиваясь, меняет только свой тренд и самореализацию. Причем по каждому вектору критические точки соответствующих бифуркаций непрерывно меняют свои показатели в зависимости от состояния окружающей среды. Например, траекторные изменения характеристик предметной области менеджмента, ос-

нованного на тейлоризме, трансформировались от чисто канонического вертикально-иерархического планового и нормируемого корпоративного к иерархически-сетевой или чисто сетевой горизонтальной координации.

В настоящее время даже при использовании существующих природоподобных, облачных, вычислительных, аддитивных и других новейших технологий в форматах искусственного интеллекта, Big Data, комплексной роботизации и сверхкомпьютеризации избыточная централизация указывающих и контролирующих по вертикали «даже эффективных менеджеров» не позволяет адекватно отвечать на вызовы непрерывно возрастающей неопределенности окружающей среды. Централизованное торможение любой горизонтальной самоорганизации в менеджменте в условиях изменений и непрерывно возрастающей неопределенности окружающей среды однозначно способствует снижению эффективности менеджмента вследствие: 1) отставания теории и практики управления от общемировых тенденций в 5-м ТУ; 2) игнорирования фактов и облачных моделей самоорганизации в иерархиях и киберпространстве; 3) возрастающей неопределенности взаимоотношений между сторонами менеджмента, в том числе из-за хронической неготовности поколения Z к рутинной работе при машине, предлагая ее машине (роботам, компьютерам); 4) появления суперкомпьютеров, комплексов роботизированных машин и элементов искусственного интеллекта (индивидуально и в комплексе); 5) отсутствия практики выявления содержательного плагиата в научных публикациях; 6) длительного процесса санкциональности на глобальном уровне, предполагающего как экономическое, так и цивилизационное сдерживание; 7) завершения жизненного цикла парадигмы менеджмента, основанного на тейлоризме, как результат ее «разрушения» искусственным интеллектом.

В настоящее время все более остро встает познавательная проблема парадигмальности менеджмента в условиях комплексной роботизации, искусственного интеллекта, суперкомпьютеризации, развития инфокоммуникационных технологий (парадигмы WEB), динамики взаимно пересекающихся все более высоких ТУ и вытеснения «живого» человека-менеджера и актора (поколения Z) из HR-менеджмента или бизнес-процесса при конвергенции/дивергенции иерархических и сетевых структур и функций (например, через со-

подчинение), компромиссность (аддитивность) или целостность), когда у вещей как результатов менеджмента есть только их «алгоритмический цифровой смысл».

При парадигме WEB 1.0 контент программируется извне априори для конкретных акторов, что отображают 3-й и 4-й индустриальные ТУ. Парадигма WEB 2.0 (с версией «менеджмента 2.0») описывает и использует переход от управляемой стратегической системы с линейным развитием и функциональным управлением к интерактивной информативной нелинейности с соответствующим размытием парадигмы менеджмента, основанного на тейлоризме (5-й информационный ТУ). Парадигма WEB 3.0 (менеджмент 3.0) в России предполагает «скачок» через уже освоенный на Западе 5-й информационный ТУ с ориентацией на место личности в цифровом континууме при нечетком позиционировании в непрерывно возрастающей неопределенности окружающей среды, но коллективном контенте (6-й ТУ).

Всеобщая «оцифровка» вплоть до цифровых моделей личности высветила (не дожидаясь ее завершения) так называемую Стратегическую инициативу «Industrie 4.0», или «Четвертую индустриальную революцию» (парадигма WEB 4.0), не столько как нелинейный переход к 6-му или даже к 7-му ТУ при почти «вертикальном» росте знаний, гибридных, аддитивных и когнитивных технологий, сколько как признание его возможностей в качестве возможной защиты человека от комплексного самопрограммированного воздействия искусственного интеллекта, роботов и их менеджеров-программистов. При этом парадигма WEB 4.0 однозначно связана с культурой и ее стратегичностью.

Рекомендации

1. Хотя менеджмент, основанный на тейлоризме, в «цифровой» экономике под воздействием возникающего искусственного интеллекта, производительности, сверхкомпьютеров, комплексной автоматизации и роботизации и т. д. все больше снижает свою эффективность, его жизненный цикл при повсеместном внедрении инновационного инжиниринга, обеспечивающего эффективную корреляцию инженеров, менеджеров и остального персонала организации, может по крайней мере до 2025 г. продолжаться. Однако бизнес-про-

цессы, деятельность в организации в целом и связанные с ними менеджмент и задачи должны быть трансформированы и переосмыслены, чтобы персонал и машины достигали совместно большей эффективности. В настоящее время в условиях глобальной конкуренции инноваций своевременные и качественные знания, потенциал стратегического управления и инновации стали весьма значительными формами капитала и важнейшими факторами успеха и эффективности деятельности организации. Современная парадигма менеджмента должна основываться на знаниях, горизонтальных связях и системе стратегического управления, включающей способность к гибкой реакции в режиме онлайн (корпоративной динамике) и ориентацию на клиента.

2. Хотя четких рамок между поколениями не существует, а теория поколений периодически подвергается критике, она может активно применяться для получения представления о молодых людях и выявления их общих черт, родителями в воспитании детей, в бизнесе, социологии и футурологии, специалистами по рекламе и HR-менеджерами, для анализа изменений будущего и общих прогнозов, в том числе изменений в менеджменте в целом.

В частности, в настоящее время средний возраст населения в России составляет 40¹⁴ лет, т. е. можно с большой долей уверенности сказать, что, с одной стороны, большинство населения с условной датой рождения 1981 г. относится к поколению X (родившиеся в 1963—1983 гг.), и на уровне государства наиболее эффективно взаимодействовать, например, во время предвыборной компании 2021 г., с избирателями, опираясь на социально-психологический и экономический портреты, характерные для поколения X, с другой — уже после 2023 г. большинство населения России со средним возрастом 40 лет будет относиться к поколению Y (родившиеся в 1983—1997 гг.), имеющему другие социально-психологический и экономический портреты по сравнению с поколением X, а после 2037 г. — к поколению Z, имеющему другие социально-психологический и экономический портреты по сравнению с поколением Y соответственно. И к

¹⁴ Самым возрастным регионом оказалась Тамбовская область (43,4) (https://ren.tv/novosti/2019-09-12/rosstat-nazval-sredniy-voznrast-zhitelya-rossii?utm_source=smi2).

этому необходимо быть готовыми соответствующим государственным структурам и органам власти на всех уровнях, в частности, для возможно более активного и эффективного управления в рамках национальной модели управления население России в процессе ее инновационного развития для повышения качества жизни и консолидации населения, например, в условиях мобилизационной модели экономики при возможном продолжительном санкционном давлении и др.

Проанализированные в данной статье направления, использующие механизмы «самосборки» и программ управления на основе реальных и виртуальных инструментов, включая цифровые технологии, позволяют в условиях нечеткой в настоящее время перспективы менеджмента сформировать при обязательном соблюдении всех смыслов деятельности менеджера и менеджмента в целом в совокупности после 2025 г. особую «мягкую силу» в виде стратегической инновационной культуры, обеспечивающую возможность прорыва в национальной модели управления.

3. На уровне вида деятельности, субъекта РФ, муниципалитета целесообразно выяснять средний возраст работников и/или населения в целом этих соответствующих социально-экономических систем для определения их социально-психологического и экономического портретов, соответствующих поколению, составляющего большинство работников и/или населения, для использования этих данных в интересах возможно более активного их вовлечения посредством эффективных управления и менеджмента в процесс достижения стратегических целей развития этих систем, в частности, для повышения качества жизни работников и/или населения в целом, например, посредством выведения данных систем на режим устойчивого, эффективного и ускоренного развития инновационного типа и др.

4. На уровне организации целесообразно выяснять как средний возраст отдельных крупных групп сотрудников в ней, так и средний возраст персонала организации в целом, для определения их социально-психологического и экономического портретов, соответствующих поколению, составляющего большинство сотрудников в группе и/или в организации, для использования этих данных в интересах возможно более активного их вовлечения посредством эффек-

тивных управления и менеджмента в процесс достижения стратегических целей развития организации, например, в активную инновационную деятельность для выхода организации на режим устойчивого развития инновационного типа с целью повышения дохода владельцев и персонала в целом.

5. Средний возраст населения в США в настоящее время — 37 лет, в ЕС — 40, в Индии и Южной Америке — 18, Сомали — 12 лет, т. е. России и ее диппредставительствам целесообразно строить отношения с этими странами с учетом социально-психологических и экономических портретов соответствующего поколения, составляющего большинство населения в данной стране, в частности, для Индии, Южной Америки и Сомали — это поколение Z.

Выводы

1. Почти 120 последних лет менеджмент парадигмально теоретически и практически развивался вне изменений формальных институтов, к которым принадлежали люди — участники бизнес-процессов. Технологии и соответственно угрозы и риски непрерывно опережали науку. Человеческий фактор объективно и целенаправленно вытеснялся из процесса системами машин, в том числе роботизированных, и элементами искусственного интеллекта (индивидуально и в комплексе). Вследствие этого парадигма менеджмента, основанного на тейлоризме, в настоящее время завершается в условиях нарастающей одновременности и неопределенности проявления разных ТУ в XXI в. при нарастании все менее полной своей парадигмальности и все большей своей беспарадигмальности.

2. Парадигма WEB 4.0 при «чипованном» человеке обеспечивается действующим искусственным интеллектом и роботизацией всей цепочки отношений между человеком и «когнитивными роботами», комплексно реализуемой суперкомпьютерами от когнитивной деятельности (алгоритмировании и перепрограммировании отдельных бизнес-процессов) до систем «Интернет вещей» (IoT) [3] и «Интернет личностей»), и данный процесс завершает парадигму менеджмента, основанного на тейлоризме, кроме уровня топ-менеджмента. Последний, как и линейно-функциональная бюрократия в целом, становится основным «тормозом» для инновационных процессов, минимизирующим масштабность искусственного интеллекта и эффективность комплексной роботизации и деятельности с использованием

суперкомпьютеров¹⁵. Стратегически лишь культура, и прежде всего инновационная, всех участников способна сдерживать данное торможение.

3. Многие представители поколения Z относятся к категории Z_{inf}, которые не хотят брать на себя ответственность за свое будущее и затрудняют свое оптимальное включение в общественную и профессиональную среды и творческие развитие и самоактуализацию. Многие педагоги обращают внимание на этот серьезный фактор, однако необходимы кардинальные меры с их стороны, государства и общества в целом, чтобы переломить данную ситуацию и не потерять часть поколения Z для России.

Литература

1. *Андреева А.* Люди будущего: какие они — дети поколения Z и «альфа»? [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/trends/futurology/5dfcabbf9a7947a532b7f9a5>.

2. *Бажанов В.А., Шкурко Ю.С.* Современная нейронаука и образование: новые аргументы в пользу старых приемов // Педагогика. 2018. № 8. С. 29—37.

3. *Бодрийяр Ж.* Система вещей. М.: Рудомино, 2001. 95 с.

4. *Великороссов В.В., Филин С.А.* Проблемы взаимовлияния научно-технологического прогресса на развитие общества и человека. Позитивные и негативные аспекты // Философия хозяйства. 2019. № 3 (123). С. 221—236.

5. *Кутырев В.А.* Бытие или ничто. СПб: Алетейя, 2009. 496 с.

6. *Никулин Л.Ф., Великороссов В.В., Филин С.А., Ланчаков А.Б.* Искусственный интеллект и трансформация менеджмента // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2020. Т. 16. № 4 (385). С. 600—612.

7. *Никулин Л.Ф., Денисов И.В., Черницова К.А., Петренко Е.С.* Об эффективной самоорганизации. М.: Библио Глобус, 2019. 76 с.

¹⁵ В свое время руководитель нашей страны такой негативный момент в управлении при индустриализации саркастически назвал «центростопом», т. е. теньвым или косвенным торможением новизны сверху и повсеместно при разной аргументации (в настоящее время часто видна хроническая неэффективность целеуказаний деятельности многих конкретных институтов и отдельных «эффективных менеджеров»).

8. Пенроуз Р. Тени разума. В поисках науки о сознании. М.; Ижевск: Институт компьютерных исследований. 2005. 688 с.

9. Филин С.А., Волков М.А. Экономический инфантилизм как синдром «поколения Z» // Экономика и управление: проблемы, решения. 2018. Т. 1. № 8. С. 114—124.

10. Филин С.А., Якушев А.Ж., Ланчаков А.Б. Периодизация технологического развития человеческой цивилизации как инструмент прогнозирования развития национальной модели управления // Экономические и гуманитарные науки. 2019. № 8 (331). С. 95—111.

References

1. Andreeva A. Lyudi budushchego: kakie oni — deti pokoleniya Z i «al'fa»? [Elektronnyj resurs]. UPL: <https://www.rbc.ru/trends/futurology/5dfcabbf9a7947a532b7f9a5>.

2. Bazhanov V.A., SHkurko YU.S. Sovremennaya nejronauka i obrazovanie: novye argumenty v pol'zu staryh priemov // Pedagogika. 2018. № 8. S. 29—37.

3. Bodriyyar ZH. Sistema veshchej. M.: Rudomino, 2001. 95 с.

4. Velikorossov V.V., Filin S.A. Problemy vzaimovliyaniya nauchno-tehnologicheskogo progressa na razvitie obshchestva i cheloveka. Pozitivnye i negativnye aspekty // Filosofiya hozyajstva. 2019. № 3 (123). S. 221—236.

5. Kutyrev V.A. Bytie ili nichto. SPb: Aletejya, 2009. 496 s.

6. Nikulin L.F., Velikorossov V.V., Filin S.A., Lanchakov A.B. Iskusstvennyj intellekt i transformaciya menedzhmenta // Nacional'nye interesy: priority i bezopasnost'. 2020. Т. 16. № 4 (385). S. 600—612.

7. Nikulin L.F., Denisov I.V., CHernicova K.A., Petrenko E.S. Ob effektivnoj samoorganizacii. M.: Biblio Globus, 2019. 76 s.

8. Penrouz R. Teni razuma. V poiskah nauki o soznanii. M.; Izhevsk: Institut komp'yuternyh issledovaniy. 2005. 688 s.

9. Filin S.A., Volkov M.A. Ekonomicheskij infantilizm kak sindrom «pokoleniya Z» // Ekonomika i upravlenie: problemy, resheniya. 2018. Т. 1. № 8. S. 114—124.

10. Filin S.A., YAKushev A.ZH., Lanchakov A.B. Periodizaciya tekhnologicheskogo razvitiya chelovecheskoj civilizacii kak instrument prognozirovaniya razvitiya nacional'noj modeli upravleniya // Ekonomicheskie i gumanitarnye nauki. 2019. № 8 (331). S. 95—111.

С.П. ЮХАЧЕВ

**Социально-экономическая политика развития региона
в посткоронавирусной экономике***

Аннотация. Для регионов в условиях посткоронавирусной экономики главной стратегической задачей становится экономический рост. Социально-экономическая политика региона должна быть направлена на благосостояние населения. Новая редакция Стратегии социально-экономического развития региона должна формироваться с учетом выделенных приоритетов данной территории. Экономическая политика Тамбовской области формируется на основе этих принципов. Проведенный анализ потенциала области позволил получить информацию об основных стратегических приоритетах, которые и выступили базисом новой Стратегии социально-экономического развития региона. Разработанные комплексы мер и мероприятий направлены на успешное долгосрочное развитие Тамбовщины и повышение благосостояния ее народонаселения.

Ключевые слова: социально-экономическая политика, региональная экономическая политика, планирование, развитие региона.

УДК 332.14
ББК 65.049(2)

Вопрос о социально-экономическом развитии и об экономическом росте по-прежнему актуален. Регион заинтересован в росте благосостояния населения. В связи с этим при разработке новой Стратегии социально-экономического развития необходимо было поставить четкую, измеренную задачу — вывести регион в лидеры по удовлетворенности населения качеством жизни и окружающей среды.

Оценка уже достигнутых к моменту разработки Стратегии целей и анализ потенциала социально-экономического развития области позволяли рассчитывать на серьезные изменения как в экономике, так и в качестве жизни граждан. На первоначальном этапе ключ

* Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Юхачев С.П. Социально-экономическая политика развития региона в посткоронавирусной экономике // Философия хозяйства. 2021. № 1. С. 244—250.

к реализации планов лежал в проведении четкой, системной работы по развитию области [2].

За последние три года по основным макроэкономическим показателям отмечена следующая динамика: 125% — рост производства продукции сельского хозяйства (РФ — 114%); 140,5% — рост промышленного производства (РФ — 109,1%); в 1,4 раза рост экспорта продукции АПК; 560,6 млрд р. — объем инвестиций в основной капитал; 117,2% — среднегодовой рост производства пищевых продуктов (РФ — 104,5%); создано более 9000 рабочих мест [1]. Более того, по некоторым из них регион входит в число лидеров.

Для выполнения поставленных задач необходимы уточнение Плана мероприятий по реализации Стратегии, являющегося основным механизмом ее реализации и мониторинга, и определение стратегических приоритетов (рис. 1).

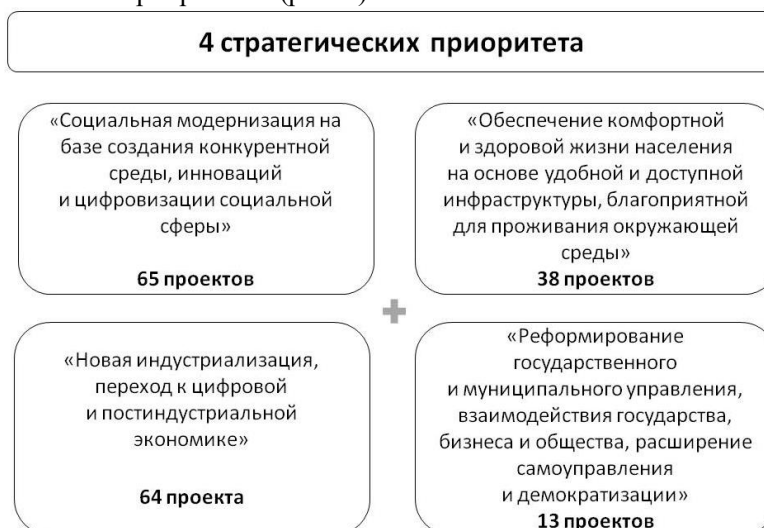

Рис. 1. Стратегические приоритеты развития региона [3]

Уточненный План включает 180 проектов по четырем стратегическим приоритетам развития региона [3]: социальная модернизация на базе создания конкурентной среды, инноваций и цифровизации социальной сферы; обеспечение комфортной и здоровой жизни

населения на основе удобной и доступной инфраструктуры, благоприятной для проживания окружающей среды; новая индустриализация, переход к цифровой и постиндустриальной экономике; реформирование государственного и муниципального управления, взаимодействия государства, бизнеса и общества, расширение самоуправления и демократизации.

Отметим, что полученные результаты в ходе мониторинга исполнения Плана мероприятий по реализации Стратегии — 2035 также показали позитивную динамику социально-экономического развития области.

Если мы обратимся к 2019 г., увидим, что реализовывался 131 проект. Общий объем финансирования мероприятий превышал 31 млрд р., средства федерального бюджета составили 8 млрд р., средства частных инвесторов составили 59% от общего объема средств [1].

В рамках уточненного Плана 2020 г. для реализации первого стратегического приоритета усилия были сконцентрированы на создании конкурентной среды, инноваций, цифровизации и модернизации социальной сферы. Это позволило из 46 намеченных к реализации проектов в полном объеме исполнить 42 (рис. 2) [1].

Рис. 2. Социальная модернизация на базе создания конкурентной среды инноваций и цифровизации социальной сферы [1]

В условиях пандемии COVID-19 решение задачи по укреплению и восстановлению здоровья населения региона явилось главным приоритетом. Поэтому в каждом медучреждении области внедрялись новейшие информационные технологии, совершенствовалась специализированная, а так же высокотехнологичная медицинская помощь.

Приоритетными стали и вопросы доступности и качества образования. Создание и развитие сети детских технопарков «Кванториумов» и применение новых форматов обучения стали эффективными инструментами их решения. Создано 2175 новых учебных мест в общеобразовательных организациях и 1720 мест в учреждениях дошкольного образования [1]. Столь масштабное строительство образовательных объектов позволило получить 100%-ю доступность дошкольного образования.

В сфере демографии важно закрепить складывающуюся позитивную тенденцию по увеличению рождаемости, внедрять стимулирующие меры по повышению уровня рождаемости.

Стратегическими целями всех преобразований являются повышение благосостояния населения и увеличение продолжительности жизни населения.

По этой причине в рамках второго стратегического направления решалась задача обеспечения условий комфортной и здоровой жизни населения, создания удобной и доступной инфраструктуры, благоприятной экологии. По данному приоритету реализовывался комплекс из 27 проектов, в полном объеме было исполнено 19. В сфере строительства, энергетики и ЖКХ: увеличение объемов ввода жилья до 930 тыс. м² (0,9 м² на человека); 330 благоустроенных дворовых и общественных территорий; выдано более 7,5 тыс. ипотечных жилищных кредитов на общую сумму более 14,3 млрд р. В сфере информатизации и транспорта: 50,5% приведенных в нормативное состояние дорог; удовлетворенность 61% населения качеством доступа в интернет [5]. В сфере охраны окружающей среды, обеспечения безопасности среды обитания: заняли первое место в Национальном экологическом рейтинге «Зеленый патруль».

В рамках реализации проекта «Чистая вода» более 92% жителей области обеспечены качественной питьевой водой из систем централизованного водоснабжения.

Проекты третьего стратегического приоритета нацелены на увеличение объема валового регионального продукта, ежегодный прирост производительности труда в основных отраслях экономики, переход на новый технологический уклад, наращивание экспортного потенциала. По данному приоритету к реализации было предложено 47 проектов, из которых в полном объеме было исполнено 36. Это создание и развитие технопарка в сфере высоких технологий «МИЭЛТА» и индустриальных парков «Котовск» и «Уварово»; реализация проектов в ключевых секторах промышленности области (химия, машиностроение, легкая и пищевая промышленность); рост территории опережающего социально-экономического развития (ТОСЭР); реализация пяти крупных проектов в АПК; реализация доходогенерирующих проектов по поддержке сельскохозяйственных кооперативов и т. д.

Основные полученные эффекты: объем инвестиций составил более 120 млрд р.; объем микрозаймов 133 субъектам МСП на общую сумму 160 млн р.; рост производительности труда достиг 4,9%; на экспорт выведено 16 субъектов МСП; грантовая поддержка 30 начинающим фермерам; по состоянию инвестиционного климата вошли в ТОП-20 регионов [4].

Рис. 3. Стратегическое и программное планирование Тамбовской области в 2020—2021 гг. [3]

Мероприятия четвертого стратегического приоритета связаны с цифровизацией сферы предоставления государственных и муниципальных услуг, совершенствованием системы исполнительной власти области, проведением конкурса «Лидеры Тамбовщины», расширением форм народной инициативы, созданием в области Центра по развитию добровольчества. Во многом это уже действующие проекты и отмечены как одни из лучших российских практик экспертами самого высокого федерального уровня.

Хочется отметить, что Стратегия формировалась в особых политических условиях, связанных с выходом майского Указа Президента. Однако 2020 г. поставил новые задачи (рис. 3).

Основная наша цель — успешное долгосрочное развитие Тамбовщины и повышение благосостояния населения. В связи с этим ключевая задача — увязать стратегические приоритеты с обновленными планами федерального центра в условиях ограниченных бюджетных возможностей (посткоронавирусной экономики).

Литература

1. Валовой региональный продукт. Официальный сайт территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Тамбовской области: [Электронный ресурс]. URL: <https://tmb.gks.ru/folder/33732> (дата обращения: 15.12.2020 г.).
2. Закон Тамбовской области от 04 июня 2018 г. № 246-З «О стратегии социально-экономического развития Тамбовской области до 2035 года» (принят Тамбовской областной Думой 30 мая 2018 г.) // Система ГАРАНТ: [Электронный ресурс]. URL: <http://base.garant.ru/42892686/#ixzz6juLnj4Sr> (дата обращения: 20.12.2020 г.).
3. Постановление администрации Тамбовской области от 02 ноября 2018 г. № 1141 «Об утверждении Плана мероприятий по реализации Стратегии социально-экономического развития Тамбовской области до 2035 года» (с изм. на 27 октября 2020 г.) // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации: [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/550236399> (дата обращения: 12.12.2020).
4. Предприятия и организации. Официальный сайт территориального органа Федеральной службы государственной статистики по

Тамбовской области: [Электронный ресурс]. URL: <https://tmb.gks.ru/folder/3353>.

5. Уровень жизни. Официальный сайт территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Тамбовской области: [Электронный ресурс]. URL: <https://tmb.gks.ru/folder/92579>.

References

1. Valovoj regional'nyj produkt. Oficial'nyj sayt territorial'nogo organa Federal'noj sluzhby gosudarstvennoj statistiki po Tambovskoj oblasti: [Elektronnyj resurs]. URL: <https://tmb.gks.ru/folder/33732> (data obrashcheniya: 15.12.2020 g.).

2. Zakon Tambovskoj oblasti ot 04 iyunya 2018 g. № 246-Z «O strategii social'no-ekonomicheskogo razvitiya Tambovskoj oblasti do 2035 goda» (prinyat Tambovskoj oblastnoj Dumoj 30 maya 2018 g.) // Sistema GARANT: [Elektronnyj resurs]. URL: <http://base.garant.ru/42892686/#ixzz6juLnj4Sr> (data obrashcheniya: 20.12.2020 g.).

3. Postanovlenie administracii Tambovskoj oblasti ot 02 noyabrya 2018 g. № 1141 «Ob utverzhdenii Plana meropriyatij po realizacii Strategii social'no-ekonomicheskogo razvitiya Tambovskoj oblasti do 2035 goda» (s izm. na 27 oktyabrya 2020 g.) // Elektronnyj fond pravovoj i normativno-tekhnicheskoy dokumentacii: [Elektronnyj resurs]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/550236399> (data obrashcheniya: 12.12.2020).

4. Predpriyatiya i organizacii. Oficial'nyj sayt territorial'nogo organa Federal'noj sluzhby gosudarstvennoj statistiki po Tambovskoj oblasti: [Elektronnyj resurs]. URL: <https://tmb.gks.ru/folder/3353>.

5. Uroven' zhizni. Oficial'nyj sayt territorial'nogo organa Federal'noj sluzhby gosudarstvennoj statistiki po Tambovskoj oblasti: [Elektronnyj resurs]. URL: <https://tmb.gks.ru/folder/92579>.

V

**АКТУАЛЬНАЯ
ДЕМОГРАФИЯ**

Т.В. ЛЕБЕДЕВА, А.П. САБИНОВ, А.В. ШАТАЛОВА

Развитие сельских территорий: демографический аспект*

Аннотация. В статье на основе последних данных официальной статистики анализируются особенности демографического развития сельского населения Российской Федерации в 2010—2020 гг. Рассматриваются особенности состояния здоровья и обеспечения жителей сельской местности медицинским обслуживанием, сравниваются показатели ожидаемой продолжительности жизни сельских и городских жителей. Описываются миграционные потоки сельского населения. Характеризуются особенности сети сельского расселения страны. На основе проведенных исследований сделан вывод о глубоком демографическом кризисе сельского населения Российской Федерации и предложена разработка национального проекта по устойчивому развитию сельских территорий с разработкой федеральной программы по сохранению и приумножению сельского населения.

Ключевые слова: сельское население, рождаемость, смертность, естественная убыль, депопуляция, ожидаемая продолжительность жизни, возрастно-половая структура, миграция сельского населения, сельские населенные пункты.

Abstract. The article analyzes the features of the demographic development of the rural population of the Russian Federation in 2010—2020 on the basis of the latest official statistics. The features of the state of health and provision of rural residents with medical services are considered, the indicators of life expectancy of rural and urban residents are compared. The migration flows of the rural population are described. The features of the country's rural settlement network are characterized. On the basis of the conducted research, a conclusion is made about the deep demographic crisis of the rural population of the Russian Federation and the development of a national project for the sustainable development of rural

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Лебедева Т.В., Сабинов А.П., Шаталова А.В. Развитие сельских территорий: демографический аспект // Философия хозяйства. 2021. № 2. С. 253—270.

areas with the development of a federal program for the preservation and multiplication of the rural population is proposed.

Keywords: rural population, birth rate, mortality, natural decline, depopulation, life expectancy, age-sex structure, migration of rural population, rural settlements.

УДК 314.17
ББК 60.75

В современных условиях построения правового государства в Российской Федерации, реформирования экономических отношений и совершенствования государственного и муниципального управления обсуждение темы демографического кризиса в стране является весьма актуальным. Отечественные ученые-демографы и эксперты свидетельствуют, что Россия вступила во вторую фазу депопуляции населения, когда в детородный возраст вступило малочисленное поколение 1990-х гг. с малым числом матерей. При этом иммиграционные потоки, в значительной степени из новых независимых государств, образовавшихся после распада СССР, которые ранее компенсировали естественную убыль, в настоящее время практически истощились [17, 546; 5, 14].

Демографический кризис в Российской Федерации в значительной степени обострил проблемы сельского населения. Только за последние 20 лет (2001— 2020) численность населения в сельской местности сократилась на 2 млн человек — с 39,2 до 37,2 млн [10, 93]. Данная ситуация возникла, в первую очередь, ввиду значительного превышения показателей смертности сельского населения над показателями рождаемости и, как следствие, отрицательных показателей естественного прироста (табл. 1). Хотя в расчете на 1000 человек отрицательные показатели естественного прироста сельского населения в последнее десятилетие сократились в 2 раза, но при этом до настоящего времени наблюдается естественная убыль сельского населения.

Из данных Росстата, представленных в табл. 1, следует, что показатели рождаемости в сельской местности за последние 10 лет (2010—2019) не только не выросли, но и значительно уменьшились — на 4,2 рождения на каждую тысячу сельских жительниц фертильного возраста.

Таблица 1

**Рождаемость, смертность и естественный прирост
сельского населения Российской Федерации (2000—2019)**

Годы	Всего, человек		
	родившиеся	умершие	естественный прирост
2000	379892	661298	-281406
2010	525055	606782	-81727
2017	420780	515890	-95110
2018	399113	511207	-112094
2019	365737	496657	-130920
	на 1000 человек населения		
	родившиеся	умершие	естественный прирост
2000	9,8	17,1	-7,3
2010	14,0	16,1	-2,1
2017	11,2	13,7	-2,5
2018	10,7	13,6	-2,9
2019	9,8	13,3	-3,5

Составлено авторами по данным: [10, 102].

Необходимо отметить, что сокращение рождаемости на селе происходит даже в условиях создания дополнительных финансовых условий для повышения рождаемости. Финансовые вложения осуществляются не только федеральным центром (см. Федеральный закон от 19.05.1995 г. № 81-ФЗ «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей» в последней редакции ФЗ от 08.06.2020 № 166-ФЗ [15]), но и региональными органами власти, и субъектами хозяйствования — предприятиями разного профиля, а также общественными фондами.

Например, Республиканский центр социальной поддержки населения Республики Башкортостан выплачивает ежемесячное пособие семьям, имеющим детей и проживающим в сельской местности на территории республики: по 115 р. — при рождении в семье первого — четвертого ребенка и по 230 р. при рождении пятого и

более ребенка. Как прожить сельским семьям с таким количеством детей, если минимальный размер оплаты труда в сельской местности Башкортостана составляет 14719,80 р. [2]?

Вызывают тревогу и высокие показатели смертности сельского населения. Как свидетельствуют данные Росстата, представленные в табл. 1, сельская местность нашей страны в 2010—2019 гг. ежегодно теряла по полмиллиона человек! В значительной степени сложившуюся ситуацию можно объяснить демографическим старением населения: ввиду низкой рождаемости в структуре сельского населения накапливается большая доля людей старших возрастов, смертность среди которых высокая. Однако не только данный фактор оказывает влияние на высокие показатели смертности, но и, несомненно, состояние здоровья сельского населения.

К сожалению, Росстатом не приводятся статистические данные по причинам смертности отдельно городского и сельского населения страны, а только по Российской Федерации в целом. В 2019 г. в России наибольшим количество умерших было вследствие болезней системы кровообращения (573,2 случая на каждые 100 000 человек), от новообразований (203,5 на 100 000 человек) и от внешних причин смерти, среди которых преобладают дорожно-транспортные происшествия (12,1 на 100 000 человек) и самоубийства (12,1 на 100 000 человек) [10, 104].

Совсем недавно (08.02.2021 г.) Росстатом опубликованы оперативные данные по естественному движению населения Российской Федерации за 2020 г. При числе родившихся россиян в 2020 г. в 1435,8 тыс. человек смертность составила 2124,5 тыс. человек, т. е. в стране отмечается естественная убыль населения в 688,7 тыс. человек. По сравнению с 2019 г. смертность увеличилась на 323,8 тыс. случаев (на 18%). К сожалению, пока отсутствуют данные о структуре смертности населения по причинам смерти, в том числе от COVID-19, они появятся не раньше лета 2021 г. По предварительным данным, только 194 тыс. человек умерли в результате коронавируса как основной причины, что составляет 32% всех умерших в 2020 г. [3].

Результаты Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE) — многолетнего лонгитюдного исследования домохозяйств, свидетельствуют,

что медицинское обслуживание на селе характеризуется значительной ограниченностью доступности, невысоким качеством медицинской помощи и низкой эффективностью профилактических мероприятий. Жители сельской местности постоянно сталкиваются с проблемами обеспечения специальным медицинским оборудованием, с нехваткой лекарств, в том числе и льготных, с недоукомплектованностью медучреждений на селе квалифицированным медицинским персоналом. Особенно сложной является ситуация в малочисленных населенных пунктах, расположенных в удаленных и труднодоступных местах, с преимущественно пожилым населением, которое в наибольшей степени нуждается в медицинском обслуживании [7, 34].

Состояние здоровья сельских жителей пока не имеет явной тенденции к улучшению. По имеющимся данным Росстата, в сельской местности нашей страны только в 2018 г. зарегистрировано 18,1 тыс. заболеваний активным туберкулезом у пациентов с диагнозом, установленным впервые в жизни. На каждые 100 000 сельских жителей приходится по 48,4 тыс. заболеваний туберкулезом, и этот показатель заболеваемости на 11% выше, чем у горожан в том же году. В том же 2018 г. у 145,1 тыс. сельчан впервые в жизни установлен диагноз заболеваемости злокачественными новообразованиями — показатель заболеваемости сельских жителей болезнями этой группы с 2010 г. постоянно возрастает [4, 52]. Заболеваемость сельских жителей Российской Федерации и большинством других болезней заметно выше, чем у горожан.

Все чаще сельчане вынуждены обращаться за платной медицинской помощью при их невысоком материальном достатке. Так, денежные расходы сельских домашних хозяйств на медицинские платные услуги в среднем на одного члена домохозяйства в 2018 г. составили 1600,0 р. (в два раза ниже, чем показатель горожанина — 3297,7 р.) [4, 140].

Проанализируем еще один из важнейших демографических показателей — ожидаемую продолжительность жизни сельского населения. Данный показатель обозначает среднее число лет предстоящей жизни человека при рождении с предположением, что показатели смертности на всем протяжении его жизни останутся такими

же, как в рассматриваемом году. Это один из важнейших интегральных показателей, характеризующих уровень и качество жизни населения, который широко используется в межрегиональных и межстрановых сравнениях.

Согласно последним данным Росстата [10, 102], ожидаемая продолжительность жизни ребенка, родившегося в 2019 г. в сельской местности, составляет 72,21 года, что на 1,51 года меньше, чем ребенка-горожанина, родившегося в этом же году. При этом ожидается, что сельские женщины 2019 г. рождения проживут 77,39 лет (меньше горожанок на 1,02 года), а мужчины-сельчане — только 67,36 лет (меньше мужчин-горожан на 1,2 года).

Сравним ожидаемую продолжительность жизни сельчан и горожан, например, 1995 г. рождения. Получается, что современный 26-летний среднестатистический мужчина — ни горожанин, ни сельчанин — не доживут до пенсии, так как ожидаемая продолжительность их жизни составляет 58,30 и 57,64 лет соответственно [10, 102]. При этом данный расчетный показатель для сельского мужчины на 0,66 года ниже, чем горожанина.

Ожидаемая продолжительность жизни женщин 1995 г. рождения заметно выше, чем у мужчин, и составляет для горожанок и сельчанок 71,64 и 71,40 года соответственно. Как видно, разница данного показателя между жительницами городов и сельской местности не особенно велика и составляет 0,24 года (почти в 3 раза меньше, чем разница у мужчин).

При этом следует констатировать, что показатель ожидаемой продолжительности жизни населения Российской Федерации в целом постоянно растет. В 2019 г. он имел максимальное значение — 73,3 года и вырос по сравнению с тем же 1995 г. почти на 9 лет. При этом, согласно данным Программы развития ООН (ПРООН), в 2018 г. Россия по показателю ожидаемой продолжительности жизни населения занимала только 106-е место в мире (из 193 стран — членов ООН) [6]. Показатели ожидаемой продолжительности жизни сельского населения нашей страны также растут (1995 — 2019 гг. — на 8,22 лет [10, 102]), но пока остаются еще очень низкими.

Сокращению численности сельского населения в последнее десятилетие также способствовал процесс урбанизации в Российской

Федерации. В нашей стране он выражался в увеличении числа городов (зачастую вследствие преобразования сельских поселений в городские), в росте доли городского населения (с 73 до 75% [10, 93]), в развитии городского хозяйства, производственной и социальной инфраструктуры, в преобладании городского образа жизни над сельским. В результате урбанизации активизировались трудовые поездки жителей сельской местности в города, т. е. возросло «маятниковое» движение сельчан, которое постепенно приводило к переселению в города.

В результате естественной убыли и миграции населения из села в город деформировалась возрастно-половая структура сельского населения. Как свидетельствуют данные Росстата, представленные в табл. 2, в сельской местности нашей страны значительно преобладают женщины: в целом их больше, чем мужчин на 1 млн 214 тыс. человек. Однако это преобладание наиболее значительно в группе лиц старше трудоспособного возраста — более чем в два раза (на 3 млн 487 тыс. человек).

Таблица 2

**Распределение мужчин и женщин, проживающих
в сельской местности Российской Федерации,
по укрупненным возрастным группам
(по состоянию на 1 января 2020 г., тыс. человек)**

Сельское население	Мужчины	Женщины
Всего	17986	19200
в том числе в возрасте:		
моложе трудоспособного	3808	3607
в трудоспособном	11107	9035
старше трудоспособного	3071	6558

Составлено авторами по: [10, 94].

В двух других выделенных укрупненных возрастных группах (см. данные табл. 2) численно преобладают мужчины. Однако необходимо отметить следующее обстоятельство: если в возрасте моложе трудоспособного мужчины преобладают незначительно (их больше на 201 тыс. человек, или на 6%), то среди лиц трудоспособного возраста мужчин больше, чем женщин, практически на четверть (на 2 млн 72 тыс. человек, или на 23%).

Среди занятых на селе мужчин преобладают представители массовых профессий (шоферы, трактористы, механизаторы и др.), а также специалисты-управленцы (агрономы, зоотехники, главные бухгалтеры руководители сельскохозяйственных предприятий и др.). При этом женщины имеют более высокий уровень образования, чем мужчины, поэтому они после окончания обучения в вузах и ссузах чаще остаются на работу в городах, поскольку не удовлетворены условиями жизни на селе и не видят перспектив профессиональной самореализации в сельской местности. Сложившаяся ситуация может свидетельствовать о том, что мужчины чаще находят себе сферы приложения труда в сельскохозяйственной экономической деятельности при низкой конкуренции на местных рынках труда и более низкого, чем у женщин того же возраста, уровня образования.

Сельскохозяйственная отрасль в настоящее время остро нуждается в квалифицированных специалистах. При этом, по данным социологических опросов, около 80% выпускников сельскохозяйственных вузов не идут на работу на сельскохозяйственные предприятия ввиду низкого уровня оплаты труда, а также карьерной и жизненной бесперспективности [9, 5].

Настораживает и тот факт, что с каждым годом растет число населенных пунктов, которые не имеют на своей территории никаких предприятий и организаций. В таких случаях трудоспособные жители вынуждены выезжать на работу в другие населенные пункты либо существовать за счет производства сельскохозяйственной продукции в личных подсобных хозяйствах. Однако личные подсобные хозяйства не приносят большого дохода хозяевам в силу неразвитости местных рынков сбыта сельскохозяйственной продукции, а также кооперации и системы закупки сельхозпродукции у населения.

В Российской Федерации постоянно растет число обезлюдивших деревень. Так, согласно данным Росстата, за период между Всесоюзной переписью населения 1989 г. и Всероссийской переписью населения 2002 г. число сельских населенных пунктов в стране сократилось почти на 7 тыс. (точно — на 6942 поселения). В период между Всероссийскими переписями населения 2002 и 2010 гг. в России исчезло еще более 2 тыс. сел и деревень (2165). Необходимо отметить, что, по данным последней переписи населения 2010 г., более половины сельского населения страны (88,4 из 153,1 тыс. человек,

58%) проживало в малых сельских населенных пунктах с численностью жителей менее 100 человек [10, 101]. В результате проведения в апреле 2021 г. очередной Всероссийской переписи населения появится новая статистическая информация, которая покажет, сколько же еще малых сельских населенных пунктов исчезло с карты сельского расселения Российской Федерации. При этом в сельском расселении нашей страны происходит концентрация населения вокруг отдельных крупных сельских населенных пунктов или малых городов, при одновременном расширении сельских территорий, где отмечается постоянная депопуляция сельского населения.

Чтобы «удержать» сельчан на их постоянном месте жительства, а также стимулировать переселение городских жителей в сельскую местность, необходимо, в первую очередь, создание системы привлекательных рабочих мест, которые могли бы обеспечить семьям занятых в сельскохозяйственном производстве постоянный трудовой доход и возможности карьерного роста. Однако, по данным Росстата, в 2020 г. в целом по отрасли — сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство — среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников организаций составляет только 66% от средней по экономике страны. И хотя она имеет тенденцию к росту (за период 2010—2019 гг. в 1,9 раза), пока остается одной из самых низких в стране [10, 154].

Наиболее привлекательные условия с точки зрения заработка и возможностей карьерного роста могут обеспечить, в первую очередь, крупные агрохолдинги, занимающиеся не только производством, но и хранением и переработкой сельскохозяйственной продукции, имеющие соответствующую логистическую и транспортную инфраструктуру, рынки сбыта готовой продукции. Однако в российских климатических условиях организация таких крупных сельскохозяйственных предприятий экономически выгодна только в Центральном Черноземье, на Северном Кавказе, в Поволжье и на юге Западной Сибири. В большинстве же регионов страны, с ограниченными по площади участками земель сельскохозяйственного назначения и мелкоселенным расселением, развитие сельскохозяйственного производства может осуществляться, в основном, мелкими крестьянскими хозяйствами. Такие сельхозпредприятия нуждаются в допол-

нительном финансовом обеспечении как за счет налогового стимулирования, финансовой помощи в приобретении техники и горюче-смазочных материалов из бюджетов разных уровней, так и за счет привлечения в сельскохозяйственную отрасль частного капитала, формирования социального слоя мелких фермеров.

Многократно в научной литературе отмечалась необходимость создания и совершенствования социальной инфраструктуры в сельской местности. Именно низкое качество жизни сельчан вследствие невысокой доступности объектов социальной инфраструктуры (медицинской, образовательной, транспортной, досуговой), а также основных услуг (государственных, муниципальных, банковских, бытовых), отсутствие современного жилого фонда и недостаточной обеспеченности жилищно-коммунальными благами вынуждает жителей покидать сельскую местность. При этом надо помнить, что существуют специально разработанные строительные нормы и правила, которые предусматривают сооружение предприятий социально-культурного назначения в населенных пунктах с численностью только более 1000 человек [11]. Однако из-за процессов «оптимизации» сельские территории в значительной степени утратили свою социальную инфраструктуру, возведенную еще в советское время. При этом закрытие больниц, фельдшерско-акушерских пунктов, школ, сельских клубов активизировало миграционный отток молодого, трудоспособного населения из сельской местности.

В эпоху рыночных экономических отношений именно на региональные органы власти и муниципалитеты ложится ответственность за сохранение сельского населения и судьбу каждого населенного пункта. Именно они должны быть полноправными хозяевами на своей территории и не допускать разорения мелких крестьянских хозяйств, чтобы не усиливать монополизацию сельскохозяйственного производства. В значительной части регионов страны излишняя монополизация приводит к свертыванию рынка труда, к сокращению рабочих мест вблизи малых сельских населенных пунктов, и в конечном итоге, активизирует миграцию сельского населения, что, в свою очередь, является причиной свертывания сети сельских населенных пунктов.

Необходимо учитывать, что в силу сезонности сельскохозяйственного производства, а также наличия современной скоростной

сельскохозяйственной техники, может быть, и нет экономического смысла сохранять мелкие сельские поселения, к каждому из которых априори не будут проведены современные автотрассы и не будут построены объекты социально-бытового назначения в силу малолюдности, а молодежь либо уже уехала, либо намеревается уезжать из родной деревни. Однако в данном вопросе не может быть директивного решения сверху; последнее слово должно быть за самими сельчанами, которые изнутри видят сложившуюся ситуацию и через органы местного самоуправления могут предложить пути выхода из нее.

Как известно, в сельской местности Российской Федерации действует двухуровневая модель местного самоуправления, которая включает сельские поселения и муниципальные районы [16]. Немалая роль в успешном функционировании муниципальных органов власти и в нормализации социально-экономической ситуации в сельской местности принадлежит органам государственной власти субъектов Российской Федерации, которые должны быть рачительными хозяевами на территории региона и активными помощниками в решении сложных социально-экономических и демографических проблем сельского населения.

Федеральным органом власти в нашей стране, осуществляющим функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере агропромышленного комплекса, рынка сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия, пищевой и перерабатывающей промышленности, а также устойчивого развития сельских территорий, является Министерство сельского хозяйства Российской Федерации (Минсельхоз России) [8]. Разработанная Минсельхозом России «Стратегия устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2030 года» (далее — Стратегия) была утверждена Распоряжением Правительства Российской Федерации № 151-р от 2 февраля 2015 г. [12].

В Стратегии одной из главных целей государственной политики в области обеспечения устойчивого развития сельских территорий на период до 2030 г. обозначены обеспечение стабилизации численности сельского населения и создание условий для его роста за

счет снижения смертности, увеличения ожидаемой продолжительности жизни, уменьшения миграционного оттока населения. Предусмотрены также обеспечение занятости, повышение уровня и качества жизни сельского населения с учетом современных требований и стандартов [12].

Демографические проблемы села Правительство Российской Федерации пытается решать на основе применения программно-целевого метода в целях улучшения всей социально-экономической ситуации в сельской местности. Так, Постановлением Правительством Российской Федерации от 15 июля 2013 г. № 598 была утверждена Федеральная целевая программа «Устойчивое развитие сельских территорий на 2014—2017 годы и на период до 2020 года» [14]. Данный документ являлся логическим продолжением предыдущей федеральной целевой программы, утвержденной Постановлением Правительства Российской Федерации от 3 декабря 2002 г. № 858 «О федеральной целевой программе “Социальное развитие села до 2013 года”» [13]. К сожалению, недофинансирование мероприятий названных выше программ, распыление тех незначительных финансовых средств, выделенных на их реализацию, не принесли желаемого результата.

Ученые констатируют, что пока современное развитие сельских территорий нельзя признать устойчивым, поскольку не обеспечиваются достойный уровень и качество жизни населения в сельской местности, не формируются территориальные саморазвивающиеся и самобытные социо-эколого-экономические территориальные системы. Современный уровень развития сельской местности не позволяет обеспечивать воспроизводство и долговременное использование природных ресурсов и не может гарантировать продовольственную безопасность страны [9].

Таким образом, на основе проведенных исследований можно сделать следующие выводы.

Демографическая ситуация в сельской местности характеризуется целым рядом негативных тенденций, которые свидетельствуют о глубоком демографическом кризисе, обусловленном низким качеством жизни и ухудшением здоровья населения. Демографический кризис выражается в сокращении численности населения вследствие

снижения уровня рождаемости, в увеличении смертности сельчан и, как результат, в естественной убыли сельского населения.

Осложняют острую демографическую ситуацию на селе процессы миграции сельского населения в крупные сельские населенные пункты и в города. Причинами «выталкивания» сельского населения являются низкий уровень оплаты труда в сельской местности, неразвитость местных рынков труда, отсутствие перспектив профессиональной самореализации в сельской местности и низкая обеспеченность жилищно-коммунальными благами на селе.

В целях улучшения демографической ситуации в сельской местности в Российской Федерации, как и в ряде других стран, имеющих демографические проблемы, схожие с нашими, применяются различные меры материальной поддержки сельского населения с помощью различных пособий и льгот. Однако, как свидетельствуют демографы, эффективность этих мер невелика [1, 3].

Как показал опыт реализации федеральных целевых программ, рассчитанных на относительно короткий период, их точечные меры проваливаются вследствие отсутствия социально-экономических условий для развития сельской местности.

На наш взгляд, существует настоятельная необходимость срочной разработки национального проекта «Устойчивое развитие сельских территорий» со сроком действия до 2030 г. В данный национальный проект должны войти конкретные федеральные программы, в числе которых «Сохранение сельского населения», разработанные в соответствии с целями Стратегии устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2030 г. К разработке программ национального проекта должны быть привлечены не только сотрудники Министерства сельского хозяйства Российской Федерации, но и представители органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, местного самоуправления, научного сообщества, бизнеса, гражданского общества. В результате реализации такого масштабного национального проекта должны произойти комплексные социально-экономические преобразования в сельской местности Российской Федерации.

При разработке такого национального проекта может быть использован и зарубежный опыт сохранения сельского населения и

сети населенных пунктов (например, опыт Канады по подготовке высококвалифицированных кадров для сельской местности, по разработке специальных льготных программ для малого и среднего бизнеса в сельской местности).

Если время будет упущено, то в ближайшие годы могут произойти необратимые последствия для сельской местности — огромные незаселенные территории, находящиеся в запустении. Пока точка невозврата не пройдена, необходимо принятие срочных мер не только демографической, но более широко — социально-экономической политики развития сельской местности Российской Федерации.

Литература

1. *Борисов В.А.* Демография. М.: Издательский дом NOTABENE, 1999, 2001. 272 с. Электронная библиотека социологии: [Электронный ресурс]. URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/boris/ (дата обращения: 07.01.2021).

2. Ежемесячное пособие семьям, проживающим в сельской местности // Официальный сайт Республиканского центра социальной поддержки населения Республики Башкортостан: [Электронный ресурс]. URL: <http://rcspn.mintrudrb.ru/posts/8541> (дата обращения: 28.01.2021).

3. Естественное движение населения в разрезе субъектов Российской Федерации за январь-декабрь 2020 года (Размещено 08.02.2021). Общие итоги естественного движения населения Российской Федерации // Росстат: [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/TwbjciZH/edn12-2020.html> (дата обращения: 15.02.2021).

4. Здравоохранение в России. Официальное издание 2019: Стат.сб./Росстат. М., 2019. 170 с.: [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Zdravoohran-2019.pdf> (дата обращения: 07.02.2021).

5. *Ионцев В.А., Субботин А.А.* Современные сценарии демографического будущего мира (на примере России и Германии) // Балтийский регион. 2018. Т. 10. № 3. С. 4 — 18.

6. Как менялась продолжительность жизни в России // ТАСС. 2020. 21 апреля: [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/info/8297145> (дата обращения 09.02.2021).

7. Козырева П.М., Смирнов А.И. Проблемы медицинского обслуживания в сельской местности // Гуманитарий Юга России. 2018. № 4: [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-meditsinskogo-obsluzhivaniya-v-selskoj-mestnosti> (дата обращения: 03.03.2021).

8. Министерство сельского хозяйства Российской Федерации. Официальный сайт: [Электронный ресурс]. URL: <https://mcx.gov.ru/ministry/> (дата обращения: 28.01.2021).

9. Полушкин Н.А. Проблемы и перспективы развития сельских территорий России // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. 2017. № 1 (49). Номер статьи: 4918: [Электронный ресурс]. URL: <http://eee-region.ru/article/4918/> (дата обращения: 26.02.2021).

10. Российский статистический ежегодник. 2020: Стат.сб./Росстат. М.: Росстат, 2020. 700 с.: [Электронный ресурс]. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/KrPEshqr/year_2020.pdf (дата обращения: 15.02.2021).

11. СП 42.13330.2016. Свод правил. Градостроительство. Планировка и застройка городских и сельских поселений. Актуализированная редакция СНиП 2.07.01-89* (утв. Приказом Минстроя России от 30.12.2016 №1034/пр) (в ред. от 19.12.2019): [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/search/?q=%> (дата обращения: 27.01.2021).

12. Стратегия устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2030 года. Утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 2 февраля 2015 г. № 151-р: [Электронный ресурс]. URL: <http://static.government.ru/media/files/Fw1kbNX VJxQ.pdf> (дата обращения: 17.02.2021).

13. Федеральная целевая программа «Социальное развитие села до 2013 года» (в ред. июля 2013 г.). Утв. Постановлением Правительства Российской Федерации от 3 декабря 2002 г. № 858 // Российская газета (rg.ru): [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2002/12/17/sel-dok.html> (дата обращения: 05.02.2021).

14. Федеральная целевая программа «Устойчивое развитие сельских территорий на 2014—2017 годы и на период до 2020 года» / Законы: [Электронный ресурс]. URL: <https://zakon.uef.ru/federalnaja->

celevaja-programma-socialnoe-razvitie-sela-do-2020-goda/ (дата обращения: 15.02.2021).

15. Федеральный закон *Российской Федерации* от 19.05.1995 г. № 81-ФЗ «О государственных пособиях гражданам, имеющим *детей*» (действующая ред. от 08.06.2020 № 166-ФЗ): [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/7871> (дата обращения: 17.02.2021).

16. Федеральный закон Российской Федерации от 06.10.2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (действующая ред. от 29.12.2020 г.): [Электронный ресурс]. URL: <https://fzrf.su/zakon/ob-organizacii-mestnogo-samoupravleniya-131-fz/> (дата обращения: 07.01.2021).

17. *Юдина Т.Н.* Демографическая составляющая в концепциях миграционной политики // Национальные демографические приоритеты: подходы и меры реализации. Сер. «Демография. Социология. Экономика». Т. 5. № 4 / Под ред. С.В. Рязанцева, Т.К. Ростовской. М.: Изд-во «Экон-Информ», 2019. С. 545— 548.

References

1. *Borisov V.A.* Demografiya. М.: Izdatel'skij dom NOTABENE, 1999, 2001. 272 s. Elektronnaya biblioteka sociologii: [Elektronnyj resurs]. URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/boris/ (data obrashcheniya: 07.01.2021).

2. Ezhemesyachnoe posobie sem'yam, prozhivayushchim v sel'skoj mestnosti // Oficial'nyj sayt Respublikanskogo centra social'noj podderzhki naseleniya Respubliki Bashkortostan: [Elektronnyj resurs]. URL: <http://rcspn.mintrudrb.ru/posts/8541> (data obrashcheniya: 28.01.2021).

3. Estestvennoe dvizhenie naseleniya v razreze sub"ektov Rossijskoj Federacii za yanvar'-dekabr' 2020 goda (Razmeshcheno 08.02.2021). Obshchie itogi estestvennogo dvizheniya naseleniya Rossijskoj Federacii // Rosstat: [Elektronnyj resurs]. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/TwbjciZH/edn12-2020.html> (data obrashcheniya: 15.02.2021).

4. Zdravoohranenie v Rossii. Oficial'noe izdanie 2019: Stat.sb./Rosstat. М., 2019. 170 s.: [Elektronnyj resurs]. URL:

<https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Zdravoohran-2019.pdf> (data obrashcheniya: 07.02.2021).

5. *Ioncev V.A., Subbotin A.A.* Sovremennye scenarii demograficheskogo budushchego mira (na primere Rossii i Germanii) // Baltijskij region. 2018. T. 10. № 3. S. 4 — 18.

6. Kak menyalas' prodolzhitel'nost' zhizni v Rossii // TASS. 2020. 21 aprelya: [Elektronnyj resurs]. URL: <https://tass.ru/info/8297145> (data obrashcheniya 09.02.2021).

7. *Kozyreva P.M., Smirnov A.I.* Problemy medicinskogo obsluzhivaniya v sel'skoj mestnosti // Gumanitarnij YUga Rossii. 2018. № 4: [Elektronnyj resurs]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-meditsinskogo-obsluzhivaniya-v-selskoy-mestnosti> (data obrashcheniya: 03.03.2021).

8. Ministerstvo sel'skogo hozyajstva Rossijskoj Federacii. Oficial'nyj sajt: [Elektronnyj resurs]. URL: <https://mcx.gov.ru/ministry/> (data obrashcheniya: 28.01.2021).

9. *Polushkin N.A.* Problemy i perspektivy razvitiya sel'skih territorij Rossii // Regional'naya ekonomika i upravlenie: elektronnyj nauchnyj zhurnal. 2017. № 1 (49). Nomer stat'i: 4918: [Elektronnyj resurs]. URL: <http://eee-region.ru/article/4918/> (data obrashcheniya: 26.02.2021).

10. Rossijskij statisticheskij ezhegodnik. 2020: Stat.sb./Rosstat. M.: Rosstat, 2020. 700 s.: [Elektronnyj resurs]. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/KrPEshqr/year_2020.pdf (data obrashcheniya: 15.02.2021).

11. SP 42.13330.2016. Svod pravil. Gradostroitel'stvo. Planirovka i zastrojka gorodskih i sel'skih poselenij. Aktualizirovannaya redakciya SNiP 2.07.01-89* (utv. Prikazom Minstroya Rossii ot 30.12.2016 №1034/pr) (v red. ot 19.12.2019): [Elektronnyj resurs]. URL: <http://www.consultant.ru/search/?q=%> (data obrashcheniya: 27.01.2021).

12. Strategiya ustojchivogo razvitiya sel'skih territorij Rossijskoj Federacii na period do 2030 goda. Utv. rasporyazheniem Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 2 fevralya 2015 g. № 151-r: [Elektronnyj resurs]. URL: <http://static.government.ru/media/files/Fw1kbNX VJxQ.pdf> (data obrashcheniya: 17.02.2021).

13. Federal'naya celevaya programma «Social'noe razvitie sela do 2013 goda» (v red. iyulya 2013 g.). Utv. Postanovleniem Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 3 dekabrya 2002 g. № 858 // Rossijskaya gazeta

(rg.ru): [Elektronnyj resurs]. URL: <https://rg.ru/2002/12/17/sel-dok.html> (data obrashcheniya: 05.02.2021).

14. Federal'naya celevaya programma «Ustojchivoe razvitie sel'skih territorij na 2014—2017 gody i na period do 2020 goda» / Zakony: [Elektronnyj resurs]. URL: <https://zakon.uef.ru/federalnaja-celevaja-programma-socialnoe-razvitie-sela-do-2020-goda/> (data obrashcheniya: 15.02.2021).

15. Federal'nyj zakon Rossijskoj Federacii ot 19.05.1995 g. № 81-FZ «O gosudarstvennyh posobiyah grazhdanam, imeyushchim detej» (deystvuyushchaya red. ot 08.06.2020 № 166-FZ): [Elektronnyj resurs]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/7871> (data obrashcheniya: 17.02.2021).

16. Federal'nyj zakon Rossijskoj Federacii ot 06.10.2003 g. № 131-FZ «Ob obshchih principah organizacii mestnogo samoupravleniya v Rossijskoj Federacii» (deystvuyushchaya red. ot 29.12.2020 g.): [Elektronnyj resurs]. URL: <https://fzrf.su/zakon/ob-organizacii-mestnogo-samoupravleniya-131-fz/> (data obrashcheniya: 07.01.2021).

17. *Yudina T.N.* Demograficheskaya sostavlyayushchaya v koncepciyah migracionnoj politiki // Nacional'nye demograficheskie priority: podhody i mery realizacii. Ser. «Demografiya. Sociologiya. Ekonomika». T. 5. № 4 / Pod red. S.V. Ryazanceva, T.K. Rostovskoj. M.: Izd-vo «Ekon-Inform», 2019. S. 545— 548.

VI

**РЕЦЕНЗИИ
И ОТКЛИКИ**

Ю.М. ОСИПОВ

Памяти В.Я. Курбатова*

Ушел из жизни *Валентин Яковлевич Курбатов*, писатель, литературный критик, мыслитель, блестящий оратор, о котором можно сказать, исходя из его объединительной и держательской роли в среде русской словесности... э-э... дедушка... нет, пожалуй, хоть и был он таковым, а скорее даже — хозяин... нет все-таки, нет не хозяин, хоть и был он действительным хозяином, а... да простит меня Валентин Яковлевич, ...*домовым русской литературы*, мало того, последней в общем-то русской литературы, уже по сути и ушедшей, как раз вместе с ее последним яростным адептом — В.Я. Курбатовым.

Познакомились мы с Валентином Яковлевичем в Пушкиногорье, во время проводимой там нами совместно с Пушкинским заповедником в 1999 г. не так научной, как попросту размыслительной, конференции «Столица и усадьба: два дома русской культуры», потом обозначенной Курбатовым в печати по рангу «блестящей». Познакомились, сошлись, подружились. Курбатов примкнул к нашему ученому сообществу, бывал у нас, участвовал в наших ученых бдениях, а я со своей стороны тоже приблизился к Курбатову, бывая у него в гостях во Пскове, встречаясь с ним в Пушкиногорье, в Ясной Поляне, проводя с ним в Москве выставку работ известного художника-мыслителя Ю. Сильвестрова.

Будучи однажды в гостях у Курбатова во Пскове, я вдруг получил от него предложение написать несколько слов в ведомый им лично-коллективный дневник, который был с ним всегда с собой, и в дороге тоже, а потому и названный им «Подорожник». В дневнике этом, опубликованном, кстати, в виде красивой, хорошо оформленной книги в 2004 г., помимо записей самого Курбатова, были записи

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Осипов Ю.М. Памяти В.А. Курбатова // *Философия хозяйства*. 2021. № 2. С. 273—274.

от разных писателей, художников, реставраторов, вообще людей от слова, от искусства, от русской памяти.

Немало озадаченный, я написал тогда следующее: *«Трудно писать во время суесловия. Может, бессловесье лучше — в ожидании Слова; будет, не будет, но верится: если не Россия, то кто?.. Странное это время — постисторическое, то ли повезло, то ли нет.*

Да будет!

Ю.М. Осипов, профессор МГУ.

9 июля 2002»

На мои слова Валентин Яковлевич ответил в «Подорожнике»: *«Будет, будет, Юрий Михайлович, ведь бессловесье не всегда немота. Когда оно принимает на себя подвиг молчания сознательно, оно становится музыкой».*

Валентин Яковлевич был прекрасным собеседником, умевшим и ладно говорить, и внимательно слушать, и чутко реагировать, и добродушно пошутить, что позволяло нам немало с ним откровенно и с пользой друг для друга общаться, да еще и, уж извините, господа, делать это под нашу родную русскую водочку.

Мы перезванивались, переписывались, а в последнее время все собирались, одолев обыденность, повидаться, посидеть, как раз под эту самую водочку, поговорить, но, увы, сие намерение, как нередко бывает, так и осталось лишь дружеским намерением, а теперь вот остается только по этому несбывшемуся поводу искренне сожалеть!

Да, редкий был человек, Валентин Яковлевич Курбатов, умный, тонкий, пронизательный, самобытный! Благородный печальник и удерживатель земли русской, однако не только не сдавшийся в годину тяжких обстоятельств, а и вышедший победителем!

Мало кому сей победный венец выпадает!

Ушел из жизни Валентин Яковлевич, но он остается с нами и останется в памяти России как ее выдающийся сын и гражданин, как оригинальный русский словесник и глубокий мыслитель, как ее непреходящий оберег!

И.П. СМЕРНОВ

«Люди Московского университета»*

Аннотация: Автор размышляет об определении «люди Московского университета» на конкретных примерах из жизни исторического факультета МГУ 1986–1996 гг.

Ключевые слова: Московский университет, личность, А.Ч. Козаржевский, С.С. Дмитриев, И.Д. Ковальченко.

Abstract: The author offers a reflection on the definition of «people of Moscow University» on specific examples from the life of the History Faculty of Moscow State University 1986—1996.

Keywords: Moscow University, personality, A.C. Kozarzewski, S.S. Dmitriev, I.D. Koval'chenko.

С легкой руки ректора выражение «люди Московского университета» вошло в обиход и, прирастая смыслами, живет самостоятельной жизнью. Мы привыкли произносить эти слова с гордостью и почти мистическим чувством сопричастности к по-настоящему большому и подлинному явлению, значение которого превосходит все актуальные, связанные со злобой дня (характеризуемого, между прочим, «сумерками высокой культуры») и его сиюминутной конъюнктурой суждения. Складывается впечатление, что второе тысячелетие закончилось, а третье, цепляясь за сумерки, никак не хочет начаться... И все же, независимо от времени и вопреки ему, какой-то своей частью, самой существенной, Московский университет продолжает принадлежать именно высокой культуре.

Высоту создают связавшие свою жизнь с университетом люди. Каждый выпускник МГУ непременно назовет несколько имен тех, кто в его студенческую пору был по праву причисляем к «великим». И часто эта оценка не зависела от официальных званий и научных регалий. Вспоминая в день Святой Татьяны университетских учителей, я назову три имени: А.Ч. Козаржевский, С.С. Дмитриев, И.Д. Ковальченко. Исторический факультет, каким я его застал, был богат

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Смирнов И.П. «Люди Московского университета» // *Философия хозяйства*. 2021. № 2. С. 275—278.

корифеями, начиная от парившего надо всем и всеми академика Б.А. Рыбакова, но мое воображение покорили и очаровали, каждый по-своему, названные трое.

Андрей Чеславович Козаржевский относился как раз к тем, кто царил безотносительно к званиям: кандидат филологических наук. Авторитет его как специалиста, педагога и личности был непрерываем. Человек церковный, что он, впрочем, никогда не афишировал, тонкий знаток койне — греческого языка Нового завета (изучение библейских текстов в советское время легче всего обосновывалось с позиций филологического интереса) — Козаржевский посвящал себя в первую очередь не научным изысканиям, а распространению знаний, особенно в устной форме. Наряду с классическими языками читал историю русской культуры, историю церковной архитектуры, источниковедение новозаветного канона, ораторское искусство, москововедение (последнее в качестве просветительского кружка в университетском ДК). По моему впечатлению, слава незаурядного оратора и любимца публики доставляла ему нескрываемое удовольствие, и он с артистизмом и даже не без доли азарта управлял внимающей каждому слову и обороту речи аудиторией, которая зачастую выходила далеко за рамки студенческой.

Иван Дмитриевич Ковальченко, наоборот, носил все возможные регалии и мне был интересен, в частности, своей безусловной принадлежностью к тому, что называлось советской общественной элитой. Такие как он обуславливали и, как стали говорить позже, легитимировали ее существование. Участник Великой Отечественной войны с 1941 г. до ранения в 1945 в боях за Венгрию, орденосец, он был академиком АН СССР, лауреатом Государственной премии, участником и руководителем самых разных международных ассоциаций историков. И.Д. Ковальченко разработал целый ряд оригинальных курсов и стал основоположником нескольких научных направлений в рамках экономической истории, историографии, источниковедения и поднятой им на щит методологии. При такой широте проблематики и глубине научной мысли многие вещи он схватывал удивительной интуицией, выработанной годами исследований. По сути, большую часть времени в последний период работы на кафедре он уделял не столько ей, сколько Академии, однако это не мешало помещению кафедры источниковедения не вмещать всех желающих

присутствовать на ее штатных заседаниях под его руководством, стулья приносились из соседних аудиторий и расставлялись в коридоре перед открытой дверью.

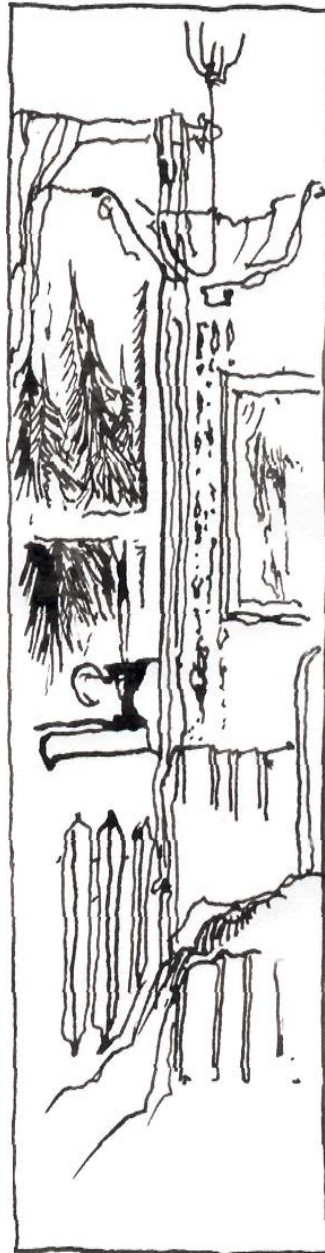
Учителем И.Д. Ковальченко был С.С. Дмитриев, в свою очередь учившийся у С.В. Бахрушина и Н.М. Дружинина. Сергей Сергеевич был личностью того же масштаба и такой же уникальной. В этом году исполнится 30 лет со дня его смерти. Я был слушателем последнего спецкурса, прочитанного им в университете. Для меня не просто совпадение, что все три профессора ушли из жизни во время моей учебы на факультете и в аспирантуре: наше поколение застало перелом эпох не только в социально-политическом смысле. Если И.Д. Ковальченко и А.Ч. Козаржевский олицетворяли в моих глазах советскую профессуру, весьма по-разному: один в официально-академическом, другой в вольнодумно-интеллигентском воплощении, — то С.С. Дмитриев представлялся нечаянным осколком имперской России. Это был единственный профессор, которого я застал принципиально носящим на голове старомодную «академическую ермолку» а-ля Лосев.

На заре своей деятельности С.С. Дмитриев был редактором и составителем рукописных поэтических сборников под общим названием «Мусагет», отсылающим к знаменитому издательству русских символистов. Один из ценнейших специалистов в области русской мысли и культуры XIX — начала XX в., своей бесконечной и непринужденной эрудицией он напоминает другого Сергея Сергеевича — Аверинцева, рядом с которым мне впоследствии удалось поработать в Венском университете, и тоже под самый конец его научной деятельности. Но если манеру изливать эту эрудицию на собеседника у Аверинцева я, прислушиваясь к оттенкам, назвал бы благодушной и трогательно-суетливой, то у Дмитриева она была одновременно сдержанной и благосклонно-вальяжной. Интересно, что С.С. Дмитриев, как и А.Ч. Козаржевский, тоже не был доктором наук, а кандидатскую диссертацию защитил по теме «Экономические воззрения славянофилов 1830—1950-х гг.». Жаль, что этот труд, как мне представляется, не был тогда воспринят экономистами, которые традиционно уделяли большое внимание воззрениям непрофессионалов, но несколько другого толка — декабристам, Герцену, Чернышевскому,

Писареву, Добролюбову и т. д. В дмитриевском семинаре безошибочно угадывалась его «закалка» музейного работника, тщательно и скрупулезно подбирающего источники: до университета он успел поработать в отделе редкой книги Ивановского областного музея и несколько лет в музее-усадьбе «Кусково». Когда он рассказывал о Серебряном веке, будь то поэзия или наука, философия или театр, музыка или газетное дело, он именно и буквально рассказывал, словно свидетельствуя о том, к чему был причастен собственной персоной.

Масштаб личности — как и в чем его измерить, не знает никто, при этом обычному человеческому восприятию он абсолютно доступен. Мне кажется, что не сумма знаний, полученных в университете, и даже не их универсальность, а главным образом соприкосновение с уникальными личностями, для каждого со своими, делает его выпускников такими узнаваемыми друг для друга на протяжении жизни. А некоторых из них делает очередным поколением людей Московского университета.

**НАУЧНАЯ
ЖИЗНЬ**

А. Новаку 65 лет

Алойзы Збигнев Новак — ректор Варшавского университета, бывший многие годы деканом факультета менеджмента, побывавший проректором, профессор, доктор экономических наук, известный в Польше и в мире профессионал, академический лектор, патриот Польши и гражданин мира, сторонник международного соглашения и позитивного меж странами взаимодействия, а главное — большой и давний наш коллега, сомыслитель и друг, постоянный участник наших декабрьских конференций, любитель Москвы и ее легендарных закоулков, знаток России и российской культуры, общительный, добрый, порядочный, надежный, в общем — чудо-человек!

65 лет — самый подходящий возраст для ученого, профессора, ректора, когда большой жизненный, профессиональный и деловой опыт плодотворно сочетается с молодецким еще задором — и все это на пользу науке, образованию, Варшавскому университету, Польше, миру, России, ну и нам тоже — коллегам и друзьям замечательного юбиляра!

Многие лета, дорогой Алойзы!

* * *

17 февраля 2021 г. состоялось очередное заседание теоретического семинара «Дискуссионные проблемы современной обществоведческой и экономической мысли» на тему: «Человек и социум сегодня — время “SOS”», на котором выступили доктора наук Ю.М. Осипов (ведущий), С.В. Бирюков (Шанхай, КНР), И.Р. Бугаян (Ростов н/Д), Ф.И. Гиренок, М.М. Гузев (Волжский), Р.П. Колосова, В.А. Кутырев (Н. Новгород), С.С. Мишуров (Иваново), К.В. Молчанов, И.В. Пшеницын, В.В. Шелкопляс (Иваново), Г.С. Широкалова (Н. Новгород), Н.Б. Шулевский, В.В. Чекмарев (Кострома), Т.Н. Юдина, кандидаты наук А.В. Андреева, С.А. Ермишина, Е.С. Зотова, В.В. Кашицын (Новороссийск), С.С. Мерзляков, Н.П. Недзвецкая, Е.А. Починкова (Новороссийск), И.П. Смирнов, А.А. Тарасов (Н. Новгород), О.Р. Чепьюк (Н. Новгород), В.В. Чапля (Краснодар), научный сотрудник Т.С. Сухина.

Е.С. ЗОТОВА

Человек и социум сегодня — время «SOS»*

Аннотация. Представлен обзор выступлений на теоретическом семинаре, состоявшемся 17 февраля 2021 г. на экономическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова, на тему: «Человек и социум сегодня — время “SOS”».

Ключевые слова: человек, социум, постгуманизм, трансгуманизм, цифровая революция, «цифровой фашизм», технос.

Abstract. The article presents an overview of reports at the theoretical seminar that was hold on February 17, 2021 at Faculty of Economics of Lomonosov Moscow State University on the topic: «A Human and the Society Today, in SOS Times».

Keywords: human, society, posthumanism, transhumanism, digital revolution, «digital fascism», technos.

Организаторы традиционного теоретического семинара «Дискуссионные проблемы современной обществоведческой и экономической мысли» на тему: «Человек и социум сегодня — время “SOS”», состоявшегося в онлайн-формате на экономическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова 17 февраля 2021 г., — лаборатория философии хозяйства и научный совет «Центр общественных наук МГУ» — сформулировали вынесенную на обсуждение проблему так: «“Идет охота на людей, идет охота!” SOS! Из человека вымывается человеческое, из человечества — гуманное. Иное “СОС” — “Стойкость, Ответственность, Солидарность”. Спасутся немногие, но ведь спасутся! Россия как ковчег спасения!».

Открывая заседание, ведущий — д.э.н., профессор **Ю.М. Осипов** (экономический факультет МГУ) — отметил, что в самой теме семинара, не говоря уже о сопутствующих ей и предваряющих дискуссию комментариях, содержится и ответ на проблемно-тематическую постановку, а потому лишь остается подтвердить сей ответ,

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Зотова Е.С. Человек и социум сегодня — время «SOS» // Философия хозяйства. 2021. № 2. С. 282—292.

оснастив его, конечно же, и новыми дополнительными комментариями: «”SOS” или не “SOS”? Ясно, что “SOS”, причем в прямом значении сего тревожного слогана: речь идет и в самом деле о спасении — и о спасении именно душ, чего сделать ныне, лишь обращаясь молитвенно к Богу, никак нельзя, ибо все вокруг, или почти все, или же попросту многое, против этих самых человеческих душ, то бишь и против человека вообще, как и социума вообще.

Как ни крути, но жизнь нынче идет в значительной, если не в решающей, степени не просто в античеловеческом и антисоциумном ключе, но и в густой, как утренний туман, античеловеческой и антисоциумной обстановке, скажу самое главное: в обстановке, знаете ли, античеловеческого и антисоциумного террора, да-да, именно так, пусть и не всегда вроде бы заметного, но, увы, крайне злокачественного и по-своему очень и очень эффективного. Нам — ученым — достаточно привести пример с наукометрией и существующими ныне порядками в сфере науки, чтобы перестать сомневаться в наличии не чего-нибудь, а именно террора — антинаучного, антимировского, античеловеческого, асоциального! Продолжать что-либо доказывать, озираясь с настороженным любопытством вокруг, явно не стоит — куда ни кинь взгляда, везде он — тотальный!

И после учета этого обстоятельства — как раз террорного — “SOS” наш никак не выглядит какой-то там алармической иллюзией, порождаемой растревоженным сознанием, нет, совсем нет: “SOS” ныне — это самый что ни на есть реальный “SOS”!».

«Террор, о котором речь, — продолжил Ю.М. Осипов, — изошренный, круговой, вездесущий, как раз и означает, что “Идет охота на людей, идет охота!”. Неважно, насколько сей террор и сия охота субъектно-субъективно кем-то провоцируются, ибо дело тут уже в самой цивилизации, уверенно и надежно превращающейся в антицивилизацию. Сама земно-людская экзистенция уже стала терроро-охотной относительно человека и общества. Отсюда и такие формулы, как постгуманизм, трансгуманизм, постэтатизм, панглобализм, пантехнологизм, “цифровой фашизм” вкупе с “цифровым рабством” и т. п. замечательные вещи. Обращаю внимание — сама экзистенция уже такова, неуклонно переходящая в антиэкзистенцию, то бишь уже в тягостную, погостного образца, нежизнь».

«Но несмотря на все это, а то и благодаря всему этому, — продолжил профессор Осипов, — я выдвигаю тезис под русским лите-

рами “СОС”, имея в виду “Стойкость, Ответственность, Солидарность”. Ничего другого нам не остается! А ежели России обернуться — таки к России — соборной России, то, глядишь, и удастся справиться с нахлынувшим на Россию и ее уже немало захватившим антимировским мороком, о котором тут как раз и идет речь, и превратить тогда Россию из тонущего дырявого корыта в плывущую в человеческом направлении надежную посудину — Ковчег Спасения!

Почему нет, ежели в бытийно-исторической реальности, как правило, случается все невероятное, да и случается всегда почему-то внезапно!»).

В своем выступлении «Человек и социум: диалектика взаимосвязи как спасение», к.э.н., профессор **В.В. Кашицын** (г. Новороссийск) отметил, что в содержательном плане товарно-капиталистическая трансформация российской экономики и общества в целом в течение тридцати лет сопровождалась тотальной энтропией всех форм организации — и особенно социума, что в конечном итоге привело к невиданным даже по мировым реалиям поляризации и расколу российского общества фактически в пропорции 1% против 99%.

Разумеется, никакой вариант развития в таком субъектном раскладе социально-экономических отношений просто не существует, что и привело к устойчивой стагнации общества.

Одновременно в обозначенный период стремительно синхронизировалась и кристаллизовалась вся гамма кризисов в развитых странах Запада, что закономерно из-за исчерпания рынков привело эпохальный период развития капитализма к его завершению, что, с одной стороны, лишило российскую развитийную современную гипотетику перспективы маневра, с другой — обозначила более рельефно вариативность возможностей развития.

Фактически, заметил профессор Кашицын, остаются два экстремальных варианта развития. Либо либерально-демократический — реализуемый последние тридцать лет, который уже в ближайшие годы чреват полной утратой субъектности, распадом страны, заметным сокращением населения и массовым переселением населения развитых стран в Россию посредством перехвата активов с целью эксплуатации российского социально-экономического потенциала, либо второй вариант — мобилизационного расширенного воспроизводства внутреннего рынка России с асимметричным втягиванием в этот процесс тех стран и народов, которым это выгодно и которые в этом процессе заинтересованы.

Важно отметить, что и тот, и другой варианты уже не мыслимы без новых жестких форм государствогенеза и жесткой, но динамичной мозаики социально-экономической и институциональной стратификации.

«В первой модели — дальнейшая поляризация. Во второй — гармонизация и социальная амортизация. Другими словами, и там, и там обозначилась императивность Ковчега с его эффектом спасения. Но в первом случае речь идет о западном Ковчеге в наших координатах, во втором случае — о нашем традиционном субъектном солидарном российском Ковчеге», — сделал вывод В.В. Кашицын.

«Поводы для скорби, но не уныния. Теория оптимума развития о практических путях выхода из социального кризиса смыслов жизни» — так обозначил тему своего выступления к.мед.н. **Е.В. Шелкопляс** (Институт развития, изучения здоровья и адаптации человека, г. Иваново).

Теория оптимума развития (ТОР) выделяет материальные (краткосрочные), социальные (душевные, среднесрочные) и духовные (метафизические, долгосрочные) смыслы бытия. Сегодня материальные смыслы дисгармонично доминируют в идеологии «либерального» общества. Результатами являются расчеловечивание и неудовлетворенность жизнью мыслящих людей. Однако уныние (явный грех) — пассивная форма реагирования на социальную фрустрацию. Иное дело, скорбь — активная форма реагирования, когда осознанное ощущение утраты предшествует конструктивной деятельности, порой подвигам.

ТОР выдвигает три базовых принципа изменений (вытекающих из закона бинарной комплементарности), способных формировать гармоничную модель развития общества. Первый — дополнение существующей «вертикали власти» «горизонталью» — инициативной и ответственной деятельностью территориальных общин. Второй — выделение в экономике секторов «малой» экономики, основанной на частной собственности, и «масштабной» общественной собственности. Третий принцип — дополнение прав власти ее ответственностью перед гражданами на основе заключения социального контракта союзами общин с кандидатом на избрание в органы власти любого уровня, отметил Е.В. Шелкопляс.

«Кризис человеческого — детерминация (мотивация) будущим» — такова тема доклада д.ф.н., профессора **В.А. Кутырева** (Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского).

При простом причинно-следственном объяснении кризиса естественно-исторического человека и его жизненного мира, сказал Кутырев, все кажется абсурдным или говорит о чьей-то злой воле — властей, олигархии, мировой закулисы, глубинного государства, — заговоре и т. п. Однако суть проблемы трагичнее. Это обратная сторона всеми чаемого прогресса, его «тьень», «эхо», «расчистка места» для превращения общества в полностью искусственное образование как систему технологий — технос, детерминация всех событий этим будущим состоянием. «Крот истории» копает против природы и жизни в направлении постчеловеческой формы бытия. Среди людей появляются носители и пропагандисты этих тенденций, чье сознание уже перезагружено силами иного, — трансгуманисты, техноиды и мутанты, которые составляют авангард технического прогресса как элиту общества. (Само)убийцы челове(с)тва(с)кого.

Задача философии раскрывать людям глаза на противоречивый характер прогресса, обосновывать необходимость сознательного управления им с целью «приведения к человеку». Общество может/должно жить по модели индивида, который борется за свое бесконечное продолжение даже без надежды победить. Так продолимся!.. — призвал профессор Кутырев.

Д.ф.н., профессор **Ф.И. Гиренок** (философский факультет МГУ) в своем выступлении рассказал о том, что такое эпоха антропоцена и какое она имеет отношение к русскому космизму. На его взгляд, философия антропоцена началась в головах новых натуралистов, среди которых мы находим имена Де Кастро, Латура, Дескола, Симондона, Харауэй и их последователей, источником вдохновения которых является делезианская онтология. В чем суть этой онтологии? Ее суть — в растворении понятия времени в пространстве. Пространство для них все, а время — ничто. Гиренок считает, что Жиль Делез предстает как последователь русского космиста К. Циолковского, который утверждал, что жизнь может быть основана не только на углеводе, но и на кремнии и золоте, а человек может существовать в виде потоков лучистой энергии. А это и составляет смысл распада

«осевого времени» и возникновения новой эпохи «антропоцена», заметил профессор Гиренок.

В выступлении д.ф.н., профессора **Н.Б. Шулевского** (философский факультет МГУ) было проанализировано состояние современного человека, которого взял на свое перевоспитание технологический трансгуманизм. В результате первых же шагов реализации проекта трансгуманизма выявился его античеловеческий, геноцидный характер в отношении людей, их творческой деятельности и культуры. Основным орудием расчеловечивания людей становится искусственный интеллект, рейтинги, цифровизация и пандемия. Рейтинги уничтожают науку и разум, цифровизация устанавливает тотальный контроль за каждым шагом человека, а пандемия служит палачом, исполняющим функции превращения воли людей в животный страх, сказал профессор Шулевский. Этим раскрывается цивилизационный тупик современного Запада, который уже не может задействовать инструменты войны для антропологической эксплуатации этого тупика; в то же время он не может (и не умеет!) действовать иначе. И технологизм выступает для него как последняя вера и надежда, как последнее средство для сохранения «золотого тельца» даже ценой геноцидного превращения людей в сырье и материал его тука. Софиасофия и философия хозяйства видят неизбежный приход экзистенциальной и социальной сингулярности, которая может апокалиптически спасти человека и человечность самоходом субстанции их свободы — таков вывод Н.Б. Шулевского.

Д.полит.н., профессор **С.В. Бирюков** (ВКПУ, г. Шанхай, КНР; СИУ—РАНХиГС, г. Новосибирск) представил доклад «Новый публичный порядок и человек: изменяющийся контекст».

Публичный порядок — состояние публичной сферы, при котором устойчивость превосходит изменчивость, проявления стабильности преобладают над кризисными проявлениями, а нормальное функционирование — над дисфункциями. Наряду с традиционными чертами публичного порядка, отмеченными различными исследователями от М. Фуко до З. Баумана (анонимность, принципиальное отсутствие границ и всепроникающий характер, неразрывная связь с механизмами публичной коммуникации и с системой опосредованного контроля, многообразие используемых капиталов и др.), в текущей ситуации проявляется ряд новых моментов в функционировании

публичного порядка — его принципиальная глобальность (надгосударственность), связь с глобальной матрицей контроля (когда на место паноптикума приходит синоптик как система опосредованного контроля за каждой отдельной личностью), сегментация пространства контроля и очередная «революция менеджеров» (связанная с отказом управляющих от части управленческих функций с переносом обязанности осуществлять их на управляемых, активное продвижение глобальных конвенциональных дискурсов, а также стремление не просто контролировать, но моделировать и программировать желательное для управляющих социальное поведение индивидов и др.).

Перечисленные изменения меняют статус человека в рамках глобального пространства, превращая его из многомерной (трехипостасной) фигуры в электронную копию («профайл» из необходимых управляющим «рекомендованных» качеств). Модель подобной контролируемой и программируемой личности внедряют сегодня многие ведущие страны мира в процессе так называемой «цифровой революции». По убеждению профессора Бирюкова, адекватным ответом России на вызов «глобальной цифровизации» могло бы стать отстаивание собственного видения многомерной и иерархически организованной личности, опирающейся на наследие христианско-православной традиции; в противном случае, избежать культурной деградации и «цивилизационного демонтажа» России не представляется возможным.

Д.э.н., профессор **В.В. Чекмарев** в соавторстве с к.э.н. **Вл.В. Чекмаревым** (г. Кострома) выступил с докладом «Священный эгоизм (о социально-экономической безопасности человека и социума)», в котором отметил, что священный эгоизм наполняет новым содержанием понятие homo economicus. Пандемия коронавируса ускорила тектонические социальные процессы. Их отражением в сознании социума стали ценностные суждения типа: «Пациент умер от вскрытия», «Лучше ужасный конец, чем страх ужаса бесконечно», «Самоуправство — это контроль водителя автобуса или троллейбуса — в маске ты или нет». Десубъективизация личности стала трактоваться фразой медработников: «Больной — источник доходов». Иначе говоря, не охрана здоровья, а воспроизводство больного стало востребованным (для некоторых «специалистов»). И находятся лераконы (лево-радикально-консерваторы), утверждающие, что это со-

стояние общества — обычно. В развернутом виде оценка экономической самоизолированной деятельности дает возможность утверждать, что возникает постковидный неоглобализм, идущий на смену *modus vivendi*, подытожил докладчик.

Тема выступления д.э.н., профессора **И.В. Пшеницына** касалась главной отличительной особенности менталитета русского народа — бессмертия души как коллективного процесса в отличие от присущего христианству бессмертия индивидуальной души. Это различие обусловлено особенностью русской территориальной соседской общины, обеспечивающей горизонтальные управленческие связи в обществе — в отличие от кровнородственной общины, которая порождает вертикальные отношения господства и подчинения в обществе, характерные для отношений собственности в цивилизациях, сказал профессор Пшеницын.

В выступлении к.э.н. **Е.А. Починковой** (г. Новороссийск) было отмечено, что одним из факторов напряженности в социуме является нарастающее имущественное неравенство. Феноменом последних десятилетий стало стремительно увеличивающееся неравенство в доходах от труда — разница в зарплатах топменеджеров и остальных работников. В России это особенно проявилось на уровне госкорпораций и в бюджетной сфере. Сложившаяся ситуация может привести к социальному взрыву, если не будут найдены средства для изменения этой тенденции. Любая несправедливость, разрушение ценностей происходят при отсутствии противодействия. За ценности надо бороться. Непротивление злу приводит к новому злу, а не к восстановлению справедливости, подчеркнула Е.А. Починкова.

Основными моделями развития, заметил к.ф.н. **С.С. Мерзляков** (экономический факультет МГУ), являются догоняющая модель развития и опережающая модель развития. Догоняющая модель предполагает перенос из другого общества тех технологических, социальных, научных или культурных достижений, которые успешно используются в обществе-образце. В целом эта модель проще в использовании, потому что позволяет не тратить ресурсы на изобретение и первичное тестирование нововведений. Опережающее развитие предполагает создание новшеств. Потенциально модель опережающего развития является более выгодной на длинной дистанции, потому что ориентирована на создание новых продуктов, рынков сбыта и новых решений — в том числе культурных и социальных.

Однако попытка теоретической работы в рамках модели опережающего развития России в контексте институтов культуры упирается в проблему образа будущего. Для того, чтобы создавать инструменты опережающего развития, нужно иметь представление о цели этого развития. Но в настоящее время подобная работа в России невозможна именно в силу отсутствия внятного образа будущего и конкретной цели развития общества.

В настоящее время наблюдаются две тенденции разной направленности. Условно два этих вектора развития можно обозначить как вектор на общество и вектор на человека. Вектор социального развития Китая направлен на доминирование общества, что включает в себя попытки унификации отдельных индивидов, введение социальных рейтингов и т. д. Вектор социального развития стран Запада направлен на доминирование человека, что включает в себя различные варианты эмансипации, поощрение разнообразия, технологическую и генетическую модификацию человека в перспективе. Оба эти вектора определяются в том числе своими крайними проявлениями, которые могут вызывать одинаковое отторжение у россиян (в том числе из-за укорененного в сознании «своем пути»). Однако какой-то из этих векторов нужно выбрать. В противном случае никакой прогноз относительно будущего невозможен и исключается использование такого инструмента, как социокультурная модернизация.

Использование модели опережающего развития (по крайней мере в контексте институтов культуры, которые нуждаются в фиксации ценностных аттракторов) в России в настоящее время либо невозможно, либо наталкивается на серьезные трудности. Это сложная методологическая проблема, лишаящая России потенциально качественных инструментов развития. Образ желаемого будущего — это не только политический проект, объединяющий общество, но и важный элемент научной работы, сделал вывод С.С. Мерзляков.

Д.э.н. **Т.Н. Юдина** (экономический факультет МГУ) обратилась к творчеству Ф.М. Достоевского как провидца. Говоря об уникальности взглядов Достоевского на человека и общество, общество и природу, докладчик актуализировала концепт Достоевского о неприменимости естественнонаучных подходов к обществу в условиях цифровизации. Она напомнила о высказываниях Достоевского о все-

мирности и всечеловечности русского человека. Его концепт о ложных идеях (разделения людей на обычных и необычных, противопоставления цели и средства, исключения духовности и нравственности из основополагающих устоев общества) по-прежнему «работает», заметила Т.Н. Юдина.

К.и.н., доцент **С.А. Ермишина** (исторический факультет МГУ) в своем выступлении обратила внимание на тему «оцифрованного» человека Ф.М. Достоевского, которую писатель раскрывает через героев своих романов. Увлечшись «математическими идеями», главный герой романа «Подросток» от подсчетов своих доходов, воодушевляясь идеей мгновенного обогащения — «идеей Ротшильда», быстро переходит к измерению всей жизни по этим нормам, или Крафт, который с помощью формул доказывает бесперспективность России, переносит это на свою жизнь и расстаётся с ней. Другие действующие лица в романах, особенно близкие к революционной среде, прибегают к авторитету «математических идей» для доказательства верности пути, избранного на их основе, вплоть до террора. Писатель показывает, как нарастают острые противоречия между этими якобы доказанными «теоретическими трафаретками» и жизнью. Далеко не всем — как Подростку — удастся преодолеть их и вырваться к жизненной реальности. Для многих «оцифрованных» людей это заканчивается преступлением и наказанием, заметила С.А. Ермишина.

«Время манкуртов — на время», — провозгласил д.э.н., профессор **М.М. Гузев** (Волжский филиал ВолГУ). Глобальные перемены в мире, во всех сферах жизнедеятельности современного общества актуализируют вечную проблему «Человек и социум». Особенность ее в XXI в. состоит в стремительном изменении самого человека не только как субъекта отношений и как субъекта истории, но и в физиологическом смысле. Иначе говоря, речь идет не только о тенденции к его превращению в гражданина мира, но и в бесполого и бесплодного существа. Био- и нанотехнологии превращают человека в робота, в «электроника». А это уже другое общество — общество полулюдей-полуэлектроников. А значит, и законы, сформулированные опытом «старой» цивилизации, не работают. То, чем человек отличается от остального живого мира — умением думать, читать, писать, говорить, — обесценивается, становится ненужным, угасает. Лишними становятся само образование и воспитание, поскольку нет

ориентиров. Чему учить? Зачем? Лишними становятся не только работоспособные, но и люди вообще. Отсюда шаг до самых человеко-ненавистнических теорий и практик. Болевая точка цивилизации — это Память. Стирая память, мы стираем самого человека. Манкурт — главная опасность. Это важно понять, поскольку, чтобы успешно лечить, необходимо знать, от чего. Диагноз поставлен — значит, есть надежда, что время манкуртов — на время, заключил профессор М.М. Гузев.

Подытоживая, **Ю.М. Осипов** сказал: «Дискуссия состоялась: живая, напряженная, интересная, еще и пятичасовая, без брейков и, так сказать, брекзитов (кроме уж совершенно вынужденных). Каков же результат? Подтверждение тут, осознание, оценка, приговор, поиск выхода, причем поиск выхода из, как кажется, безвыходного положения. А что нам, ученым, остается, кроме как увидеть, понять, указать, предложить? Мы не принимаем больших—судьбоносных и роковых — решений, но мы квалифицируем текущую ситуацию, прозреваем ее движение и возможные в ней перемены, предлагаем пусть и не решения как таковые, а, скажем так, необходимые для них предрешения, кое о чем тревожном, даже и пагубном, предупреждаем, зная, что наступающее темное антимировское марево не минет в итоге никого, а его наивных протаганистов накроет как раз в первую очередь, о чем уже звонко, хоть и невольно, выкрикивают так называемые “несанкционированные события”, как и явно взволнованная и растерянная реакция на них со стороны правящих, разъясняющих и “карающих” кругов. А ведь вся эта “несанкционированная молодежь” — ваш же, господа, продукт (очищенный от образовательно-воспитательного тягла, вполне по-своему и террорного) эксперимента, проведенного в стране по внешним лекалам и какому-то на удивление антилюдскому вдохновению!

Что тут сказать: с народом, как учил достославный Макиавелли, шутки плохи, а народ хоть и по привычке своей долгоиграющей безмолвствует, но думу-то свою думает, причем вовсе не ту, которую ему навязывает мани-шоу-медийная антицивилизация, вполне, кажется, уже и мошенническая, а свою — глухую, вопросную и очень, знаете ли, неприятную, так зачем же напрягать понапрасну народ, вызывая в нем духов негодования, отрицания и революции, куда как лучше идти вместе с ним по бытию-истории, сочетая потребную новизну с глубинной традицией, причем идти не на Запад

и не на Восток, а к России — той самой, что всегда выручала и которая выручит снова, ежели, конечно... правильно к ней подступить, а шанс еще есть, он окончательно не потерян: гражданское доверие к имперскому центру управления страной и гражданский инстинкт служения общему делу еще в народе насовсем не стерлись, а нерасторопная и заспанная Аннушка еще только-только направилась со своим помятым алюминиевым бидоном в лавку за подсолнечным маслом!».

* * *

17 марта 2021 г. на экономическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова состоялось очередное заседание теоретического семинара «Дискуссионные проблемы современной обществоведческой и экономической мысли» на тему: «Экономика среди хозяйства: от экономического либерализма к хозяйственному дирижизму» (в режиме видеоконференции), посвященное памяти В.Т. Рязанова, на котором выступили доктора наук Ю.М. Осипов (ведущий), Л.Ю. Андреева (Ростов н/Д), И.Р. Бугаян (Ростов н/Д), А.В. Бузгалин, А.А. Гриценко (Киев, Украина), М.М. Гузев (Волжский), М.И. Зияков (Киев, Украина), П.С. Лемещенко (Минск, Белоруссия), Г.Р. Наумова, С.В. Синяков (Киев, Украина), И.В. Пшеницын, М.А. Румянцев (СПб.), С.С. Слепаков (Пятигорск), К.А. Хубиев, В.В. Чекмарев (Кострома), Н.А. Шапиро (СПб.), Г.С. Широкалова (Н. Новгород), Н.Б. Шулевский, С.П. Юхачев (Тамбов), кандидаты наук О.В. Доброчеев, С.А. Ермишина, Е.С. Зотова, В.В. Кашицын (Новороссийск), Н.П. Недзвецкая, А.Б. Протасов (СПб.), И.П. Смирнов, В.А. Ушанков (СПб.), Е.В. Шелкопляс (Иваново), научный сотрудник Т.С. Сухина.

АНОНСЫ

ЛОМОНОСОВСКИЕ ЧТЕНИЯ — 2021

Научная конференция экономического факультета МГУ

«Поколение экономических идей»

Секция лаборатории философии хозяйства

«От экономики беспредела к предельной экономике»

Эсхатологический кризис гиперфинансовой и ультраглобальной экономики. Экономiku как хозяйство бешеных денег под контроль! Переход к хозяйству со служебным целе-ценностным расчетом посредством потребной для этого цифровизации.

21—22 апреля 2021 г.

(онлайн)

* * *

ВСЕРОССИЙСКАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

«Россия: земля и люди»

на тему:

**«Рассеянные будни потрясенной России:
ожидания, миражи, реалии»**

Разве будни российские ныне не рассеянные, а, наоборот, всюю определенные, стройные, проектные, надежные, понятные, наконец? То, что ожидания людские (хоть физических лиц, хоть юридических) неопределенны, а просматриваемые ими горизонты вполне себе миражны, то бишь то и другое и впрямь рассеянное — это более или менее попятно, но вот объективные, так сказать, реалии, еще и каждодневные, они-то что — разве не задеты необъятным, весьма уже и институциональным хаосом? Новые времена — новый мир — новая реальность, ну и новая ее рассеянность, прямо-таки сетевая, в сети и сквозь сети, вполне себе тоже рассеянные. Надолго ли все это, а может, и навсегда?

Июнь 2021 г.,

(Совместно с Тамбовским государственным университетом имени Г.Р. Державина и администрацией Мучкапского района Тамбовской области)

* * *

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

30 лет ЦОН МГУ

**«Россия под натиском новых реалий:
цивилизация, социум, хозяйство»**

Несмотря на наличие в стране инерционных интенций сохранить и упрочить, лишь цифротронно модернизовав, пореформенное социально-хозяйственное устройство, новые реалии требуют больших системных перемен, позволяющих России, освободившись от давления неблагоприятного контекста, выйти на путь всестороннего развития и обретения самой себя. Большая историческая мистерия, вполне и судьбоносная!

Секции:

1. Цивилизация России: традиции и новины.
2. Социум России: состояние и тенденции.
3. Россия хозяйствующая: время и бремя перемен.

8—10 декабря 2021 г.

Наши авторы

ОСИПОВ ЮРИЙ МИХАЙЛОВИЧ,

доктор экономических наук, профессор, заведующий лабораторией философии хозяйства, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*osipov.msu@mail.ru*).

КОРОЛЕВ ВЛАДИМИР КОНСТАНТИНОВИЧ,

доктор философских наук, профессор, кафедра теории культуры, этики и эстетики, Институт философии и социально-политических наук, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия (*vkorolev@sfnu.ru*).

ЕВГРАФОВА ОЛЬГА ВЛАДИМИРОВНА,

кандидат философских наук, доцент, кафедра экономической теории и международных экономических отношений, Российская таможенная академия, Ростовский филиал, Ростов-на-Дону, Россия (*dia7@bk.ru*).

СМИРНОВ ГРИГОРИЙ СТАНИСЛАВОВИЧ,

доктор философских наук, профессор, кафедра философии, Ивановский государственный университет, Иваново, Россия (*gssmirnov@mail.ru*).

АРТЕМЬЕВА АЛЕНА АЛЕКСЕЕВНА,

стажер-исследователь, Научно-образовательный центр «Комплексные ноосферные исследования», Ивановский государственный университет, Иваново, Россия (*a.a.odintsova@mail.ru*).

МАРКОВ АЛЕКСАНДР ВИКТОРОВИЧ,

доктор филологических наук, профессор, кафедра кино и современного искусства, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия (*markovius@gmail.com*).

АНОХОВ ИГОРЬ ВАСИЛЬЕВИЧ,

кандидат экономических наук, доцент, Всероссийский научно-исследовательский институт железнодорожного транспорта, Москва, Россия (*i.v.anokhov@mail.ru*).

ЧЕКМАРЕВ ВАСИЛИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ,

доктор экономических наук, профессор, руководитель, Костромское региональное отделение Петровской академии наук и искусств при администрации Костромской области, Кострома (*tcheckmar@ksu.edu.ru*).

ЧЕКМАРЕВ ВЛАДИМИР ВАСИЛЬЕВИЧ,

кандидат экономических наук, докторант, Костромской государственной академии культуры и искусств, Кострома (*tcheckmar@ksu.edu.ru*).

ДУБРОВИН ИЛЬЯ АНДРЕЕВИЧ,

магистрант, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*IlyaDubrovin1010@mail.ru*).

КОЖЕВНИКОВ ВЯЧЕСЛАВ ПОРФИРЬЕВИЧ,

доктор исторических наук, профессор, Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет, Нижний Новгород, Россия (*valentina27_85@mail.ru*).

КОПТЕЛОВА ТАТЬЯНА ИВАНОВНА,

кандидат философских наук, доцент, кафедра философии, социологии и политологии, Нижегородская государственная сельскохозяйственная академия, Нижний Новгород, Россия (*koptelova2210@rambler.ru*).

ШУЛЕВСКИЙ НИКОЛАЙ БОРИСОВИЧ,

доктор философских наук, профессор, философский факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*shylevsk@mail.ru*).

ГИРЕНКО ФЕДОР ИВАНОВИЧ,

доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философской антропологии, философский факультет; ведущий научный сотрудник, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*girenok@list.ru*).

ШУЛЫНДИНА АНАСТАСИЯ БОРИСОВНА,

кандидат философских наук, Нижегородская государственная консерватория имени М.И. Глинки, Нижний Новгород, Россия (*shulindinaab@mail.ru*).

РОСТОВА НАТАЛЬЯ НИКОЛАЕВНА,

доктор философских наук, профессор, кафедра философской антропологии, философский факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*nnrostova@yandex.ru*).

МОЛЧАНОВ КОНСТАНТИН ВЛАДИМИРОВИЧ,

доктор философских наук, кандидат экономических наук, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, лаборатория философии хозяйства, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова; главный редактор интернет-издания «Диалектика», Москва, Россия (*kmolchnov@econ.msu.ru*).

РАЗУМОВСКИЙ АЛЕКСЕЙ ИГОРЕВИЧ,

кандидат технических наук, старший научный сотрудник, Институт проблем управления имени В.А. Трапезникова РАН, Москва, Россия (*razumowsky@yandex.ru*).

КАМАРИ ДАНИЭЛЬ МИХАЙЛОВИЧ,

преподаватель, Центр изучения иностранных языков, МГИМО МИД РФ, Москва, Россия (*katari_daniel@mail.ru*).

ВЕЛИКОРОССОВ ВЛАДИМИР ВИКТОРОВИЧ,

доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой организационно-управленческих инноваций, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, Москва, Россия (*Velikorossov.VV@rea.ru*).

ФИЛИН СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ,

доктор экономических наук, профессор, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, Москва, Россия (*Filin.SA@rea.ru*).

НИКУЛИН ЛЕОНИД ФЕДОРОВИЧ,

доктор экономических наук, профессор.

ЮХАЧЕВ СЕРГЕЙ ПЕТРОВИЧ,

доктор экономических наук, профессор, исполняющий обязанности заместителя главы Администрации Тамбовской области, Тамбов, Россия (*troveo@mail.ru*).

ЛЕБЕДЕВА ТАМАРА ВАСИЛЬЕВНА,

кандидат географических наук, доцент, научный сотрудник, кафедра демографии, Высшая школа современных социальных наук (факультет), МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*shonohova@rambler.ru*).

САБИНОВ АНДРЕЙ ПАВЛОВИЧ,

магистрант, программа «Безопасность государственного управления и противодействие коррупции», направление «Государственное и муниципальное управление», Институт государственной службы и управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия (*andrey.s.75@inbox.ru*).

ШАТАЛОВА АНАСТАСИЯ ВАЛЕРЬЕВНА,

специалист, Академия дополнительного образования, Московский государственный университет технологий и управления имени К.Г. Разумовского, Москва, Россия (*a.malanina@mgutm.ru*).

СМИРНОВ ИГОРЬ ПАВЛОВИЧ,

кандидат исторических наук, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*post123_2000@mail.ru*).

ЗОТОВА ЕЛЕНА СЕРАФИМОВНА,

кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*eszotova@mail.ru*).

Our Authors

OSIPOV YURI MIKHAILOVICH,

Doctor of Economics, Professor, Head of Laboratory of Philosophy of Economy, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*osipov.msu@mail.ru*).

KOROLEV VLADIMIR KONSTANTINOVICH,

Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Department of the Theory Culture, Ethic and Aesthetic, Institute of Philosophy and Social-Political Science, South Federal University, Rostov-on-Don, Russia (*vkorolev@sfnu.ru*).

EVGRAPHOVA OLGA VLADIMIROVNA,

Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Department of the Economic Theory and International Economic Relations, Russian Customs Academy, (branch), Rostov-on-Don, Russia (*dia7@bk.ru*).

SMIRNOV GRIGORIY STANISLAVOVICH,

Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia (*gssmirnov@mail.ru*).

ARTEMYEVA ALENA ALEKSEEVNA,

Intern-Researcher of Education Center «Complex Noosphere Research», Ivanovo State University, Ivanovo, Russia (*a.a.odintsova@mail.ru*).

MARKOV ALEXANDER VIKTOROVICH,

Doctor of Philology, Professor, Chair of Cinema and Contemporary Art, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia (*markovius@gmail.com*).

ANOKHOV IGOR VASILIEVICH,

Candidate of Economics, Associate Professor, JSC Railway Research Institute, Moscow, Russia (*i.v.anokhov@mail.ru*).

CHEKMAREV VASILY VLADIMIRIVICH,

Doctor of Economics, Professor, Head, Kostroma Regional Department, Petrovsky Academy of Sciences and Arts under the Administration of the Kostroma Region, Kostroma, Russia (*tcheckmar@ksu.edu.ru*).

CHEKMAREV VLADIMIR VASILIEVICH,

Candidate of Economics, Kostroma State University, Kostroma, Russia (*tcheckmar@ksu.edu.ru*).

DUBROVIN ILYA ANDREEVICH,

Master's Student, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University (*IlyaDubrovin1010@mail.ru*).

KOZHEVNIKOV VYATSHESLAV PORFIRIEVITSH,

Doctor of Historical Sciences, Professor, Nizhny Novgorod State University of Architecture and Civil Engineering, Nizhny Novgorod, Russia (*valentina27_85@mail.ru*).

KOPTELOVA TATYANA IVANOVNA,

Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Nizhny Novgorod State Agricultural Academy, Nizhny Novgorod, Russia (*koptelova2210@rambler.ru*).

SHULEVSKI NIKOLAY BORISOVICH,

Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*shylevsk@mail.ru*).

GIRENOK FEDOR IVANOVICH,

Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*girenok@list.ru*).

SHULINDINA ANASTASIAY BORISOVNA,

Candidate of Philosophical Sciences, Nizhny Novgorod State Conservatory, Nizhny Novgorod, Russia (*shulindinaab@mail.ru*).

ROSTOVA NATALYA NIKOLAEVNA,

Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Department of Philosophical Anthropology, Philosophical Faculty, Lomonosov Moscow State University (*nnrostova@yandex.ru*).

MOLCHANOV KONSTANTIN VLADIMIROVICH,

Doctor of Philosophical Sciences, Candidate of Economics, Candidate of Sociology, Senior Researcher, Laboratory of Philosophy of Economy, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University; Editor-in-Chief of «Dialectics», Moscow, Russia (*kmolchnov@econ.msu.ru*).

RAZUMOWSKY ALEXEY IGOREVICH,

Candidate of Technical Sciences, Senior Researcher, V.A. Trapeznikov Institute of Control Sciences RAS, Moscow, Russia (*razumowsky@yandex.ru*).

KAMARI DANIEL MIKHAILOVICH,

Teacher, Foreign Language Learning Center, MGIMO University, Moscow, Russia (*kamari_daniel@mail.ru*).

VELIKOROSSOV VLADIMIR VIKTOROVICH,

Doctor of Economics, Professor, Department of Organizational and Administrative Innovations, Plehanov Russian Economic University, Moscow, Russia (*VelikorossoV.VV@rea.ru*).

FILIN SERGEY ALEKSANDROVICH,

Doctor of Economics, Professor, Department of Organizational and Administrative Innovations, Plehanov Russian Economic University (*Filin.SA@rea.ru*)

NIKULIN LEONID FEDOROVICH,

Doctor of Economics, Professor.

YUKHACHEV SERGEY PETROVICH,

Doctor of Economics, Professor, Acting Deputy Head of the Administration of the Tambov Region, Tambov, Russia (*troveo@mail.ru*).

LEBEDEVA TAMARA VASILYEVNA,

Candidate of Geographical Sciences, Associate Professor, Researcher, Department of Demography, Higher School of Modern Social Sciences (Faculty), Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*shonohova@rambler.ru*).

SABINOV ANDREY PAVLOVICH,

Master's student, Direction «State and Municipal Management», Institute of Public Administration and Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia (*andrey.s.75@inbox.ru*).

SHATALOVA ANASTASIA VALERYEVNA,

Specialist, Academy of Additional Education, Moscow State University of Technology and Management named after K.G. Razumovsky, Moscow, Russia (*a.malanina@mgutm.ru*).

SMIRNOV IGOR PAVLOVICH,

Candidate of Historical Sciences, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*post123_2000@mail.ru*).

ZOTOVA ELENA SERAPHIMOVNA,

Candidate of Economics, Leading Researcher, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*eszotova@mail.ru*).

Требования к оформлению статей

Редакция принимает к рассмотрению статьи объемом до 40000 знаков (без пробелов).

Для каждой статьи обязательно наличие на русском и английском языках: сведений об авторе (прилагаются в отдельном файле); названия статьи; аннотации; ключевых слов; списка литературы.

Аннотация к статье должна быть информативной, в ней должны отражаться цель работы и ее основные результаты исследования, область их применения, выводы. Недопустимо несоответствие между русскоязычной и англоязычной аннотациями. Англоязычная аннотация должна быть написана грамотно (100—150 слов).

Сведения об авторе (в текстовом оформлении) должны включать: полные фамилию, имя и отчество; ученую степень, звание; занимаемую должность; основное место работы (учебы); адрес электронной почты, контактный телефон.

Каждая статья должна сопровождаться индексом **УДК, ББК** (после аннотаций и ключевых слов).

Требования к электронной версии: текст статьи в формате MS Word (.doc или .docx) стандартным шрифтом Times New Roman (14 пт.) с межстрочным интервалом — 1,5, отступ «первой строки» — 1 см.

Не допускаются в тексте статьи выделения, кроме курсива.

Автор и название статьи пишутся обычным шрифтом строчными буквами, не допускается использование других стилей, располагаются по центру, сначала на русском, затем на английском языках.

Список цитируемой литературы указывается в конце статьи. Оформляется в соответствии с ГОСТ 7.0.5–2008. Ссылки на литературу — внутритекстовые. В квадратных скобках после цитаты указывается номер источника в списке литературы и после запятой — номер страницы (например, [1, 3]). Несколько источников указываются через точку с запятой [1, 15; 8].

В список литературы включаются только публикации, которые упоминаются в тексте статьи. В списке литературы помещаются сначала публикации на русском языке (в алфавитном порядке), затем публикации на языках, основанных на латинском алфавите (также в алфавитном порядке).

Дополнительно под заголовком **References** должен прилагаться список русскоязычных источников в латинском алфавите: либо в переводе на английский язык, либо в виде транслитерации.

Таблицы выполняются табличными ячейками Word. **Математические символы и формулы** должны быть набраны в редакторе формул, прилагаемом к MSWord. Слева в скобках — нумерация формул. Графики строятся с использованием Excel (файл обязательно должен содержать исходные численные данные).

Рисунки и схемы, выполненные в Word, сгруппировываются внутри единого объекта, допуская возможность перемещений в тексте и изменений размеров. Название — под рисунком. Размер шрифта внутри рисунков — 10. **Размер таблиц и рисунков** по ширине не должен превышать 11 см. **Цвет рисунков — черно-белый**. Не использовать в статье сканированные, экспортированные или взятые из Интернета графические материалы и не вставлять их в документы Word.

Плата за публикацию не взимается, главное — качество материала и его соответствие профилю журнала. Подписка на журнал (6 номеров в год; один номер объемом 19 п. л.) осуществляется в редакции. Оформить подписку можно в отделениях связи, почтовый индекс в каталоге «Пресса России» — 83115. Библиотечный индекс — 741. Все вышедшие с 1999 г. номера журнала можно приобрести в розницу.

Наш адрес: 119991, Москва, Ленинские горы, МГУ, 3 учебный корпус, экономический факультет, к. 331, тел. (495)939-4183.

Порядок рецензирования статей, поступающих в журнал «Философия хозяйства»

1. Все присланные для публикации материалы рассматриваются редколлегией на предмет соответствия их научного уровня тематике журнала. При несоответствии присланного материала профилю журнала и требованиям к оформлению статей присланный материал не рецензируется и не публикуется.

2. Все рукописи, поступающие в журнал, направляются по профилю научного исследования на рецензию членам научно-редакционного совета (НРС), при необходимости членам научно-экспертного совета журнала (НЭС) или приглашенным рецензентам, имеющим соответствующую компетенцию.

3. Рецензенты уведомляются о том, что присланные им рукописи являются частной собственностью авторов и относятся к сведениям, не подлежащим разглашению. Рецензентам не разрешается делать копии статей для своих нужд.

4. В случае отказа в публикации автору рецензируемой работы может быть предоставлена возможность ознакомиться с текстом рецензии без упоминания имени рецензента.

5. Если в рецензии на статью содержатся рекомендации по ее доработке, то рецензия может быть направлена автору для продолжения работы над статьей.

6. Решение о целесообразности публикации после рецензирования принимается НРС.

7. Материалы, относящиеся к деятельности редакции и НРС, сохраняются.

8. Ответственность за использование данных, не предназначенных для открытых публикаций, несут авторы в соответствии с законодательством РФ.

Редакционная этика журнала

Редакция принимает к публикации достаточные по научному качеству и соответствующие основному направлению издания авторские материалы, не содержащие не обозначенные специально (кавычками, сносками) заимствования из опубликованных ранее работ, включая и собственные авторские.

Текст материала должен быть не только самостоятельно выполненным его автором, но и ранее не публиковавшимся.

Подаваемый в журнал материал не должен быть одновременно предлагаем другим изданиям.

Автор подаваемого материала гарантирует ненарушение авторских прав иных лиц и организаций.

Редакция подвергает любой предлагаемый для публикации текст проверке на плагиат. В случае обнаружения не обозначенных соответствующим образом заимствований, включая собственные авторские, редакция либо отклоняет полученный материал, либо предлагает автору внести в текст необходимые коррективы.

Редакция строго соблюдает научно-творческую направленность журнала и воздерживается от публикации априорно идеологизированных и политизированных материалов.

Редакция не допускает публикации любых «фобских» материалов, как и наличия грубых выпадов в адрес официальных органов и лиц, других авторов, независимо от государственной и гражданской принадлежности.

Редакция гарантирует конфиденциальную сохранность подаваемого материала и невозможность пользования им до его опубликования никакими лицами, включая сотрудничающих с редакцией.